П. ОЙУНСКИЙ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

П. ОЙУНСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Вступительная статья
С. П. Данилова и Г. Г. Окорокова

Составление И. В. Пухова

Примечания
Г. Г. Окорокова и И. В. Пухова

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1978

С.(Як) 2
О-48

В настоящее издание включены переводы лучших произведений основоположника якутской советской литературы Платона Алексеевича Ойунского (1893—1939).

Видное место в якутской литературе занимают его поэмы на сюжеты олонхо и народных преданий: «Нюргун Боотур Стремительный», «Туйаарыма Куо Светлолицая» и «Красный Шаман», о которой тепло отозвался М. Горький. Многие лирические стихотворения П. Ойунского стали народными песнями якутов.

Произведения П. Ойунского представлены в переводах В. Державина, О. Шестинского и других русских поэтов. Многие переводы публикуются в данном издании впервые.

О $\frac{70403—044}{083(02) — 78}$ 385—78

ПОЭЗИЯ БОРЬБЫ И СОЗИДАНИЯ

Поэт, публицист, ученый и общественный деятель П. А. Ойунский (1893—1939) был одним из основоположников якутской советской литературы. Он активно участвовал в революции, гражданской войне и организации Советской власти в Якутии, как никто до него способствовал утверждению в якутской литературе принципов партийности и народности, сделал поэзию оружием идейного и эстетического перевоспитания масс. Платон Ойунский обогатил национальную якутскую поэзию разработкой революционной темы, введением новых жанров, обращением к новым изобразительным средствам. Так, наряду с традиционными для народного стиха аллитерацией и ассонансом в якутском стихосложении он ввел рифму и силлабический размер. Его творчество навсегда вошло в золотой фонд якутской литературы. Ойунский был также и одним из организаторов Союза писателей Якутии.

На обширных пространствах северо-востока Сибири раскинулась Якутская Автономная Советская Социалистическая Республика, одна из крупнейших в Российской Федерации. Знаменитая несметными богатствами своих недр, Якутия представляет собой край контрастов, исторических и природных. Якутия — это веками нетронутые таежные и тундровые просторы, мало заселенные людьми, это древнейшие промыслы — охота, оленеводство и скотоводство. И вместе с тем здесь налицо все приметы стремительного XX века: вооруженные новейшей техникой промышленные предприятия по добыче алмазов, золота, олова, строительство четвертого в стране крупнейшего угольно-металлургического комбината, линия Байкало-Амурской магистрали, институты Академии наук, Якутский государственный университет со многими факультетами. Якутия интересна и как край развитого крупного совхозного и колхозного скотоводства и земледелия в условиях Крайнего Севера. Якутия ныне — это современные города (Ал-

дан, Мирный, Ленск, Нерюнгри) и рабочие поселки (самые молодые из них — Чернышевский, Айхал, Удачный). В городах Якутии ведется исключительно интересная работа по сооружению крупных благоустроенных зданий в условиях вечной мерзлоты. По темпам роста городского населения Якутия сегодня уже опережает многие области страны. Одним словом, нынешняя Якутия — это край бурной индустриализации, высокой культуры, сплошной грамотности населения.

Принято считать, что якутская народность возникла в результате смешения пришлых скотоводческих тюркских племен с аборигенами края. По данным археологии, тюркские предки якутов до переселения в Якутию жили в северном Прибайкалье и в Приангарье. Но они проникали и значительно западнее, тесно общаясь с народами Саян и Алтая, о чем свидетельствуют исторические связи якутского эпоса — олонхо. Легендарные предки якутов — курыканы упоминаются в орхонских надписях VI—VIII веков. Предки якутов, вытесненные в эпоху межплеменных войн более сильными соседями и в поисках лучших пастбищ и охотничьих угодий, постепенно прибывали на Лену. Как гласят исторические предания, сюда прибывали племена не только тюркского, но частично и монгольского происхождения. Они, ассимилировав часть местных племен, спустя века образовали современный якутский народ. Этот тернистый исторический путь народа нашел отражение в его преданиях и героическом эпосе — олонхо.

Социальное расслоение среди якутов шло издавна, поэтому до революции якутский народ находился под двойным гнетом — «своих» баев и тойонов, а также царских чиновников и купцов. Хотя якутская письменность возникла еще в XIX веке, население, томившееся в нищете и бесправии, было почти поголовно неграмотным. Дореволюционная Якутия представляла собой полудикий, богом забытый край, превращенный царизмом в ледовую «тюрьму без решеток».

В разное время в Якутии отбывали ссылку декабристы А. А. Бестужев-Марлинский, М. Н. Муравьев-Апостол, Николай Чижов, великий мыслитель и революционер-демократ Н. Г. Чернышевский, народник-демократ И. А. Худяков, выдающийся писатель-гуманист В. Г. Короленко, Эдуард Пекарский — автор уникального «Словаря якутского языка», Вацлав Серошевский, перу которого принадлежит всемирно известное этнографическое исследование «Якуты» (1896), С. В. Ястремский — автор известного фольклорного сборника на русском языке «Образцы народной литературы якутов» (1929) и популярной грамматики якутского языка, и многие другие. Немало сделали они для просвещения и роста самосознания якутского на-

рода, для сбора и публикаций его фольклора и создания письменности.

Огромную роль в судьбах Якутии сыграли ссыльные большевики, среди них — ближайшие соратники Ленина (Ем. Ярославский, Г. К. Орджоникидзе, Г. И. Петровский и другие), воспитавшие первую когорту якутских революционеров-большевиков, организаторов Советской власти в Якутии. Их имена навсегда связаны с началом революционной борьбы якутских трудящихся.

Сбылись пророческие слова Ленина: «Раскрепощенные от царистского угнетения, освобождающиеся от кабалы тойонов якутские трудящиеся массы пробудятся и с помощью русских рабочих и крестьян выйдут на путь полного укрепления власти самих трудящихся».[1]

Якутская литература — детище Советской власти. Великий Октябрь открыл перед якутами все возможности для развития культуры, в частности — художественной литературы на родном языке.

До самого начала XX века весь духовный мир бесписьменного якутского народа отражался в произведениях устного народного творчества. Лишь в годы первой русской революции появляются начальные ростки национальной художественной литературы в жанрах поэзии и драматургии. Они взошли на благодатной почве развитого якутского фольклора и мифологии и гуманистических, демократических традиций русской классической литературы. Зачинателями якутской литературы явились писатели-просветители: поэт и фольклорист А. Е. Кулаковский (1877—1926), драматург и поэт А. И. Софронов (1886—1935), прозаик и драматург Н. Д. Неустроев (1895—1929). В своих произведениях они критиковали патриархально-феодальную отсталость Якутии и зарождавшиеся в крае буржуазные отношения, колониализм и империализм.

Как и многие младописьменные советские литературы, зародившиеся в переходную — от капитализма к социализму — эпоху, якутская литература в первой трети XX века прошла путь своего первоначального становления ускоренными темпами.

Начиная с Ойунского и других молодых писателей 20-х годов, якутская литература приступает к освоению новых тем, к овладению новым творческим методом социалистического реализма с его принципиально новой художественной концепцией мира и человека.

Платон Алексеевич Ойунский (Слепцов) родился 29 октября (10 ноября) 1893 года в третьем Жексогонском наслеге Батурусского улуса Якутской области (ныне Октябрьский наслег Алексеевского

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 52, с. 138—139.

района Якутской АССР) в семье неграмотного крестьянина. Свой литературный псевдоним «Ойунский» — от названия его рода «Ойуун ууса» («Род шамана») — поэт в 1922 году принял в качестве фамилии. Семья Слепцовых была бедной и многодетной, ее постоянными спутниками были нужда и болезни. Три сестры и три брата из одиннадцати детей в разные годы умерли от туберкулеза. О своем отце Алексее Петровиче Слепцове (по прозвищу Хоочугур) поэт впоследствии писал в автобиографии: «Отец мой сельский бедняк, раб земли и скота, попавший в неимоверную кабалу у тойонатства. Мой отец не мог быть по своей бедности и многосемейности даже наслежным скороходом, т. е. рассыльным». Любовь к образному слову, решительность характера и душевную отзывчивость поэт перенял у матери, Евдокии Петровны Унаровой. Платон был первенцем, на которого мать возлагала большие надежды. Свою сыновнюю привязанность поэт выразил в стихотворении «На могиле моей материи Евдокии».

Родной улус писателя был в то время примечательным во всех отношениях. Он славился народными сказителями — исполнителями народного героического эпоса олонхо, такими, как например И. Н. Винокуров (Табаахырап), С. А. Саввин (Куохайаан), А. Н. Харлампьев (Кылачыысап). В Батурусском улусе жили видные представители русской политической ссылки, занимавшиеся собиранием и изучением якутского фольклора и языка, создавшие фундаментальные научные исследования о материальной и духовной культуре якутов (почетный академик Э. К. Пекарский, этнографы В. Ф. Трощанский, В. М. Ионов и другие). Из этих мест вышло и первое поколение якутских писателей.

Будущий поэт рос в обстановке уважительного и творческого отношения к языку и поэзии своего народа. Зимними вечерами в кругу семьи и близких соседей мальчик зачарованно слушал сказителей-олонхосутов. А с девяти лет он сам начал сказывать олонхо, сперва в кругу сверстников, а потом и по приглашению соседей. «У меня в детстве было воображение богатое, красочное, рассказывал красноречиво, — писал впоследствии Ойунский. — Получал приглашения тойонов, которые на досуге наслаждались моими рассказами в длинные зимние ночи».

Четырнадцати лет Платону удается поступить в сельскую школу. После успешного окончания ее наслежная общественность помогает ему переехать в Якутск, где с 1911-го до 1914 года он учится в городском четырехклассном училище, а с 1914-го до 1917 года — в учительской семинарии.

Во время учебы в Якутске одаренный и общительный юноша оказался в самом центре общественной жизни молодежи. Вместе с пи-

сателем Николаем Неустроевым он организовал литературный кружок учащейся молодежи, выпускавший рукописный журнал «Юность». Сохранился пятый номер этого журнала за 1914 год, на страницах которого помещена статья Платона Слепцова «Слово о жизни демократов и аристократов». «Богатые и образованные, — пишет в ней юный Ойунский, — сидят на шее этих изнуренных рабов, погибающих миллионами в ужасных страданиях. Нет, братья, так жить нельзя, — это ад. Имейте хоть каплю жалости к братьям».

В декабре 1916 года начал работать подпольный большевистский кружок под руководством Емельяна Ярославского, в который были вовлечены П. Ойунский, М. Аммосов, С. Аржаков и другие. Как раз о них Ем. Ярославский впоследствии напишет, что тогда «воспитывалось новое поколение якутской молодежи, молодые большевики, которые впоследствии вынесли на своих плечах и тяжесть гражданской войны, и трудности социалистического строительства первых годов». [1]

Начало общественно-революционной и литературной деятельности Ойунского относится к марту 1917 года. Под руководством ссыльных большевиков Платон и его ближайший друг Максим Аммосов организовывают союз чернорабочих-якутов. От этого союза Ойунский, тогда еще студент выпускного курса учительской семинарии, был избран заместителем председателя Якутского Совета рабочих депутатов и членом исполнительного бюро Областного комитета общественной безопасности. Газетой «Правда» еще тогда были отмечены выступления молодого Слепцова и его друга Аммосова в качестве трибунов и пропагандистов идей революции, несущих своему народу свет большевистской правды. «Платон Слепцов и Максим Аммосов были лучшими ораторами из якутской молодежи, — писал Ем. Ярославский, — с первых же дней революции определившимися как большевики, что имело громадное влияние на якутскую массу». [2] Тогда же, в марте 1917 года, по поручению Ем. Ярославского Ойунский пишет свое стихотворение «Песня труженика» (по мотивам популярной русской революционной песни «Рабочая марсельеза») — это первое напечатанное произведение молодого поэта и первая ласточка якутской советской поэзии. Стихотворение Ойунского вместе со статьей Ем. Ярославского «Объединяйтесь!» было тогда же распространено в виде листовки.

---

[1] Ем. Ярославский, О Якутии. Статьи, письма, речи, телеграммы, Якутск, 1968, с. 202.
[2] Там же, с. 137.

Так возникло первое печатное социалистическое слово на якутском языке, ознаменовавшее одновременно и начало якутской советской поэзии. Описывая празднование 1 Мая 1917 года в Якутске, Емельян Ярославский с большой теплотой писал о своих воспитанниках и их делах: «Стоит внизу еще недавно порабощенная якутская масса и жадно слушает страстные речи молодых якутов-социалистов. Вот яркий Максим Аммосов, даровитый Платон Слепцов, застенчивый Александр Попов и другие — первые социалисты из якутской массы, первые агитаторы и пропагандисты. В день 1 Мая 1917 года в Якутске вышел листок на якутском языке — первая социалистическая литература на якутском языке была издана нами». [1]

Великий Октябрь Ойунский встретил как убежденный революционер, прошедший марксистскую школу. С этого времени начинается его активная общественная биография. Осенью 1917 года П. Слепцов — студент исторического отделения Томского учительского института. Здесь он участвует в установлении Советской власти в Томске, формирует боевые отряды из рабочих Анжерских и Судженских каменноугольных копей. В марте 1918 года П. А. Ойунский принят в члены Томской большевистской организации РКП(б). Вскоре он возглавляет комиссию Центросибири (Центральный Исполнительный Комитет Советов Сибири) по организации Советской власти в Якутии. И когда в ночь на 1 июля 1918 года начался штурм города Якутска частями красногвардейского отряда под командованием А. С. Рыдзинского, Ойунский с оружием в руках шел в рядах штурмующих. Тогда же он вошел в состав военно-революционного трибунала, учрежденного в Якутске для борьбы с контрреволюцией. Когда в сентябре 1918 года Якутск вновь оказался в руках контрреволюционеров, Платон Ойунский в числе других советских и партийных работников был арестован и выслан за пределы Якутии. Но он продолжает борьбу и в колчаковской ссылке. Работая сельским учителем в деревне Казанке Ново-Кусковской волости Томской губернии, он создает подпольный ревком, ведет агитацию за Советскую власть. В мае 1919 года он был схвачен колчаковскими карателями, брошен в застенок и только случайно избежал смерти. Настроение тех драматических дней передает стихотворение «Не всё ль равно?!», в котором впервые в якутской литературе выведен образ непреклонного коммуниста, борца и человека.

Советская власть окончательно утвердилась в Якутии 19 декабря 1919 года в результате падения здесь кровавой диктатуры Колчака.

---

[1] Ем. Ярославский, О Якутии, с. 69.

Основные события гражданской войны в Якутии падают на 1921—1922 годы, а разгром последней крупной вылазки контрреволюции на территории Якутии — авантюры генерала Пепеляева — произошел в начале 1923 года.

После свержения колчаковщины летом 1920 года в Якутию возвращается группа партийных и советских работников, в том числе и П. А. Ойунский. В 1921—1922 годах Платон Алексеевич — председатель Якутского губернского ревкома. Тогда же он возглавлял губернскую комиссию по борьбе с белобандитизмом. Бережное отношение, проявленное первыми якутскими большевиками, в их числе М. Аммосовым, П. Ойунским, Ис. Бараховым и С. Аржаковым, к представителям старой интеллигенции, способствовало тому, что известные дореволюционные якутские писатели (А. Кулаковский, А. Софронов, Н. Неустроев) перешли на сторону Советской власти, искренне приняли ее и стали впоследствии советскими писателями.

Поворотными в судьбе поэта и его народа явились решения X съезда партии, в работе которого Ойунский принял участие в качестве делегата и на котором он впервые увидел Ленина и услышал его выступление. Вернувшись в Якутию, писатель принимает активное участие в государственной, политической и культурной жизни республики. После образования в 1922 году Якутской АССР П. А. Ойунский — председатель Совнаркома, а затем — председатель Центрального Исполнительного Комитета Якутской Автономной Советской Социалистической Республики. П. А. Ойунский был членом ЦИК СССР второго и третьего созывов (1924—1925), делегатом X съезда партии, XI Всероссийского, II Всесоюзного съездов Советов и I Всесоюзного съезда советских писателей, на котором был избран членом первого Правления Союза писателей СССР. В декабре 1937 года он избран депутатом Верховного Совета Союза СССР первого созыва.

Ойунский отдал немало сил и энергии развитию письменности и печати на родном языке, книгоиздательского дела, народного образования, науки и культуры в республике. В 1935 году в Институте национальностей при ЦИК СССР он защитил диссертацию на ученую степень кандидата лингвистических наук на тему «Якутский язык и пути его развития» и стал директором первого в республике Научно-исследовательского института языка и культуры в Якутии. В том же году на I Всеякутской конференции писателей Ойунский избран председателем Правления якутского отделения Союза писателей. До конца жизни он оставался активным общественным деятелем и всем своим творчеством утверждал высокую общественную миссию поэти-

ческого слова. Недаром Красный Шаман из одноименной поэмы Ойунского вопрошал у Времени:

> Будет ли добрым помянут словом
> Бурю поднявший страстным зовом,
> Родине жизнь свою посвятивший,
> Робость невольников победивший,
> В сердце им вливший стойкость, решимость,
> Веру в величье и несокрушимость
> Бьющихся с ложью,
> Бесправьем и злом?

Поэтическое творчество Ойунского с самого начала было связано с его многогранной общественной деятельностью. В декабре 1921 года он переводит на якутский язык гимн международного пролетариата «Интернационал» (опубликован в газете «Ленский коммунар» 15 декабря 1921 года). Всего четыре с небольшим года отделяет перевод «Интернационала» от «Песни труженика». Но за эти четыре года недавний ученик уже стал видным общественным деятелем, закаленным большевиком, а начинающий автор Слепцов — теперь поэт Ойунский, который уже сделал свои первые переводы из произведений А. М. Горького («Песня о Буревестнике», «Песня о Соколе»), написал в 1919 году в колчаковском застенке свое боевое послание другу — М. К. Аммосову, стихотворение «Не всё ль равно?!» и работал над большой драматической поэмой «Красный Шаман». Работа над «Интернационалом» была для Ойунского важным этапом овладения поэтическим мастерством. Здесь он впервые органически соединил в одном произведении три основных стилевых пласта якутского языка: слова разговорно-бытового обихода, слова, заимствованные или переведенные с русского для выражения новых понятий, архаические выражения, используемые для передачи высокой патетики революции. Текст «Интернационала» при жизни поэта неоднократно переиздавался, совершенствуясь с каждым разом. Последний вариант пролетарского гимна, который поется на якутском языке поныне, опубликован во втором номере журнала «По заветам Ильича» за 1925 год.

В середине 20-х годов завершается значительный этап литературной деятельности Ойунского. К этому времени написаны его оригинальные революционные песни и стихи, ставшие вскоре массовыми песнями, — «Песня свободы» (1922), «Да вознесется слава» (1922), заканчивается многолетний труд над поэмой «Красный Шаман» (1917—1925). К середине 20-х годов относится работа над драмой

«Большевик», которая завершена к 1927 году, к десятилетию Великого Октября. Тогда же поэт впервые обращается к прозе, начинает писать свои первые рассказы и повести («Никус „помешанный"», «Сон Кожемяки», «Великий Кудангса»).

Начальный период творчества поэта поучителен прежде всего тем, что Ойунский первым из якутских поэтов почувствовал острейшую необходимость новой формы для выражения нового революционного содержания. «Новое время требует новых песен» — мысль эту поэт неоднократно проводил в своих статьях о теории якутского стихосложения и в своих поэтических произведениях, в частности в стихотворении «Вставайте, песни пойте!» («Турунг, турунг, туойунг!»). Поэт первым вводит в якутское стихосложение правильные размеры, строфику и рифму, теоретически обосновав это в дискуссиях 20-х годов наличием элементов равносложности и рифмы в народной песне — дэгэрэнг и в народном героическом эпосе — олонхо, а также фонетическими возможностями самого якутского языка.

Другой характерной чертой этого периода было обращение молодого поэта к темам русской и мировой революционной поэзии. Он влил в якутскую поэзию страсть и энергию революционной мысли, напряжение и драматизм классовой борьбы, боевую ораторскую интонацию, язык бушующих страстью митингов. Наряду с революционными гимнами Ойунский переводил и произведения Пушкина, Лермонтова, Крылова. По русским источникам знакомился с творчеством Гете, Петефи, Эжена Потье и доносил их в своих переводах до нового якутского читателя. Стихи советских поэтов открыли ему пути к новым поэтическим темам, он не раз их переводит. Но особенно дорог был поэту опыт раннего Горького, Горького-романтика, говорившего о себе: «Мне всегда хотелось видеть человека именно таким, каков он есть, но для того, чтоб показать его лучшим, чем он есть. Это значит — приукрасить его? Нет, это значит, что я считаю себя вправе переделывать человека».[1] Под этими словами великого пролетарского писателя мог бы подписаться и Ойунский, ибо он тоже был за переделку мира и человека. В письме к своему другу М. К. Аммосову 27 декабря 1917 года он говорил: «Итак, дорогой мой, не падай духом в борьбе за завоевание прав человека, за дары великой русской революции, — у нас в прошедшем мирная и человеколюбивая борьба со злом, у нас есть и настоящее многообещающее, у нас есть и будет будущее, счастливое и мирное, богатое и своеобразно прелестное». Всегда глубоко осознавая эту неразрывную связь времен и во имя этого «своеобразно прелестного» будущего, которое

---

[1] Цит. по публикации в «Литературной России», 1968, 22 марта.

представлялось ему не иначе как коммунистическим, жил, действовал и творил революционный поэт.

Поэзия Ойунского — это поэзия высокого общественного пафоса, страстного и живого. «П. А. Ойунский не только правильно понимал в каждый исторический момент вопросы, на которых сосредоточиваются внимание и силы народа, — пишет народный писатель Якутии Н. Е. Мординов, — но и умел высокохудожественно воспевать их, так, чтобы это западало в души и сердца людей, придавало им силы и поднимало их дух». [1]

Уже в отборе жизненного материала поэт обнаруживает особенности поэтического видения мира. Он обращает внимание прежде всего на возвышенные, трагические стороны бытия, на факты яркие, острые, на происшествия чрезвычайные, ситуации исключительные, события предельной напряженности, несущие в своей основе сгусток действительности, то есть на факты не рядовые, иллюстративные, а на «факты-явления», «факты-символы», дающие возможность широкого обобщения. В стихотворении «Не всё ль равно?!» еще в 1919 году Ойунский создал первый в якутской поэзии образ коммуниста-интернационалиста, борца за новый мир, человека нового типа:

Земная ширь необозрима.
Работать будем неустанно
И насмерть с белыми сражаться.
А если даже умереть
За революцию в боях
Вдали от родины придется —
Раскаиваться я не стану,
С дороги этой не сверну.

Здесь поэт выразил суть и особенность своей революционной эпохи, когда каждый отдельный человек лицом к лицу встречается с историей, что неизмеримо повышает степень исторической ответственности каждого.

Одним из первых в якутской литературе Ойунский создал образ В. И. Ленина. В дни смерти и похорон Владимира Ильича в январе 1924 года поэт был в Москве. Он принимал участие в работе XI Всероссийского съезда Советов, на одном из заседаний которого М. И. Калинин известил делегатов о постигшей мир тягчайшей утрате. Впе-

---

[1] Сб. «Основоположник якутской советской литературы», Якутск, 1974, с. 23.

чатления этих дней Платон Алексеевич передал в очерке «В дни похорон Ленина» (1924) и впоследствии не раз возвращался к образу любимого вождя. В своих воспоминаниях «Минувшие дни и годы» (1927) писатель описал выступление Ильича на X съезде партии и горячую встречу вождя делегатами съезда.

Лучшим поэтическим произведением П. А. Ойунского, посвященным великому Ленину, остается стихотворение «На смерть вождя» (1924), в котором поэт создал монументальный, цельный и одновременно подкупающе человечный образ вождя.

В стихотворении, полном трагического накала, чувство величайшей скорби сменяется глубокой уверенностью в конечном торжестве дела Ленина. Ильич будет продолжен в делах и борьбе миллионов, ибо —

Глядим не с тоскою в глазах —
в нас вечен порыв буревой.

В 1925 году П. А. Ойунский еще раз обратился к образу вождя, переведя на якутский язык стихотворение А. Безыменского «Партбилет». О верности заветам Ленина говорится и в стихотворении «Клятва» (1927). Стихотворение «Дума» (1929) посвящено размышлениям об обязанностях коммуниста — политического руководителя масс. Автор начинает и заканчивает стихотворение образом бури, сравнивая революционный порыв народа с бушующими морскими волнами. Коммунист не должен отступать перед бурей, он обязан следовать заветам Ленина.

Проблема героического подвига, совершаемого во имя сознательной революционной идеи, нашла своеобразное решение в замечательном стихотворении Ойунского «Завещание орла» (1922), в котором оригинально трактуется предел проявления человеком героизма: бороться не только «до последней капли крови, до последнего дыхания», то есть пока жив, — герой Ойунского идет дальше. Умирающий герой-большевик и после смерти хочет остаться в рядах борцов. Вот его предсмертные слова:

«Мой труп — это крепость, друзья, а не прах,
и пламенный стяг водружайте над ним!

А коль с четырех вас обложат сторон
и хлынут бандиты, хрипя и кляня, —
вы тело мое превратите в заслон,
чтоб пули врагов попадали в меня!»

Тема героизма решается здесь в бесспорно романтическом плане: героизм через невозможное. Однако герой стихотворения не исступленный фанатик, а реальный, живой человек, ясно и с болью осознающий наступление своего последнего часа:

И я на виду у студеной Амги
сейчас умираю под острой скалой,
убили меня, молодого, враги,
а братья засыплют родною землей.

Умирающий боец, завещая укрепить его телом баррикаду, выражает готовность и решимость масс к сознательному подвигу. Он говорит от имени множества борцов:

Нас черным бандитам не взять на испуг,
превыше небес нашей мысли полет,
и солнца горящий, сверкающий круг
кровь наша, как ярый огонь, обожжет.

Чувства героя разделяют его товарищи по оружию:

На зимней Амге возле каменных скал
такие слова большевик нам сказал,
слова завещанья в предсмертный свой час,
и гневно сердца застучали у нас...

Основой этого романтически приподнятого произведения послужил реальный факт. Прототипом героя был красноармеец Афанасий Николаевич Попов, уроженец Киренского уезда Иркутской губернии, участник беспримерной, героической «ледяной» обороны в местности Сасыл-Сысыы Амгинского района. Небольшой отряд под командованием легендарного красного командира И. Я. Строда был окружен многократно превосходящими силами врага и, выдержав многодневные отчаянные атаки противника до подхода наших основных сил, способствовал разгрому последней авантюры колчаковского генерала Пепеляева. Предсмертные слова реального героя, обращенные к его товарищам по оружию, были: «Я умираю за Советскую власть. Призываю вас бороться до последнего патрона... не сдавайтесь... если не устоите, сделайте, как решили... взорвите все на воздух... пусть наше красное знамя упадет вместе с нами и прикроет нашу братскую могилу... Да здравствует Советская власть и Ленин». [1]

---

[1] «За власть Советов в Якутии. Биографический сборник о борцах, погибших в 1918—1925 гг.», Якутск, 1958, с. 168.

В стихотворении «Завещание орла» на примере необычного факта Ойунский раскрывает глубокую суть революционной действительности, показывает, на какую моральную высоту поднялся безымянный герой революции.

В стихотворении «Харачаас» (1936), воспевая красного партизана-орденоносца И. П. Михайлова-Харачааса, поэт видит истоки его героизма уже не в одном ярком порыве, а в прочности и надежности его человеческого характера. Поэт в своем герое выявляет черты человека-труженика: скромность и сноровку, сознательность и бесстрашие коммуниста, его готовность к повседневному подвигу. Заветная мечта Харачааса — увидеть Ильича и сердечно пожать ему руку, выразив тем самым всю свою глубочайшую признательность и любовь к вождю.

Жажда подвига во имя революции — главное в стихотворении «Я метко стреляю» (1937), также посвященном реальному событию — подвигу комсомольцев и пионеров села Абаги, героически отбивших атаку белобандитов. Этим и другими произведениями Ойунский ввел в поэзию для детей героическую тему. Не ограничиваясь пересказом событий, автор показывает, что юный герой Афонас и его друзья — молодое поколение, рожденное Октябрем, достойная смена большевиков старшего поколения.

В поэзии Ойунского отражены все основные события революционного переустройства общества и социалистического строительства в Якутии. Поэт был не сторонним наблюдателем, добросовестно откликавшимся на злобу дня, а активным участником этих событий. Вот почему почти каждое его произведение — «езда в незнаемое», поэтическое открытие нового. Так, после XIV съезда партии, вошедшего в историю как съезд индустриализации, Ойунский создал одно из своих лучших произведений — стихотворение «Железный конь» (1926), где условно-монументальный образ локомотива, мчащегося на всех парах сквозь кромешную тьму ночи, символизирует решимость советского народа, пролагающего новые, неизведанные пути истории.

И кто-то яростно кричит
Из древней темноты:
«Зачем спешишь?
Куда летишь?
Ты ночью в пропасть
Угодишь!» —

это голос трусов и маловеров, пасующих перед трудностями созидания нового. Но победивший народ уверенно идет к намеченной цели:

Но через глушь и темноту
Вдоль гор, лесов, болот
Летит вперед железный конь
И нас вперед зовет...
Он не устал,
Летит вперед,
На коммунизм
Он курс берет.

В стихотворении поэт с впечатляющей силой передал драматизм и напряжение исторического поиска новых путей. Как изобразительные средства поэт на этот раз использовал новые пласты народного языка — так называемые образные, «картинные» и звукоподражательные слова, что придало стихотворению живость и достоверность: свет фар и гудки паровоза, свист паров и грохот рельсов.

Звукопись вообще характерна для произведений Ойунского, это основной прием его поэтики. Поэт при этом исходит из аллитерационного характера якутского народного стиха-песни и героического эпоса — олонхо, отличительной особенностью которых является звукоподражание, переходящее в настоящую звукопись. Так, в финале стихотворения «Харачаас» начальные звуки перекликаются со звучанием имени героя и при быстрой речитативной декламации создают впечатление скачки всадника по мерзлому снегу («снег» по-якутски «хаар»). В то же время частое повторение слогов «туу» — «буу» — «быы» способствует воспроизведению тревожной обстановки, так как в якутском фольклоре эти сочетания употребляются в возгласах тревожных, угрожающих и т. п.

Другая характерная особенность стихов Ойунского на общественно-политическую тематику — это связь содержания с состоянием природы. В них природа как бы обрамляет человеческие действия, подчеркивает их. Сатирическое стихотворение «Генерал-тойон», написанное по поводу вторжения в Якутию банд колчаковского генерала Пепеляева, начинается с описания картины зимней стужи, пурги, пронизывающей человека холодом. Это соответствует и времени вторжения банд генерала (поздняя осень, зима), и свирепым, жестоким действиям генеральской орды. Заканчивается же стихотворение описанием посветлевшего неба, крепкий ветер тонко поет на мелком снегу. Эта картина путем удачного аллитерирования начальных звуков сближается с реющими на чистом небе красными флагами, символизирующими радость победы над врагом.

Такое сближение картин природы и действий человека не было натяжкой поэта. С давних времен якут жил и действовал всегда в

тесной связи с природой — и в буйные зимние ветры со страшными леденящими морозами, и в летнюю пору с испепеляющей жарой и ярким солнцем. Поэтому во всех своих песнях, в героическом эпосе и даже в прозаических сказках он настойчиво описывает природу, ищет соответствия в деятельности человека и природы. В мировом фольклоре нет описаний природы такого характера, как в олонхо. Не мудрено, что и первый национальный поэт якутского народа советского периода, П. А. Ойунский, взявшись за перо, пошел по стопам своего народа, воспел природу и человека в их единении.

Атмосферу земельного передела, проведенного в Якутии в 1929 году, воссоздает стихотворение «Великое спасибо» (1929), строки которого дышат жаром острейшей классовой борьбы. Герой стихотворения — бывший батрак, получивший земельный надел и только что ушедший от хозяина-кулака в свою юрту. Впервые пробудилось в батраке чувство человеческого достоинства, униженное и оскорбленное в прошлом, и он смело бросает слова упрека и гнева в лицо баям-кровопийцам и выражает великую благодарность партии большевиков, освободившей народ от вековой кабалы и гнета.

Красоту человека, нашедшего свою радость и счастье в коллективном труде, поэт воспел в стихотворении «Славьте, артели!» (1931), посвященном теме коллективизации. Обилие красок и яркая звукопись, богатство интонаций в стихотворении передают полноту счастья девушки Ааныкчаан, впервые севшей за штурвал трактора, ее упоение трудом. Мощный гул трактора, разбудивший вековую тишину таежных просторов, звонкий счастливый смех девушки, радостные переливы ее песни — все необычно, ново и предстает в небудничном свете. Для многих произведений 30-х годов характерны светлые краски, радостные интонации и искрящийся оптимизм. В высоких, радостных тонах говорится о прославленной колхознице Ирине Олесовой, первой якутской девушке-орденоносце, о контрастах ее судьбы — о ее горькой, безрадостной доле батрачки в прошлом и о светлом, радостном настоящем — в стихотворении «Здравствуй, славная девушка Арина!» (1937).

Стихи и поэмы Ойунского 30-х годов рисуют новую картину мира победившего социализма. Страной ликующего солнца и счастья предстает Советская Родина в стихотворениях Ойунского «Ликование солнца» (1926) и «В стране моей прекрасной, раздольной» (1937).

Здесь пляшет солнце,
Здесь ликует счастье, —

говорит поэт в одном из своих последних стихотворений («В стране моей прекрасной, раздольной»).

Ойунский особенно часто прибегает к образам природы как средству изображения лирических переживаний. Яркая картина природы, преображенной созидательным трудом человека, дана в стихотворении «Ликование солнца». Ойунский широко пользуется экспрессивными образами бури, метели, моря и волн. Через пейзажную лирику Ойунского в якутскую поэзию вошла тема Юга, Центральной России («Москва», «Крым», «Мимоза», «Море»). Южная природа привлекала поэта своей величественностью и грандиозностью. Поэт говорит о близости и родственности его душевному настрою свободной стихии моря, поправшего все оковы:

Черноморья высокий вал
рокотал, ревел, клокотал,
зрело слово мое на волнах,
и неведом ему был страх...

Пейзажные зарисовки помогали Ойунскому заглянуть в глубинные тайники души. К его пейзажной лирике примыкает и жанр поэтических раздумий. Так, в стихотворении «Прощай» (1932) могучие, кипящие валы Черного моря, постоянно набегающие к берегу и снова устало отходящие от него, рождают в душе поэта ощущение предопределенности бытия отдельного человека в этом мире. Но эти смутные, неоформленные чувства в дальнейшем выливаются в слова, исполненные глубоко осознанного оптимизма:

Надо ли печалиться мне,
о последнем подумав дне, —
кто, родившись, солнца не знал? ..
Кто, родившись, не умирал? ..
Я умру, — зарастет травой
холм могильный мой, земляной...
Но мое наследство — завет, —
моим песням жить много лет...

Источником этого уверенного оптимизма поэта является чувство исполненного долга, сознание того, что жизнь будет прожита с максимальной пользой для людей, для народа, для дела революции.

Природу Крыма и Кавказа автор воспринимает глазами якутского поэта, жителя Севера. Так, нежный крымский цветок мимоза напоминает поэту девушку-якутку, милую и застенчивую:

От ласки мятежной
стыдливо и нежно
она розовеет,
лишь ветер повеет.

В пейзажной лирике проявляется внимание поэта к картинам возрождающейся весенней природы, символизирующей пробуждение угнетенного народа от векового сна, радость его социального освобождения и обновления. Новаторство Ойунского сказалось и в применении новой поэтической символике цвета, к примеру — алого цветка сарданы, олицетворяющего одновременно и красный цвет революции и вечный цвет любви.

Для поэзии Ойунского характерна гармония личного и общего во всем, даже в самых интимных переживаниях, как в стихотворении «Благословение отца» (1924). Глубина и предельная искренность в передаче человеческих переживаний свойственны лучшим образцам интимной лирики поэта. В стихотворении «Любимой Феклуше» (1925) создан живой образ обаятельной, прекрасной женщины, любимой поэта. Черты ее облика и характера воспеты в традициях народной поэзии и сравниваются с явлениями родной природы: ее черные очи — это улыбки ночного неба, она стройнее стерха (белого журавля), а ее щеки ярче лучей закатного солнца. Радостное, счастливое чувство первой любви, так живо переданное автором, овеяно грустью, ощущением неизбежной разлуки.

Поэт чаще всего обращается к светлым, оптимистическим чувствам человека. Трогательная любовь отца к дочурке-малышке передана в стихотворении «Песня синицы» (1932), в котором предметом изображения стал тот редкий миг души, когда из ее глубин горячей волной поднимается самое сокровенное, не передаваемое словами чувство привязанности взрослого к бесконечно близкому, беспомощному существу. Для передачи этого малоосознанного, но захватывающего чувства поэт прибегает к помощи народных ласкательных слов и речений, с которыми обычно обращаются к малышам:

Ланчик-свет-девочка,
зернышко, пуночка,
моя птичка,
невеличка...

Или:

Ланчик-свет-девочка,
счастья запевочка,
моя тютюшенька,
малышка-душенька...

Заглянув в глубины души своего современника, поэт обнаруживает там неисчерпаемый запас доброты и человечности. Полнота чело-

веческого счастья выражена в новогоднем стихотворении «Этот огненный бокал» (1936). Лирический герой стихотворения осознает полноту своего личного счастья потому, что счастлив не только он один, но и народ, частью которого он себя чувствует. Ничем не омраченную радость и счастье первой любви воспел поэт в стихотворениях «Над Таттой-рекой» и «Ожидание» (1936). В стихотворении «На могиле матери Евдокии» (1937), исключительно проникновенном и искреннем, поэт говорит, мысленно обращаясь к своей матери:

> Мать, меня одарившая солнцем, прощай!
> Над твоею могилой я клятву даю:
> за народ положу жизнь и душу свою...

Некоторые лирические стихи, сугубо интимные, написаны по конкретному поводу. Известно, что новогоднее стихотворение «Этот огненный бокал» обращено к жене писателя Акулине Николаевне Борисовой-Ойунской, а «Песня синицы» — к старшей дочери Саргылане Платоновне Ойунской. Однако эти произведения весьма далеки от камерности, альбомности, — изображая частные факты и чувства отдельного человека, автор вкладывает в них более общее содержание. В интимной лирике Ойунский переходит от приподнятой патетики к мягким, нежным интонациям, от полусказочных образов к простым человеческим чувствам.

Острота видения мира, точность реальных жизненных наблюдений сказались в его юмористических произведениях, в частности в виртуозных литературных пародиях, а также в лучших образцах острой политической сатиры — таких, как «Песня белобандита», «Божьи скороговорки», «Солдат капитала».

Молодая якутская литература, становясь на путь реализма, опиралась не только на опыт русской классической литературы, но и на фольклорные традиции своего народа. О значении фольклора для зарождающейся литературы Ойунский говорил: «Когда идет процесс исторического восхождения любого народа, первой ступенью его культуры является народная песня, народная сказка, эпос».

Младший современник Ойунского, ныне народный писатель Якутии, Суорун Омоллон писал: «П. А. Ойунский еще в детстве впитал в себя, как впитывают корни растений сок родной земли, тайны художественного творчества своего народа. Если мы, последующее поколение, учили якутский язык по книгам, то Платон познавал его из первоисточника — от самого народа». [1]

---

[1] «Статьи и воспоминания о П. А. Ойунском», Якутск, 1969, с. 145.

Уже в 20-е годы из-под пера молодого поэта выходят произведения, созданные на основе обработки якутского фольклора. Его внимание привлекают в первую очередь активные, бунтарские характеры, драматические конфликты, дающие богатый материал для раскрытия актуальных тем современной жизни. Таков романтический рассказ «Великий Кудангса», сатирические повести «Николай Дорогунов с берегов Лены», «О том, как однажды якут стал чертом», стихотворение «Спор», написанное по мотивам популярной сказки о перелете птиц на Север, и другие.

Высокий стиль героического эпоса лежит в основе патетических интонаций ранних романтических стихотворений. Например, в раннем стихотворении «Песня свободы» (1922), рисуя гнев и решимость масс, их героический экстаз, поэт сочетает стремительный ритм древнего хорового танца осуохай с его семи-восьмисложным стихом, звукоподражания и высокий стиль эпической поэзии, динамизм ораторской интонации. Буря, вихрь, непогода в стихотворениях «Генерал-тойон», «Я метко стреляю» выступают как предвестники беды в полном соответствии с народными представлениями о природе как соучастнице человеческих дел. Язык и поэтическая формула народных величаний использованы в стихотворении «Да вознесется слава!» (1922). Сказовый монолог блестяще использован как прием саморазоблачения в сатирическом стихотворении «Песня белобандита» (1928), где белобандитский головорез бахвалится своими «подвигами» в духе злых чудовищ абаасы, персонажей народных сказаний. «Божьи скороговорки», «Молитва батюшки» (1925), «Солдат капитала» (1937) написаны в манере очень распространенной в народе сатирической скороговорки.

В поисках максимальной выразительности писатель иногда обращался и к поэтике культовых шаманских образов, резко импульсивных и исступленно-аффектированных. В обрядовой поэзии поэта-реалиста привлекала, конечно, не ее мистическая основа, а предельная экспрессивность формы.

В своем обращении к мифологии и фольклору Ойунский был последователем первого якутского поэта А. Е. Кулаковского. Оба поэта то прибегали к прямым заимствованиям из фольклора, то творчески переосмысляли и трансформировали народные сюжеты и образы.

Едва ли не самое значительное влияние на творчество Ойунского оказал героический эпос якутского народа — олонхо. В отношении Ойунского к олонхо органически слиты эрудиция исследователя и жар поэтического вдохновения. Сам олонхосут, он прекрасно ориентировался во множестве сказаний олонхо. Будучи не только поэтом, но и ученым-филологом, он оставил после себя записи крупнейшего

якутского олонхо, а также научные статьи о якутском языке, этнографии и фольклоре. Об историческом значении олонхо он писал в одной из своих статей: «Значение олонхо неизмеримо. Олонхо определило мировоззрение древнего якута, оно же освещает нам и весь древний период жизни якута, его доисторию».

Эту оценку Ойунского олонхо вполне заслужило. Якутский эпос представляет собой сплав неиссякаемой в своей причудливости фантазии и совершенно конкретной бытовой реальности.

Передовые общественные деятели, отбывавшие ссылку в Якутии, первыми обратили внимание на художественную и историческую ценность якутского эпоса.

Олонхо сопровождало всю дореволюционную жизнь якутского народа. Это эпос древнего происхождения: начало его зарождения относится к тому времени, когда якуты жили на юге своей родины и общались с другими тюрко-монгольскими народами.

Олонхо относится к позднеродовому периоду — эпохе «военной демократии». О родовом характере олонхо говорит использование его героями лука и стрел как орудий труда и охоты, мифология, а также сильные пережитки анимизма. А о том, что олонхо отражает позднюю стадию родового строя, говорит железо как орудие труда и борьбы героев, доминирующее положение скотоводства с его главным видом — коневодством, появление частной собственности на дом и скот, начавшееся социальное разделение общества на родовых аристократов и домашних рабов, выделение среди героев военного вождя, который совершает походы и ведет бои с врагами. Другие богатыри его племени представляются его младшими союзниками, свободными, но бесспорно признающими его превосходство и находящимися под его покровительством, — герой выступает как их спаситель, то есть руководитель и вождь.

О позднеродовом характере якутского эпоса говорит и его Олимп, в котором выделилось верховное божество, покровительствующее людям, часто оказывающее им существенную помощь, посылая потерпевшим бедствие своих людей — «небесных вестников», обладающих чудесной силой «небесных шаманов». В этом отношении якутский Олимп весьма близок к греческому, представляя его «восточную разновидность», хотя в стадиальном отношении он и отражает более ранний этап мифотворчества. Следует отметить, что странствования якутских героев и героев греческого эпоса типологически довольно близки. В обоих случаях героический подвиг «приправлен» сказочными элементами. Характер приключений героев в олонхо и в «Одиссее», чудеса, с которыми они встречаются, способы их преодоления во многом напоминают друг друга, если не тождественны, хотя

«страшный мир» восточной фантазии в олонхо противостоит пластически ясному восприятию мира в древнегреческом эпосе.

Разнообразна его мифология, основу которой составляет представление о трех мирах: Верхнем (небо с его «ярусами», где восседают божества, а по краям и верхние абаасы), Среднем (собственно земля, где живут люди и духи сил природы и предметов) и Нижнем (подземное царство злых чудовищ абаасы). В олонхо отражено дуалистическое представление человека о мире: борьба Добра со Злом, добрым божествам во главе с Юрюнг Аар Тойоном противостоят злые чудовища абаасы, во главе с Арсан Дуолаем творящие зло и насилие.

Олонхо — эпос, состоящий из многочисленных, сходных между собой больших героических сказаний. Каждое олонхо в свою очередь состоит из связанных между собой «свободных» кусков — сюжетов и описаний, которые мастер-олонхосут относительно легко может оторвать от остальной части и в более или менее короткий срок создать на их основе новое олонхо, добавив сюжеты из других поэм. Например, из «Нюргуна Боотура Стремительного» можно отобрать эпизоды, связанные с боями брата героя, богатыря Юрюнг Уолана, и, добавив к нему несколько других сюжетов, создать новое олонхо под названием «Юрюнг Уолан». Подобным же образом можно создать новое олонхо и из других частей «Нюргуна Боотура». Возможно также разбить все это олонхо на два самостоятельных, взяв за основу два больших его сюжета: бои героя с Уотом Усутаакы и Уотом Усуму.

Одна из характерных особенностей якутских олонхо — описание стран. В якутском эпосе вообще много описаний — богатырских боев и походов, внешнего вида людей, всех встречающихся в нем живых существ, включая, например, птиц и животных, в которых могут обернуться герой или его противники. Подробно описываются и различные страны, которые посещает герой, и места, которые он проезжает, где происходят богатырские бои. Но особенно обширны вступительные описания страны героя. Эта страна — центр Вселенной. Описывается «весь мир», все мироздание — небо и земля, ибо в олонхо рассказывается о начале человеческой жизни на земле, «во всей Вселенной». Поражает точное знание создателями олонхо природы родной страны, ее деталей, различных предметов и существ, населяющих землю. Но описывается не какая-либо конкретная страна, а обобщенная, создаются обобщенные образы страны людей — прекрасной, чудесной, и страны чудовищ — мрачного места, где все скрыто в тусклом полумраке. В описаниях природы, как и во всех событиях олонхо, реальное находится рядом со сказочно-фантастическим.

В процессе исполнения мастера могли значительно сократить или увеличить олонхо за счет сюжета и описаний. Вступительное описание олонхо, например, могло быть целиком опущено и заменено фразой: «Имели страну такую же, как во всех олонхо».

Таким образом, исполнение олонхо носило импровизационный характер. Но такая «импровизация» требовала большой предварительной работы, утонченного знания особенностей олонхо, множества его сюжетов и описаний, прослушивания и изучения опыта других олонхосутов, огромного мастерства. Следует иметь в виду, что опытный олонхосут знал не одно, а несколько олонхо и множество отрывков («обурукуй») — свободных сюжетов и описаний. Постигнув всю эту сложную систему, мастер во время исполнения как будто легко и непринужденно брал из своего запаса и добавлял или убирал и сокращал отдельные сюжеты и описания, тут же на ходу связывая разрывы так, что все олонхо выглядело как единое целое. Сказанное далеко не означает, что олонхо легко можно каждый раз рассыпать на отдельные куски и пересоздавать заново. Нет, существует определенный традицией порядок изложения событий и описаний, нарушать который ни в коем случае нельзя. Кроме того, в процессе исполнения делались лишь небольшие улучшающие вставки. Серьезные же изменения, разумеется, заранее и тщательно готовились и заучивались, чтобы можно было продекламировать без запинки. Малейшая запинка и неувязка осуждались как фальшь якутской аудиторией, прекрасно разбиравшейся во всех тонкостях олонхо.

Но опытные мастера были виртуозами своего дела, и возможность неувязки и даже запинки исключалась. Когда исполняет олонхосут, то слова у него льются непрерывным потоком. Он поет и декламирует, не задумываясь, не останавливаясь, как будто он никогда не чувствует трудностей созидания, а только произносит кем-то давно продиктованные с начала и до конца и автоматически заученные слова. А между тем такая колоссальная эпопея, как олонхо, и заучивалась не без труда, и доля участия каждого певца в его созидании бывала немалой. При близком сходстве бесчисленных якутских олонхо, каждое олонхо носит черты творчества своего непосредственного создателя, его манеру построения фраз, любимые словечки, остроты, вставки из бытовых явлений, происходивших в окружающей его среде, краткие характеристики знакомых певцов и олонхосутов. Каждое новое поколение олонхосутов, каждый новый певец вносят черты своей эпохи, своей индивидуальности, не нарушая основ веками установленной традиции, идущей из глубин далекой древности.

Так из первобытных, примитивных мелких рассказов и легенд выросли современные олонхо — грандиозное многовековое эпическое творение народа, отшлифованное веками художественной деятельности тысяч безымянных гениальных певцов.

Внес свою лепту в это многовековое народное творение и поэт П. А. Ойунский. Три его крупных поэтических произведения так или иначе связаны с олонхо. В подавляющем же большинстве старых олонхо стихи (составлявшие, правда, наиболее значительную часть текста) перемежались с прозой (иногда ритмической).

Первым произведением Ойунского на тему фольклора, навеянным героикой олонхо и связанным с народной мифологией, культом и обрядом, была драматическая поэма «Красный Шаман», начатая в 1917 году и окончательно завершенная в 1925 году. Своеобразна сюжетно-композиционная структура поэмы «Красный Шаман», построенная на глубоком переосмыслении фольклорно-легендарного материала. По свидетельству автора, в основу сюжета поэмы положены две местные легенды, бытовавшие в родном улусе писателя. В предисловии к первому якутскому изданию поэмы автор писал о ее сюжете: «В основу «Красного Шамана» были взяты две легенды: о борьбе шамана Добуна со знаменитым родом Оросиных, по преданию истребившего весь этот род, и предание о Кудангсе, выдавшем свою дочь за сына Улутуяра для смягчения болезней, ниспосланных с небес из страны Улутуяра», и добавлял, что впоследствии «вместо Оросина, совмещавшего идеологию Кудангса, появился Орос Бай, вместо Добуна — Красный Шаман».

Название поэмы навеяно особенностями якутского шаманизма. У якутов были два типа шаманов: абаасы ойууна (буквально «чертов шаман», в русском переводе — «черный шаман») и айыы ойууна (буквально «божий шаман», в русском переводе — «белый шаман»). Черные шаманы служили посредниками между злыми духами (абаасы) и людьми. Белые шаманы служили посредниками между добрыми духами (божествами) и людьми. Черные шаманы могли убивать людей и враждебных им шаманов, «поедая» их души. Белые шаманы не совершали злых дел, они только заклинали божества помочь людям. В быту они еще в древности были вытеснены черными шаманами и исчезли задолго до революции. «Красных» же шаманов не было. П. А. Ойунский придумал этот эпитет, чтобы подчеркнуть революционный характер своего произведения и противопоставить своего героя обычным шаманам. Читателю «Красного Шамана» бросается в глаза двуплановость сюжета и проблематики. Хотя поэма представляет собой поэтическую обработку народных преданий, в которых речь идет о глубокой старине, идеи и образы ее отра-

жают современную автору действительность, ее революционный пафос.

«Восходящий» или «железный век» в поэме — это век жестоких схваток непримиримых общественных, социальных сил. В обращении к организаторам своего юбилея в 1934 году сам Ойунский свидетельствовал, что его «Красный Шаман» отражает эпоху перехода от патриархально-родового строя к раннеклассовому обществу, «к жизни отдельными семьями». Если внешняя (фабульно-событийная) сюжетная линия поэмы не выходит за рамки указанного исторического времени, то вся логика внутренней линии ее сюжета сосредоточена на этой переходной исторической ситуации, на «смене веков», и построена на смелом сближении эпох, на условном смещении временных рамок.

Основной герой поэмы — Красный Шаман — это рожденный на рубеже двух эпох бунтарь-мыслитель, человек-титан, исполненный дерзновенных помыслов:

Я зажег огонь борьбы великой,
Я Орос Бая, ставшего владыкой —
Хозяином земли, в людей вселившим страх,
Хочу, смеясь, развеять в пыль и прах...

«Во имя торжества новой эпохи он ниспровергает старую эпоху, а против новой эпохи ставит свой самострел, чтобы утвердить свою «идею». Он твердо убежден в том, что его «идея» восторжествует во всем мире», — говорил Ойунский о своем герое. При этом поэт всегда возражал против утилитарного чтения своей поэмы, когда иные читатели и критики начинали усматривать в Красном Шамане плоско понятый аллегорический образ коммуниста или историческое время, изображенное в поэме, буквально отождествляли с эпохой пролетарской революции (статьи «О переводе „Кысыл Ойун“» и «Литературные спекулянты»).

В «Красном Шамане» наряду с традиционными мифологическими героями действуют лица, вымышленные автором. Это реалистические персонажи — коварный Шаман Лиса, простые труженики — косари Орос Бая, а также символический образ Кутурган Куо — олицетворение народной скорби и мудрости Вселенной, воплощение страданий угнетенных. По своей проблематике, идейности, художественному совершенству «Красный Шаман» является лучшим произведением Ойунского. Не случайно поэтому его выделил Горький. В 1928 году в «Приветствии Первому съезду литераторов Сибири» М. Горький писал о поэме: «Не зная языка бурят и якутов-саха, я, наверное, все-

таки понял бы прекрасное чувство, вложенное неизвестным мне поэтом-саха, автором поэмы «Кысыл Ойун», вот в эти слова:

Пришла пора
Зажечь неугасимые костры
Пламенной свободы —
По всем тернистым тропам
Бедственной жизни земли. . .» [1]

В разных местностях Якутии раньше были свои излюбленные олонхо, исполнявшиеся олонхосутами, проживающими там. В родных местах П. А. Ойунского было особенно популярно сказание о богатыре Нюргуне Боотуре Стремительном.

Герой олонхо — это человек, рожденный для битв, для героических подвигов. Таков у Ойунского богатырь-исполин Нюргун Боотур Стремительный, воплощающий в себе коллективную силу племени. Вот почему поэтически преувеличен, гиперболизирован его внешний облик:

Огромен он, как утес,
Грозен лик у него,
Выпуклый лоб его
Крут и упрям;
Толстые жилы его
Выступают по телу всему;
Бьются, вздуваются жилы его —
Это кровь по жилам бежит.

Предназначенный для активного действия и борьбы, Нюргун Боотур Стремительный наделен своеобразной красотой: «Строен станом, словно копье, стремителен, как стрела». Народ придал образу Нюргуна Боотура лучшие черты: он могуч, красив, благороден сердцем, справедлив, добр, сострадателен к обездоленным. Свои великие подвиги он совершает во имя человеческой солидарности, счастья и защиты людей от злых чудовищ абаасы. Поэт дважды работал над этим олонхо: в драме «Туйаарыма Куо Светлолицая» и в полной записи его.

В драме «Туйаарыма Куо» П. А. Ойунский удачно использовал композицию олонхо. Он воспользовался указанным выше композиционным членением олонхо на отдельные куски — сюжеты, выбрав

---

[1] Горький ссылается на подстрочный перевод «Красного Шамана», затем использованный в художественном переводе поэмы А. Бояровым и П. Черных-Якутским (Якутск, 1930).

наиболее острые, драматически и идейно значительные эпизоды-сюжеты с богатырем Уотом Усутаакы, с которым происходит самая напряженная и опасная для героя схватка. В ходе борьбы с этим богатырем герой не только сам превращается в подлинного богатыря, но и высказывает свое отношение к происходящему, рассказывает о себе как о единственном и преданном защитнике людей. Такое самовыражение героя обычно происходит в его монологах.

Каждое олонхо состоит из обширных описаний и больших монологов героев, их противников и всех, кто втянут в события олонхо. Они поются. В них рассказывается сюжетная часть: возникновение и причины событий, дальнейший их ход, мотивировка действий героев. Ойунский в драме сохранил главные из этих монологов, сильно сократив и сопроводив более обширной, чем бывает в драме, ремаркой для сообщения обстановки, иногда краткой характеристики настроения присутствующих. Описания же полностью сократил, дав лишь очень краткое вступление, которое было необходимо и как дань традиции, и для показа исходной позиции. Вступление в народных олонхо представляет обширную увертюру к эпопее, в которой описывается страна первых людей в ее отношении ко Вселенной, то есть к упомянутым выше всем трем мирам: Верхнему, Среднему и Нижнему. Смысл его в том, что страна человека является центром, средоточием всей Вселенной, тем идеальным местом, где должна развиваться человеческая жизнь. Кроме того, во вступлении подробно сообщается о предыстории событий. Из них автор сохранил в драме лишь небольшое описание страны и чуть-чуть (в сравнении с олонхо) рассказал о предыстории. Для этого он ввел мифического предка олонхосутов старика Олонхолоона, обычно отсутствующего в народных олонхо (или только упоминаемого), но о котором в старину бытовали особые легенды. В драме он представляет обобщенный образ олонхосута.

По народным олонхо, люди подвергаются нападению чудовищ в самом начале своей жизни на земле, когда они только заселили ее и налаживают на ней жизнь. В этом острота положения. В олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» люди в радости, у них красавица дочь. Они собираются выдать ее замуж, к ней из всех трех миров собрались женихи, для них устроен праздник ысыах, парни и девушки танцуют и веселятся — и вдруг «из пламени и дыма» как гром среди ясного неба появляется чудовище. Оно нагло и грубо требует себе в жены хозяйскую дочь Туйаарыму Куо, потом ее похищает. В этом основа конфликта каждого сказания. В олонхо женщина является символом счастливой и мирной жизни людей. Есть женщина — зна-

чит будут дети, потомство, род не погибнет, будет продолжать существовать и развиваться. Борьба за женщину является формой борьбы за продолжение человеческого рода, за его счастье и процветание. Чудовище потому чудовище, что посягает на счастливую жизнь людей, мешает их мирному развитию, продолжению рода человеческого. В этом основа сюжета олонхо как эпоса родового периода и основной его идейный смысл. Отсюда следует: герой, защищая женщину, защищает жизнь и существование народа. Поэтому ему придаются исключительные качества: мужество и героизм, благородство и красота. Создатели олонхо исходили из представления, что внешние данные людей должны соответствовать их внутренним качествам. Все героини всех олонхо изумительные, необыкновенные красавицы. Они не просто красивы, а излучают красоту, как солнце лучи. Во многих олонхо о красоте героинь говорится, что они создают впечатление двух солнц: одно на небе, другое в юрте, и оба своими лучами озаряют окружающее. Зато чудовища абаасы наделяются немыслимо безобразной внешностью. Они не только от природы однорукие и одноногие циклопы, но распространяют кругом вонь и смрад, из ноздрей их сыплются вонючие насекомые, на голове вместо волос шевелятся змеи. Им приписаны обычаи, давно исчезнувшие из быта нормальных людей, — поедание насекомых, гнилой пищи, каннибализм. Создается впечатление, что в образе абаасы отражены не только древние враги племени, но и воспоминание того отдаленного прошлого, которое осталось за чертой веков, которое человек давно пережил, отверг и предал забвению. Поэтому абаасы показаны как символ всего крайне отсталого и обветшалого, но опасного тем, что вдруг они могут появиться рядом с человеком и схватить его в свои объятия, как смерть, как чудовище, явившееся с того света.

В драматической поэме «Туйаарыма Куо» хотя описаний и нет, но характеры очерчены точно как в олонхо. Полностью сохранена героика. Героичен и совершает подвиги не только Нюргун Боотур, но и его более слабый младший брат Юрюнг Уолан. Он мужественно преследует заведомо превосходящего противника и вступает с ним в бой. Уничтожает женщину-абаасы, тем уменьшая возможность размножения чудовищ. При появлении страшного чудовища людьми овладевает ужас. Но это не парализует их, они приходят в себя и начинают действовать — пытаются уговорить абаасы, организуют соревнования, чтобы дочь первых людей как обычно вышла замуж за победителя состязаний. Когда из этого ничего не получается, они вызывают защитника. Все это в драме дано так же, как в олонхо.

В то же время «Туйаарыма Куо» сильно отличается от олонхо своей динамикой. Если в олонхо события разворачиваются замедленно, то в драме они гораздо более динамичны, одна картина быстро сменяет другую.

Как сказано, монологи олонхо поются. Поэтому «Туйаарыма Куо» в театре идет в песенном исполнении. Декламируются только вступительные слова старика Олонхолоона. Вся описательная часть народного олонхо во время сказывания декламируется быстро, но нараспев, речитативом. Издревле практиковалось коллективное исполнение олонхо: ведущий читал описательную часть (сокращенно), а все монологи распределяли «по ролям» среди нескольких олонхосутов, которые пели. Такая традиция помогла зарождению якутской оперы. На основе драмы «Туйаарыма Куо Светлолицая» была создана первая якутская опера (либретто Д. К. Сивцева, музыка М. Н. Жиркова и Г. И. Литинского). Она идет до сих пор с большим успехом. Главная исполнительница женской роли А. Е. Ильина-Дмитриева в 1977 году была удостоена премии им. М. И. Глинки. Таким образом, первая якутская опера (как ранее и первая якутская драма) возникла из олонхо.

«Нюргун Боотур Стремительный» представляет полную запись народного олонхо. П. А. Ойунский писал его приблизительно два с половиной или три года — должно быть, со второй половины 1929-го или с начала 1930 года по 31 августа 1932 года (дата, указанная поэтом в конце олонхо). Учитывая огромный размер этого олонхо (в нем свыше 36 тысяч стихотворных строк), можно сказать, что оно было написано очень быстро. Это объясняется тем, что П. А. Ойунский сам был первоклассным олонхосутом и «Нюргуна Боотура» он, видимо, заучил еще с детства.

В поэтическом предисловии к «Нюргуну Боотуру» он пишет, что составил его «из тридцати олонхо». Но это лишь традиционная у всех якутских олонхосутов поэтическая гипербола, предназначенная для придания своему олонхо особой значимости. Трудно представить себе, чтобы поэт за короткий срок записал огромное сказание, отбирая за письменным столом сюжеты и образы из множества других. С другой стороны, чтобы создать и удержать в своем репертуаре одно олонхо, требуется знать сюжеты многих других. Поэтому к основным, уже давно заученным сюжетам в процессе работы поэт мог привлечь отдельные сюжеты (или описания) и из других олонхо. Так, сюжет об участии в соревнованиях раба Суодалба (в шестой песне) Ойунский мог, переработав, ввести из олонхо «Шаманки Уолумар и Айгыр». Известна также попытка поэта и олонхосута

В. М. Новикова помочь Ойунскому в описании богатырского коня. Ойунский, видимо, был согласен, помощь не состоялась по не зависевшим от обоих причинам. Но, повторяем, все подобные возможные добавления относятся лишь к отдельным эпизодам и описаниям. В целом же П. А. Ойунский записал олонхо без помощи литературных источников, как давно заученный и удержанный в памяти текст.

«Нюргун Боотур Стремительный» написан в стиле и традиции якутского героического эпоса.

К сожалению, невозможно было в настоящем, сравнительно небольшом издании полностью воспроизвести все огромное олонхо. Поэтому мы были вынуждены дать большой цельный кусок его (предварительно для образца показав два небольших отрывка из обширных вступительных описаний). Это заключительные подвиги героя, в которых он, спасая попавших в беду, побеждает сильных противников, женится (по обычаю победив в бою непокорную невесту-богатырку) и возвращается в родную страну для устройства мирной и счастливой жизни народа, его благополучия и процветания. Из этой части опущены лишь небольшие эпизоды, связанные с приключениями племянника героя и его друзей, которых спасают Нюргун Боотур с женой — другом и помощником мужа. Незавершенность этой части поэмы позволяет предполагать, что Ойунский задумал создать второй крупный цикл подвигов Нюргуна Боотура Стремительного в полном соответствии с традицией сказителей, посвящавших каждому новому поколению героев особые циклы сказаний.

П. А. Ойунский творил в то время, когда якутская советская литература делала свои первые шаги, когда она только начинала художнически осваивать новую социалистическую действительность и овладевать методом социалистического реализма. Однако значение его творчества остается актуальным и сегодня, когда якутская литература, являющаяся составной частью единой многонациональной советской литературы, достигла зрелости и ведет интенсивные творческие и стилевые поиски.

Писатель разностороннего таланта — поэт, драматург и прозаик, П. Ойунский способствовал становлению якутской литературы. В своем творчестве он отобразил наиболее типичные стороны новой действительности, создал яркие образы советских людей, ввел в якутскую поэзию современную проблематику, новые жанры и формы.

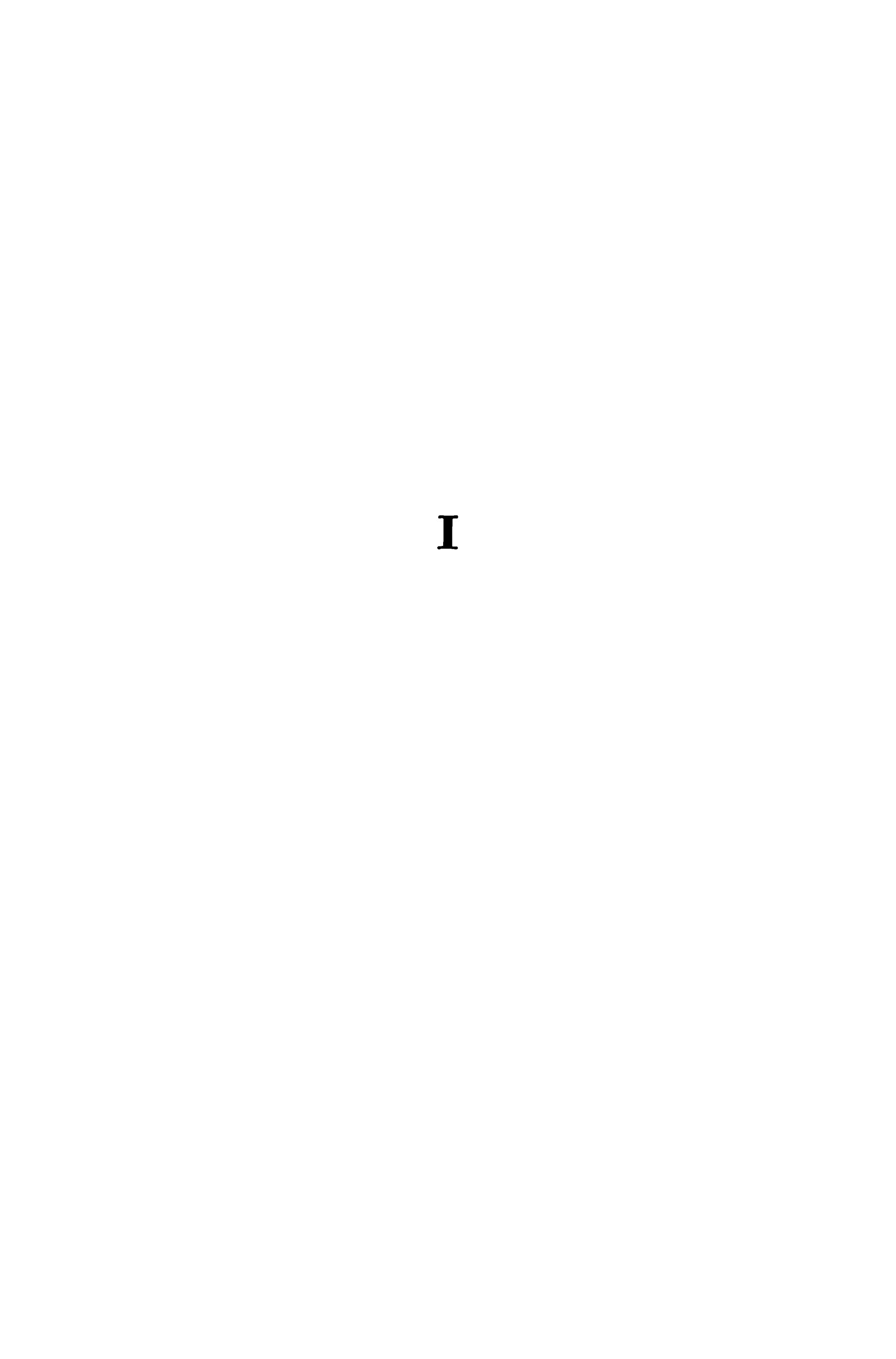
Велика заслуга Ойунского и в изучении и освоении устного народного творчества. Воссозданный им народный эпос «Нюргун Боотур Стремительный» ныне стал достоянием советского и мирового читателя. Ему принадлежат теоретическое обоснование и практиче-

ское овладение новой системой стихосложения, придавшей якутскому стиху выразительность и лаконизм.

Самобытный художник, ученый и общественный деятель Платон Алексеевич Ойунский всегда живет в сознании якутов и всего советского народа как верный сын Коммунистической партии, как певец коммунистического будущего и создатель замечательных литературных произведений.

В последние годы многогранная общественная, научная и литературная деятельность писателя является предметом интенсивного научного исследования, а его творчество по праву становится достоянием всесоюзного читателя, о чем свидетельствует и настоящее издание.

Семен Данилов,
Гавриил Окороков



I

1. СЫН ТАТТЫ, СИЯЮЩИЙ БЫЛАТЫАН

Если спросите вы, кто своим
рассказом
хвастает, то вам отвечу разом:
я, поэта Кулаковского сосед.
Он перо в чернильницу макает,
новые галоши надевает,
рубчатый от них на поле след;
светлоглаза мать его, старуха;
нежится на зорьке молодуха;
вонь в хлеву, — войдешь, не взвидишь свет.

Я, друзья, счастливый Былатыан,
сын Татты.
В гибком тальнике береговые
скаты,
таволги серебряные в поле, —
звонче песен их не знал дотоле.
Наблюдал я волны моря Араата,
были пламенны они в часы заката;
пристально смотрел в небесные пределы,
мои мысли — точно спущенные стрелы;
признаюсь, друзья, что за минуты эти
я обдумал многое на свете!
Я встречаюсь с нашим веком
новым
радостным и вдохновенным
словом,

молодой,
пою в честь просвещенья
и надеюсь, что услышат пенье
старшие в своем пути суровом!

Тучи мутно-белые нависли,
легкий ветер их развеет
с ходу...
И тогда мы выскажем
желания и мысли,
смелые слова
якутского народа.

Начало 1917

2. ПЕСНЯ ТРУЖЕНИКА

Снежный ком горькой жизни, налипший в пути,
мы отбросим от ног, чтобы твердо идти;
мы разрушим казну золотого тельца,
мы разрушим хоромы царя-подлеца,
что народы душил, сеял беды и зло, —
чтоб свобода взошла, чтобы солнце взошло.

Тех, кто в жизни ослеп от бесчисленных бед,
охромел от желаний, не увидевших свет,
был обманут кругом, знал лишь голод и мор,
наших братьев несчастных, изнуренных сестер
мы зовем под знамена рабочих, крестьян,
чтобы сгинули беды, насилье, обман.

Утолят свою жажду твоею слезой,
плотно брюхо набьют твоею бедой,
тебе счастья не видеть хоть я б издали —
толстосумы его от тебя увели.
Как нектар богатеям твой пот трудовой, —
припеваючи жили, довольны собой.

Голодаешь ты, мучась, не зная вины,
чтобы сладко поели эти люди-лгуны;
ты живешь, бедный люд, без кола и двора,
чтоб ломился сундук богача от добра;

для тебя у них только железо оков,
в их ладони стекает черный пот бедняков.

Утоляющий жажду речною водой,
в недоимках погрязший, забывший покой,
в развалюхе-лачуге коротающий век,
как рабочая лошадь, а не как человек,
от кнута на спине загноились рубцы...
О, восстань, чтоб дрожали купцы и дворцы!

Растоптавший судьбу несмышленых детей,
алчно счастье поправший у сотен семей,
то, что доля сулила, рассыпавший в прах,
отобравший добычу в полях и лесах, —
мы тебя уничтожим, злодей-богатей,
ради счастья людей, ради блага людей!

Братья, знавшие мытарства с детских годин,
все — от Белого моря до днепровских теснин —
из-за каменных гор, из бескрайних степей
поднимайтесь громадою мощи своей
и с победными кликами на устах
жар восстанью придайте и славный размах!

Богатеев, что нас доводили до слез,
клявших тех, кто был беден, бездомен и бос,
создававших кровавую жизнь для людей,
утопающих в холе с младенческих дней,
мы за грешные руки сурово возьмем,
чтобы руки повисли в бессилье своем!

Мы сорвем с наших судеб проклятья клеймо,
непреклонно прогоним и горе само,
и счастливую долю якутской земли
приведем мы к себе на порог издали,
чтоб не злу, не насилью над нами парить, —
чтобы радости жить, чтоб веселью царить!

Чтобы светлое солнце прекрасной любви
озарило, Якутия, дали твои,
и в подполье загнало кровавую быль,
и обман превратило в никчемную гниль,

чтоб не видеть страданий и скорби людей —
лишь свободу и радость сияющих дней.

Перенесший тяжелый и пагубный труд,
знавший голод такой, что и камни грызут,
горе мыкавший, горе без берегов,
по наветам и прихотям жадных врагов,
поднимайся отважно и на ноги встань,
поднимайся, народ, на священную брань!
Слава! Слава! Слава!

Март 1917

3. НЕ ВСЁ ЛЬ РАВНО?!

М. К. Аммосову

Да, только так, друзья мои!
На путь борьбы мы смело стали,
Чтоб пламя битвы разгорелось
На нашей на родной земле,
Чтоб всем якутам-беднякам
Открылись в будущее двери.
Мы ниспровергнем старый строй!
А где бороться нам с врагами
И где прольется наша кровь —
Не всё ль равно?!

Земная ширь необозрима.
Работать будем неустанно
И насмерть с белыми сражаться.
А если даже умереть
За революцию в боях
Вдали от родины придется —
Раскаиваться я не стану,
С дороги этой не сверну.
За светлый мир социализма,
За счастье для всего народа
Пойдем в любую даль.

А если закуют нас в цепи
И если суждено погибнуть,
С родной землей навек расстаться —
Я не поверю никогда,

Что гордый дух наш укротится,
Погаснет пламя наших дум.

Да, только так, друзья мои!
Я не могу себе представить,
Что мой собрат, мой современник
Придет в унынье оттого,
Что предстоит ему разлука
С родимым краем навсегда.
Куда судьба ни занесет нас
И где бы ни пришлось работать —
Не всё ль равно?!

Земная ширь необозрима.
Мы справедливый меч поднимем,
Чтоб с белыми в боях сразиться.
И огорчаться мы не станем,
Что от родных мы вдалеке.
Угроза смерти запугать не может
Нас, коммунистов, партии великой
Отважных сыновей-орлов.
Мы смело в бой с врагом вступаем,
Чтоб ниспровергнуть темный строй.
Куда судьба нас ни забросит,
Где ни прольется наша кровь —
Не всё ль равно?!

Земная ширь необозрима.
Хоть мы с родной землей расстались —
Не укротить наш дух могучий
И наши пламенные мысли
Вовек не погасить!

1919
Казанка

4. ДА ВОЗНЕСЕТСЯ СЛАВА!

Сила большевиков
предстает предо мной,
словно сила валов
в шторм кипящий морской.

Коммунисты-орлы
мой забитый народ
повели изо мглы
к ясным зорям вперед.

И смела, как волна,
армия бедняков
до основы, сполна
армию беляков.

Тот, кто шею согнуть
нам хотел, — сгинул сам.
Счастья вечного суть —
мир и хлеб землякам.

Не на год — на века
счастье нашей земли,
где свистела пурга,
смерть морозы несли.

С лучезарной весной
это счастье сравню,
всею силой земной
это счастье храню.

Будущему цвести,
ясен облик его,
светлы счастья пути,
празднично торжество.

Край наш рек и лесов,
нынче вольным он стал,
мощи большевиков
грянем: «Уруй-айхал!»

29 октября 1922

5. ПЕСНЯ СВОБОДЫ

В грохочущие гулом дни,
мятежно на земле восстав,
одной свободою горя,
сметем прислужников царя...

В метельно-ледяные дни,
как ураганный вихрь восстав,
искореним всех богачей
мы, бедный люд, рукой своей...

В гремяще-ветровые дни,
со словом пламенным восстав,
якутов поведем вперед —
судьбы счастливой ждет народ...

И в ясно-заревые дни,
при кликах боевых восстав,
в глухих наслегах, городах
все тюрьмы разметаем в прах...

В тяжелые, глухие дни,
с народной доблестью восстав,
найдем мы к лучшей доле путь,
чтоб счастье в нашу жизнь вдохнуть...

В свободно-радостные дни,
с отвагой против зла восстав,
возвысим разум мы людской,
надежду возвестим борьбой...

В звучаще-песенные дни,
волнуясь и кипя восстав,
мы, небольшой народ, мечом
злосчастью шею отсечем...

Эпоха красная, гори
при свете молодой зари,
мир будущего строим мы,
хвалу провозглашаем мы!

1922

6. КРЫМ

Ясным взором окинь
неба крымскую синь,
смех пролился с высот,
ароматом несет

от листвы молодой,
от травы полевой.
Ты, улыбчивый край,
в ярких бликах сверкай!

Милый берег наш — Крым —
высится, недвижим,
смотрит на море вниз,
как валы понеслись,
ободряет весной
изнуренных тоской.
Сладок воздух его,
ласков воздух его,
плодородна земля,
благодатна земля...

До прибрежной скалы
море гонит валы,
бьют в порыве своем
волны ночью и днем.
Но блистательный Крым
вечно невозмутим,
смотрит на море вниз,
как валы понеслись...

Даль сияет, лучась,
жизнью, светом лучась,
Крыма радостен лик,
сладкий запах проник
от лесов и полей
прямо в душу людей.
Крым и древен, и нов,
весь — в цветенье садов...

Февраль 1923

7. МОРЕ

Бледно-синяя, в отсверках грозная гладь,
вдаль ее не измерить и вширь не обнять,
штормовые валы поднимаются ввысь,
рокоча, на огромном просторе сошлись,

отливают тревожною голубизной
и шипят, и бурлят перед схваткой шальной...

Море ходит и ночью и днем ходуном,
и сверкает, и блещет холодным огнем,
белопенно вскипает в веселье морском,
в ликованье своем и в метанье своем,
порываясь до неба волною достать,
и мрачнеет опять, и вздыхает опять.

Потемневшие тучи клубком пронеслись,
охватили всё небо и ринулись вниз,
вспышка молнии — вслед гром обвалом грядет,
ураганного ветра круговорот,
и родимое море, взлетев в вышину,
опускает в кипенье седую волну.

Море в злобе, в досаде, и вдруг, осмелев,
забурлило валами, не сдержало свой гнев,
закипели валы, как большие котлы,
взбаламутились, вздулись, поднялись валы.
Вверх и вниз, вверх и вниз, — нескончаемый круг...,
Над водою победный и мстительный звук.

Море в грохоте, в реве, неистовый пыл
словно моря дыханье перехватил.
Плети молний свистят, оставляя свой след,
и с багряным отливом загорается свет.
Море тащит каменья по донной черте
и швыряет неистово их в темноте.

И, от туч начиная полет свой крутой,
стаи чаек несутся над бурной водой,
они стонут в смятенье, в тревоге кричат,
разъяренные волны под ними рычат.
Мрачен рокот морской, он тягуч и могуч,
и стихия касается брызгами туч.

14 августа 1923
Ялта

8. МИМОЗА

От ласки мятежной
стыдливо и нежно
она розовеет,
лишь ветер повеет.
Светясь бахромою,
зеленой листвою,
она не увянет,
прекраснее станет,
благоуханна,
томна, желанна.

И к скорби привычный
народ горемычный,
и счастьем забытый,
и роком забитый,
ты сбросил оковы
недоли суровой, —
уже просвещенный,
уже просветленный,
на диво взгляни
и сладко вздохни...

20 августа 1923

9. ГЕНЕРАЛ-ТОЙОН

Зимний ветер свистит,
снег над полем летит,
заметает пурга,
завывает пурга,
на реке вздулся лед,
трещин темен развод,
и легли, почернев,
тени древних дерев.
Коченеют стволы
среди бури и мглы.
А метель всё сильней,
ветер крепче и злей.
И под яростный гул
отчий край потонул

вдруг в туманной дали,
скрылся в снежной пыли,
дымный марева след
опоясал весь свет...
Но якутский народ
ветер с ног не собьет!
Неспроста наступил
напряжения час,
пробуждения час
человеческих сил,
жар в сердцах молодых,
пыл в сердцах огневых!
Коль пробиться врагу
сквозь буран и пургу —
счастью сгинуть тогда
не на день — на года,
вступит смерть на порог,
всех сразя в краткий срок...
Молодые, вперед!
Защищайте народ!

Наше счастье взошло,
словно солнце, светло.
Тот, кто слезы лишь знал,
в бедности прозябал,
день победы большой
встретил с ясной душой.
Алый флаг заревой
над землей снеговой,
трепеща на ветру,
засверкал на миру.
А кичливый тойон
навсегда посрамлен —
ноги бы унести...
Нашей славе расти!
Опечален тойон:
нам готовил полон,
а теперь где-нибудь
вспять найти б ему путь...

Разгорается бой,
бьют наводкой прямой...
Молода и сильна,
закипела страна...
Грозен бури полет,
буря колет и бьет...
Красных славная рать
беляков гонит вспять,
и не многим уйти
по глухому пути.

Утром стала светать
неба ясная гладь,
и снежинки, роясь,
песню пели, светясь.
Алый флаг заревой,
над землей снеговой
трепеща на ветру,
засверкал на миру.

А кичливый тойон
навсегда посрамлен —
ноги бы унести...
Нашей славе расти!
Банды в схватке разбив,
видим мы, как счастлив
путь в грядущие дни,
как прекрасны они.
Наше солнце взошло,
молодо и светло!
Отгремела пурга...
Непреклонна, крепка,
озаряя народ,
наша слава растет...
Ей хвалу пропою,
песнь отдам ей свою.

19 сентября 1923
Москва

10. НА СМЕРТЬ ВОЖДЯ

В великой столице Москве,
столице ума и идей,
где пламя зари в синеве
взошло над судьбою людей,

стяг, меченный черной каймой,
вознесся до самых высот,
он ало горит над землей,
под ним безутешен народ.

Тот, кто защищал горемык,
сбил напрочь железо оков,
кто счастье привел не на миг
к порогу бедняцких домов;

кто счастье построить сумел
для тех, кто весь высох от слез,
кто пламенной речью гремел,
идеи бессмертные нес;

кто нищим и сирым помог,
кто каждому подал совет,
кто ведать не ведал дорог
попятных, — того с нами нет...

Но в дальнем грядущем пути
высокое имя вождя
торжественно будет расти,
людей за собою ведя.

Священный мы чествуем прах,
склонившись над ним головой.
Глядим не с тоскою в глазах —
в нас вечен порыв буревой.

Мы, преданные труду,
на юг и на север придем,
в горах добывая руду,
железо и медь обретем.

От этих бессонных работ
к нам явится счастье опять,
и новой победы восход
начнет нашу жизнь озарять.

На всех рубежах разгромив
и белых и черных врагов,
усилим мы ярый порыв
и поступь солдатских шагов.

А после мы всем возвестим,
что мир на земле — благодать...
Да сгинут пожары и дым —
вовек нам на этом стоять!

Сияющий стяг вознесли
отряды рабочих, крестьян,
он над чернотою земли
трепещет, велик и багрян...

Священный мы чествуем прах,
склонившись над ним головой.
Глядим не с тоскою в глазах —
в нас вечен порыв буревой!

23 января 1924
Москва

11. БЛАГОСЛОВЕНИЕ ОТЦА

Сын, выслушай меня,
слова напутствия, —
помру, но в мире быть
потомству моему...
В неодолимый час
век остановит наш
смерть, оседлав судьбу...
Сын, жизнь моя, — в тебе
готовлю я сейчас
грядущее свое,

Жить в сыне мне всегда —
благословляю я.

Жизнь била в нас ключом,
жила во мне любовь,
и ненаглядную
искал, чтобы обнять;
любимую свою
ласкал так страстно я,
с ней в забытьи лежал...
Сладчайший поцелуй...
Прекрасное дитя —
плод страсти и любви,
не пресечется род,
надежда наша в нем...

Мой жаворонок-сын,
малыш, ты увидал:
скорбящий в прошлом край
стал солнечным теперь,
за счастье на земле,
за свой родной народ
стремись к победам ты,
сердечен будь и добр,
умом своим живи,
умей разить словами.
Сын, выслушай меня,
слова напутствия.

Над нами радуга,
небесный свод горит,
счастливая страна,
страданий избеги.
Будь сильным, мальчик мой,
борись и побеждай...
За счастье на земле,
за свой народ борись...
Умом своим живи,
умей разить словами.
Сын, выслушай меня,
слова напутствия.

20 марта 1924
Тбилиси

12. ЛЮБОВЬ МОРЯ

Вечный лед на виду,
отблеск солнца на льду,
цепь неровная скал,
пик — велик,
но и мал,
дотянулся один
до небесных равнин,
там, где туч чернота...
Гор зубчатых черта,
а на склонах — снега
белы, как жемчуга.
То Кавказ вознесен,
светом весь озарен...

Синевой поразив,
не умеря порыв,
море в блеске своем
полыхает огнем;
то на всю ширину
поднимает волну,
то, дыханье смиря,
пенным светом горя
над просторами вод,
женщиною поет:
«Островерхий Кавказ,
золотисто лучась,
устремляется вверх.
На сто верст пересверк:
снег лежит полосой,
лед лежит полосой.
Чтоб тебя миловать,
взбудоражу я гладь,
из косматых пучин
потянусь до вершин,
оттолкнусь ото дна,
несломимо сильна...
Вот лечу в вышине...
Горько, тягостно мне!..
Отступают валы
от высокой скалы.

К пикам волны неслись,
да отхлынули вниз.
Где тот грозный порыв,
что, тебя покорив,
с твоих каменных плеч
мог бы глыбы совлечь,
на придонный песок
опустить бы их смог?
Миловала б я их...
Целовала б я их...
Горько, тягостно мне!
Отступают валы
от высокой скалы,
к пикам волны неслись,
да отхлынули вниз.
Над лучистой горой
солнца блеск золотой.
Мой красавец Кавказ,
развела доля нас,
мне в пучине морской
не встречаться с тобой».
То стихии морской
голос горький, глухой...

«Вечно будет сиять,
вечно будет сверкать,
волнами рокотать
безграничная гладь!
В озарении вся,
в небо воды неся,
ты, стихия, до скал
хочешь вздыбить свой вал,
чтобы лаской своей
сдвинуть груды камней...
О, великая гладь,
свою силу не трать...
Над спокойствием льда
засверкала звезда, —
над вершиною ввысь
алым светом лучись!
Жили люди хоть плачь...

Угнетал их богач,
но — дрожите враги! —
вышли большевики,
чтоб в бою мировом
рассчитаться с врагом...
Черноморская гладь,
свои силы не трать,
отражу твоих струй
огневой поцелуй»
Величавый Кавказ
озарил снова нас,
и нетронутый снег
излучал вечный свет.

20 марта 1924
Тбилиси

13. МОЛИТВА БАТЮШКИ

Был Прокопий попом
Борогонской земли.
Вдруг слетел ангелок:
«Вот возьми манифест...»
Поп на лавке лежал,
поп и стар был, и слаб,
но про дряхлость забыл, —
на чем свет красных клял.
Всю попову ругню
вам я перескажу...
Слушайте пересказ,
сам я это слыхал...

— Большей нету беды!
Божество позабыв,
прихожане гурьбой
покидают святых...
Час расплаты настал,
что-то я не постиг...
Наплодили святых,
нет им ныне числа,
как раскрылся обман —
кошелек похудел...

Стародавней порой
сладко жил с попадьей,
мясо сочно в котле,
масло капало с губ,
От обильной еды
округлялось брюшко...
Сам не знаю теперь,
жить ли сытно попу? ..
Аминь, аминь, аминь!!!

Голодно жил якут,
грамоты не знавал,
проживет порой жизнь,
праздника не видав.
Кислое молоко,
ковш воды — вся еда.
Но уж бога он чтил,
нам сидеть позволял
на яичке златом,
знать не знал я забот
за спиною его...

Коммунистов полно,
комсомольцев полно, —
кто же нынче придет
к нам беседу вести,
подношения дать?
Подношения жду,
постарел я совсем,
сжали горло мое
стариковские дни...

Грянет ли грозный день
гибели красных сил?
Рать царя, их разбив,
разогнала б Совет,
полицейский бы встал,
подлецов батраков
поволочь, потоптать,
вольной воли лишить! .

Я б свободно вздохнул,
я б на солнце взглянул! ..

А уж жизнь-то была!
Ах, какая была!
«Упокой, господь бог,
умер раб Алексей...»

Отпеванья обряд, —
одарят маслецом,
маслеца с озерцо, —
можно жить не тужить.
Счастье в руки идет,
славно имя мое,
и бугрится живот,
и раздались бока,
голос мой загустел,
громко я ликовал.

Слыша стоны людей,
слыша плачи людей,
зрела жадность во мне, —
забирал я что мог.
Паству раем манил,
протянув к ней ладонь,
словно дятел, счастлив,
крест совал ей в уста.
Прихожане щедры,
плакал я, умилен,
бил поклоны за них.

«Дух святой осиял,
дева-матерь, тебя,
волей божьей с земли
вознеслась в небеси,
счастья полную горсть
своим чадам несешь.
Богоизбранна ты,
божья птица небес,
пожалей ты уж нас,
покорми ты уж нас!» —
поп мольбу возносил,
к небу оборотясь.
Кошелек стал тугим.
Жизнь желанной была.

Жизнь в довольстве ушла.
Тщетно небо просить,
так, как прежде, не жить,
измельчал наш доход,
и амбар опустел.

Мы не думали, что
мир наш рухнет стремглав,
скудость в доме у нас,
стали всё проедать...
Аминь!!! Аминь!!! Аминь!!!
Новой власти грехи
не зальют ли страну?

Иль японцы придут
из беды выручать?
В горе нынешних дней
вспомню ль радости дни,
вспомню ль прежнюю жизнь —
входит в сердце тоска...

Прост народ, неучен,
потому, поклонясь,
пригонял к дому скот:
«Поп, прими за грехи...»
Дурака не найти,
чтобы нынче привел
на подворье к попу
нагулявшийся скот.

Стану ль жизнь вспоминать —
стон души не сдержать,
струи катятся слез...
Коммунистов полно,
комсомольцев полно,
распознают меня,
разорят до копья.
Радость сникла моя —
разнесли Колчака;
верил я, жаждал я —
всех возьмет в шомпола́,

всех нанижет на штык,
всех со света сживет.
Самого Колчака
скинули навсегда, —
скорбь безмерна во мне.

Думал я по ночам:
долго этак не жить,
новой власти грехи
наводнили страну,
и японцы придут
из беды выручать,
а мечты не сбылись,
а с японцами — мир.
Не удастся уже
нынче маслено жить,
по-широкому жить,
по достоинству жить,
будет не перед кем
сотворять чудеса.
Не поверит народ
нам уже ни на грош.
Потемнею от мук,
провалюсь в бездну я.
Лаврами осиян,
ликом ясен, как день,
доставлял ангелок
дар из добрых вестей,
разулыбчатым шел
радостно я домой.
Матушка-попадья
«Молодец!» молвит мне.
То-то было житье...
...Аминь!!! Аминь!!! Аминь!!!

22 апреля 1925

14. ЛЮБИМОЙ ФЕКЛУШЕ

Не сравню с журавлем,
что блестит серебром, —
пташку я полюбил,
трепет ласковых крыл,

песни искренней звук, —
Фекла, милый мой друг!

Как на небе ночном
звезды светят огнем,
так полны озорства,
так полны волшебства
очи Феклы моей
в окаймленье бровей.

О косе думал я,
что бежит, как струя,
солнца радостный блик
в ее черни возник...
Хоть весь край обойду,
лучше я не найду.

Розовее стократ,
чем вечерний закат,
яркость шелковых щек,
ал румянец-цветок,
вот он вспыхнул, погас,
вновь зажегся тотчас.

Видел ли кто-нибудь,
как вздымается грудь
у нее, высока,
и трепещет слегка, —
так воздушный поток
лишь пульсировать мог.

Шла Феклуша вдали,
чуть касаясь земли,
плавен шаг, дивна стать...
Так на водную гладь
лебедь сев, в тишине
вдаль плывет по волне.

А как перед окном
косы ты гребешком
чешешь, встав ото сна, —

так чиста и нежна,
что лишь с радугой я
мог сравнить бы тебя.

Я люблю тебя, чту,
ты — поляна в цвету,
что сверкает травой
и томится тоской
по тому, кого ждет,
кто навстречу идет!

Увядания срок
перед нами пролег,
и судьбы приговор
исключает повтор...
Славлю юность твою,
песни ей пропою.

1925

15. СПОР

1

Лучезарное лето, сияющий день,
лес в зеленой листве, птицы звонко поют,
пестрокрылое племя пернатых в тот лес
прилетело из дальней и ближней земли.
Сквозь тяжелую водную толщу Амги
слышит нельма со дна шум и гам берегов,
плавниками работая, кверху пошла,
подскочив над водой, огляделась вокруг.
Стаи птиц опустились на тальник речной,
стал невидимым тальник от нашествия птиц...
Песни, гогот и щебет над водой, над землей,
птицы крякают, щелкают, громко свистят;
где гора поднялась над рекою Амгой,
где раскинули ветви деревья в лесу, —
всюду стаи разноплеменные птиц
верещали, летали, вели разговор...
Острокрылые птицы кричали: «Дах-дах...»
Осторожные птицы стрекотали в листве.

«Невзначай чайка вспорет мне брюхо —
и смерть!» —
нельма, умная рыба, забилась в песок.
Дайа, озеро наше, потемнело от птиц,
даль померкла от птичьих распластанных крыл
разномастных гусей, лебедей, журавлей...
Закурлыкало поле, закрякала даль,
закудахтала гладь — лишь «мат-мат...»
да «мэт-мэт...».
И слетелись на птичий торжественный сбор
изумрудные бабочки с разных сторон,
выбирали цветы самых ярких тонов,
выставляли свою красоту напоказ!
Комары зажужжали — писк стоял до небес,
кавалерия мух налетела стремглав,
мухи тоже мечтали сказать о себе,
мысли важные высказать птицам лесным.
Басовито гудел снисходительный шмель,
бороздил он крест-накрест простор луговой;
гомон птиц всё сильней, всё пронзительней был,
гости-птицы разбились в лесу на кружки,
каждый круг выбирал над собою вождя,
кандидатов своих восхвалял, украшал...

2

Клювом узким и плоским раздвинув камыш,
клокоча и журча, мородушка звенит:
«Лучше лебедя нет никого в небесах!
Лебедь уток, гусей превзошел красотой!
Как он шею свою выгибает весной,
кто ему, белоснежному, рядом под стать?
Величавой осанкою всех он затмит,
вольно крылья расправит, — нет равных ему;
обаятелен лебедь, кричащий: «Курлы...»,
о его несравненности песни поют,
он на белой берёсте запечатлен.
Как плыву по озёрку, — на него лишь гляжу,
кто же может по праву назваться вождем?
Сердцем лебедь доверчив, наивен и чист,
сам он злобы не ведал, не теснил никого,

славный лебедь, почтенный он наш человек», —
и уж так щебетала мородушка, хваля.

«Ишь как лебедя хвалит, а чего там хвалить!
К черту этого лебедя надо послать,
кто посмеет о нем на берёсте писать,
величают его, а насквозь он пустой,
вместо мозга — прокисшее молоко.
Что болтать тут! Нет птицы достойней в лесу,
чем прекрасный наш ворон, отважный наш брат.
Как летит-то он лихо, аж крылья вразлет,
крякнет ворон — осыплется с веток листва,
лишь поймает кого — разом клювом проткнет,
ликом ворон красив, даже не с кем сравнить...
Дрогнут птицы, увидя, как ворон летит,
даже люди дрожат под вороньим крылом,
внук великих орлов — вот он кто на земле,
ворон важен и знатен — вот какой человек...
Даах-дуух... Даах-дуух», — это грач прокричал,
дерево приглядел, сел на сук и умолк.

В гуще сизой осоки показался бекас,
вперевалочку вышел хохлатый бекас,
длинным клювом повел он и защебетал:
«Да гоните, ребята, дуралея грача...
Господином нам ворона навязать?
Голодранец ведь ворон, падаль всякую жрет,
на копейку умишка, видать, у грача —
нам могильщика сватать задумал в вожди...
Несравненен, единственен только журавль,
никого не найдете прекрасней его.
Сколько я ни живу — лучше птицы не знал,
сами вы пораскиньте на досуге умом:
грязь весною, вся живность увязла в грязи,
голенастый журавль лишь один не погряз;
его голос волнует, лес внимает ему,
грозен клюв журавлиный, острый, словно пешня...
С удальцом журавлем не сравнится никто», —
сладко молвил бекас, оглядевшись вокруг.
Но болотная курочка — бугаргана —
напустилась вовсю на бекаса, взлетев:

«Длиннокрылый глупец — вот он кто, твой журавль,
дашь неумному власть — наломает он дров...
Вождь болот, князь лягушек — пустой человек, —
вот кого нам в правители ладит бекас».

3

Разобиделся просто до смерти журавль,
разом выхватил курочку он из травы,
бугаргану таскал по земле и топтал,
бил до крови ее, не щадя ни на миг.
Закричали тут птицы, закружились в лесу,
злей и хлеще затеяли спор меж собой...
«Да найдете ль вы лучше неясыти здесь!
Длиннохвостой неясытью увенчаем наш спор!» —
свесясь с лиственницы, пробубнила сова.
«Самый умный и самый достойный из всех —
шмель, его мы правителем видеть хотим,
широко он известен и дивно жужжит, —
уж такой человек глупость не сотворит...» —
убеждал щеголь леса, красавец комар.
Снова спор разгорелся в гудящем лесу,
стали драться, ругаться птицы между собой.
Вдруг, крылами свистя, быстрый кобчик-драчун
в круг ворвался, заливистый голос звучит.
Клекотом поражая, сокол с юга летит,
когти выставил сокол, устрашая пичуг.
Целый край затеняя в полете собой,
царь-орел прилетел, важно клювом повел,
рокот в каменном зеве его родился,
разом крылья сомкнул он и царственно сел.
Затряслись у пернатых поджилки в тот миг,
замолчали все спорщики, тишина меж ветвей.
«Что за спор вы устроили тут, дураки!
Челядь нашу сумеем к порядку призвать.
Может ли кто сравниться с великим орлом?
Мы вас, черных собак, отлупцуем уж всласть!»
Словно пули, стремительна кобчиков рать,
свист стоит от их лёта, бьют пташек они,
стонут птицы от острых разящих когтей.
Птицам жизнь дорога, жизнь, чтоб петь и дышать,

«Пусть орел нами правит, орел — господин!»
Лес курлыкал, свистел, верещал, гоготал:
«Лучше нет повелителя нам, чем орел!»
На высокой Тэйэр, там, где лиственниц гул,
на могучую крону опустился орел,
покачнулась вершина под грузным орлом,
поглядел на пернатых орел с высоты,
даже голову вскинул, чтоб всех увидать,
долго взор от пернатых не отрывал.
Тут болотная курочка — бугаргана —
тихо вышла на свет из осоки густой,
жалобу принесла господину орлу:
«Жутко журка-журавль издевался над мной...»
Тут орел величавый как гаркнет на лес:
«Ты, журавль-властолюбец, во всем виноват,
накажу по закону я волей своей, —
на спине своей курочку будешь носить,
не на год, не на два накажу, а навек...»
Суд свершив, над вершиной поднялся орел,
сделал круг над землею и вдаль полетел.

1925

16. ЛИКОВАНИЕ СОЛНЦА

Подражание Доронину

Необъятен,
неохватен
небосвод;
небо льет
луч, сверкая,
луч, сияя;
солнце, лей
смех лучей!
Полдня время
печет темя...

Смех всечасный,
смех прекрасный
в небе цельном,
в беспредельном.

Мажь мазки
мастерски
голубой
густотой
небесного свода,
наша мать-природа.
Нежит мать
нивы гладь,
распушила вдали
разнотравье земли,
за рекой, за горой
зелени звонкий строй
разубрала,
расписала,
разогрела,
разодела
полевой
пестротой...
Травы вышиты все,
травы в нежной росе,
только вскоре косе
косить даль,
крепка сталь,
летний срок,
луг полег.
Горькотравьем дыши,
граблями вороши
сено споро
средь простора;
призадумалась вдруг,
поглядела на луг, —
между скошенных трав
мака стебель подняв,
огнеликий цветок
он, что пламя, зажег;
вольный мак собрала,
в косу я заплела,
повенчалась венком,
полевым васильком,
красива,
как диво,

пахуча,
певуча...
В небо, птица, взлетай,
вольный облачный край.
Жаворонок, запой,
жизнь прославь над землей,
счастье крепко держи,
смело в выси кружи,
загреми,
зазвени,
из-под солнышка грянь,
из-под облака грянь,
возмути тишину,
всколыхни вышину, —
чиста трель,
что свирель...
Гниль в хлеву и навоз,
грязью хлев весь оброс,
плесени дух сырой,
пыль смешалась с трухой.
Выбралась,
вымылась,
стойла смрад
смыт стократ.
Обмерла я на миг,
обомлела на миг,
сердце бьется сильней,
сердце, радость испей...
Крови ток
колесит,
огонек
озарит
славный час
светом глаз.
Сердце в вихре забот —
словно маятник ход!
Майским днем
мы хлебнем
счастья всласть,
света власть.
Почерпнуть бы в ковши,
пусть проймет до души, —

счастье пить,
с ним лишь быть.
Влага жизни течет,
всякий счастье найдет
в ней лишь, в ней,
влагу пей!..

Жить — для счастья людей,
жизнь — отдай для людей,
мы крестьян-бедняков,
мы крестьян-батраков
сплотим,
соединим,
простор звезд
пройдем в рост,
по тропе все пойдем,
на тропе запоем.
Песнь гремит,
пусть летит
к черту гнет, кабала,
кровавая мгла
слез земных,
слез людских.
Солнце светит огнем,
самым светлым путем
мы идем,
мы поем!
Как я рада тому,
как я рада тому!

Необъятен,
неохватен
небосвод;
небо льет
луч, сверкая,
луч, сияя;
солнце, лей
смех лучей!
Полдня время
печет темя!..

23 октября 1926
Москва

17. ВЛАСТЬ — СОВЕТАМ!

Пламенем дышит, пылает войною
вихрь над землею, вихрь над страною,
кружится, праведный гнев не смиря,
в грозный, сверкающий день ноября...
Угнетенный народ
гонит в шею господ,
барабаны гремят
несмолкаемо, в лад...
Славьте!
Славьте!
Вся власть — Советам!

Вызревший, черною кровью набухший,
гулкою крышкой кубышку замкнувший,
загородившийся мрачной тюрьмой,
пал капитал от волны вихревой...
Наш победный класс
не опустит глаз,
смерти не боится,
сабли не страшится...
Славьте!
Славьте!
Вся власть — Советам!

Из бедняков многострадальных
в путах кандальных, тенетах кабальных,
из неимущих, что скорбны и сиры,
соки сосут толстосумы-вампиры.
Пауков-богачей,
угнетавших людей,
трудовая рука
валит с ног на века...
Славьте!
Славьте!
Вся власть — Советам!

Песне воинственной, полной стремлений,
плыть над землей материнской весенней,
всеочищающим грозным огнем
мы над жилищами жирных пройдем.

Наши счеты просты:
или я, или ты.
Грянь, победная весть,
справедливая месть...
Славьте!
Славьте!
Вся власть — Советам!

Горько и тяжко в мире плачевном,
пот человека под небом полдневным
жал, не жалеючи, выжал, что мог,
лютый буржуй, всемогущий, как бог.
Но рабочая рать,
но крестьянская рать
толстосума смогли
сбросить с трона земли.
Славьте!
Славьте!
Вся власть — Советам!

Жизни свободной рождаться в сраженье,
и при ее лучезарном рожденье
горн раздувай, чтобы жизнь отковать,
молот вздымай, чтобы жизнь отковать.
Мы суровей стократ
ударяем в набат,
чтоб по целой земле
гром — и днем, и во мгле...
Славьте!
Славьте!
Вся власть — Советам!

Пусть же узнают своры богатых,
что нас терзали в своих казематах,
полосовали до крови плетьми, —
долг их кровавый не списан людьми.
Настоим на своем,
взыщем долг с них дубьем,
нам уж не прекословь:
зуб за зуб, кровь за кровь...

Славьте!
Славьте!
Вся власть — Советам!

В сердце народа силы дремали,
те, что веками росли, созревали, —
вспыхнули ныне над ширью страны,
воинской доблестью, гневом полны.
Звал крылатый призыв
братьев большевиков,
всех, кто гол, несчастлив,
в пекло славных боев.
Славьте!
Славьте!
Вся власть — Советам!

Огненно-пламенной мощи изведав,
славим, гордимся мы властью Советов.
Гляньте: одну шестую земли
вызволить мы из неволи смогли.
Наши счеты просты:
или я, или ты.
Угнетенным всех стран
гневно бить в барабан.
Славьте!
Славьте!
Вся власть — Советам!

29 декабря 1926

18. ПЕСНЯ ЯКУТСКОГО СОЛДАТА

Большевистским путем
бодро в ногу идем,
по якутской земле,
под лучами зари.

Славный красный солдат,
строй в дороге ровняй,
огненный путь лежит,
оступаться нельзя.

Строем вдаль мы идем,
славим путь на века!

Выбросили врага
всех людей — капитал,
создал горькую жизнь
страшный гнет богачей.

Слышат поступи мощь
скал высоких хребты,
грома гулок раскат,
где ступаем в горах.

Строем вдаль мы идем,
славим путь на века!

Славим песней светло
свой поход в коммунизм,
большевистским путем
бодро в ногу идем.

Пламя красным огнем
поднимается ввысь,
знамя наших побед
заиграет над ним.

Строем вдаль мы идем,
славим путь на века!

1926

19. ЖАВОРОНОК ВОСПЕЛ...

Поднебесный жаворонка лет...
Взвился жаворонок и поет.
«Жю-и... жю-и...» — вслед ему бежит.
То не марево ли там дрожит?
Теплым талым воздухом хмельна,
лучезарна, ласкова весна,
от сверкающих ее очей,
от слепящих солнечных лучей

тают горы снежные вдали,
черные проталины легли...
А под дерном в глубине земной
токи запульсируют весной,
от корней деревьев сок спешит...
«Жю-и...» — то не марево ль дрожит?
В глухоманной гулкой глубине,
в нежилой безлюдной стороне
тает льда слежавшийся комок,
мутный, звонкий ручеек потек,
наледь с толстых корневищ сошла,
говорливо речи повела...
Полночью и в полдень клокоча,
пену и древесный сор влача,
вскачь уже поток по лужам мчит...
«Жю-и...» — то не марево ль дрожит?
В чаще — дерева́ до облаков,
нету края у таких лесов,
и принаряжаются леса —
зеленеет хвойная краса,
ветви, тяжелея, смотрят вниз,
листья покрупнели, налились,
появились, тяжки и круглы,
шишки, радуя свои стволы;
ярко лоно матери-Земли,
где цветы узором зацвели,
пышно зелень на ветру шуршит...
«Жю-и...» — то не марево ль дрожит?
Сказка над зеленою травой,
удивившая людей собой, —
то саранки огненный цветок
счастье над полянами зажег.
Грозовые тучи горьких дней,
давних дней насилья и цепей,
ширью неба, пасмурны и злы,
движут бесконечные валы,
над цветком саранкой смерть висит...
«Жю-и...» — то не марево ль дрожит?
Сказка над зеленою травой,
удивившая людей собой...
Молнии сверкающий клинок,
устрашась, не поразит цветок...

Тонкий стебель бурям не сломить,
мрачным силам чудо не затмить,
черным силам грозовых валов
не испепелить живых цветов...
С доброю судьбой весенних дней
ты сияй, цветок, еще сильней!!!

1926

20. ЖЕЛЕЗНЫЙ КОНЬ

В ночной недвижной темноте
Заржал железный конь,
Клубится пар в его ноздрях,
Душа его — огонь.
Огромный, словно горный кряж,
Со свистом дышит он,
И искры звездами летят
На черный небосклон.
Стальные полосы блестят,
Бегун устал стоять,
В котле давленье поднялось,
И конь заржал опять, —
Рванул назад,
Рванул вперед,
Сейчас он
Скорость наберет.
Огонь зеленый впереди,
Багряный — на груди,
И рельсы звонкие поют:
«Лети, лети, лети!»
Рванулся в небо черный дым,
Рванулся белый пар,
Тайга сияет и горит
В лучах могучих фар.
А шатуны и рычаги —
Суставы мощных лап, —
Колеса алые крутя,
Похрустывают в такт.
Ничто подъем,
Ничто откос,

Всё громче
Дробный стук колес.
А конь горяч, он снова ржет
В ночное забытье:
«Откройте мне ворота тьмы,
Я мчу через нее!»
Струятся рельсы по земле,
Вползают на мосты,
И кто-то яростно кричит
Из древней темноты:
«Зачем спешишь?
Куда летишь?
Ты ночью в пропасть
Угодишь!»
Но через глушь и темноту
Вдоль гор, лесов, болот
Летит вперед железный конь
И нас вперед зовет.
Стучат колеса, торопя:
«Быстрей, быстрей, быстрей!»
Да, этот конь сильней коней
Былых богатырей;
Он телом гибок, как змея,
Он грозен, как копье,
И мышцы мощные его
Любой берут подъем;
Его глаза, пронзая ночь,
Уничтожают тьму,
И нет нигде спасенья ей,
И нет преград ему.
Он мчит вперед,
Огнем дыша,
А в топках
Буйствует душа!
Под небом, спрятавшим во тьму
Живые капли звезд,
Скакун железный распустил
Искристый дымный хвост.
Вперед властительная даль
Влечет его всегда;
Под ним колышется земля,
Как в туеске вода.

За трое суток до того,
Как он в ночи возник,
Слыхали мы издалека
Его железный крик.
За двое суток до того,
Как свидеться пришлось,
Слыхали мы издалека
Железный стук колес.
Почти за сутки до того,
Как он примчал с бугра,
Железом пахли и огнем
Таежные ветра.
По лентам рельс
Летя вперед,
Разгон огромный
Он берет:
Летит, громами грохоча,
Летит быстрей стрелы,
Мелькают реки, валуны,
Древесные стволы, —
В груди котла
Бурлят пары,
Неукротим
Его порыв.
Сквозь нашу жизнь железный конь
Промчал, как шквал в ночи,
Теперь победный клич его
Далече эхо мчит, —
Весь край от сопок до полян,
Где жил лишь дикий зверь,
Разбужен поступью его,
За ним спешит теперь.
Идет дорога в коммунизм
Сквозь воду и огонь.
Там, где олень бы пал сто раз,
Пройдет железный конь.
Он не устал,
Летит вперед,
На коммунизм
Он курс берет.
Он вихрем воздух закрутил,
Он землю всколыхнул

И, вызывая ночь на бой,
Огонь в нее метнул.
За ним вослед
Спешит рассвет,
Вот потому-то тьма
И воет вслед ему, сходя
От ярости с ума:
«Куда спешишь?
Куда летишь?
Ты ночью в пропасть
Угодишь!»
Но конь не ведает преград.
В груди его звезда,
Пускай владычество свое
Оплачет темнота!

1926

21. КЛЯТВА

От яростной Земли
одна шестая часть,
Кремль посреди нее,
круг башен крепостных;
перед стеной Кремля
по площади идем.
Здесь Мавзолей вождя,
застывший часовой...
В том, чтоб стране труда
в сраженьях побеждать,
дерзать и быть сильней,
давать врагам отпор;
большевикам во всем
быть людям образцом,
ведь Партии крепить
вовек державы мощь, —
клянемся грозно мы,
колено преклонив.
Священной клятвы глас
сегодня слышит мир...
От яростной Земли
одна шестая часть...

Рабочих и крестьян
решительная рать
сквозь слезы, кровь и пот,
строй не наруша, шла;
мы волю обрели,
мы защитим ее.
Соединили путь
селенья, города,
усилим смычку их,
у них ведь цель одна,
связь эта принесет
счастливый день стране.
Здесь Мавзолей вождя,
заветы Ильича
все, как один, народ
в жизнь воплотить готов.
Священной клятвы глас
сегодня слышит мир.

По яростной Земле,
просторы возмутя,
вихрь нами поднят был,
волна его летит.
Тот, кто изведал гнет,
теперь оковы рвет,
свой бой вовсю ведя
с купцом и богачом.
Бойцы живут одним:
«Борьба лишь до конца...»
Непримиримых сил
не прекратится бой.
Склоненных под ярмом
соединить в борьбе
во всех краях Земли
во имя светлых дней, —
клянемся Ильичу,
коммуны сыновья...
Священной клятвы глас
сегодня слышит мир.

20 января 1927

22. ПЕСНЯ ГРЯДУЩЕГО

Льет, щедра,
свет с утра
на долины весна,
вся земля зелена;
у столба я играл
в юрте и убегал
на простор,
в шумный бор.
Поднимались вдали
миражи от земли,
и я пел, весельчак,
под свой скачущий шаг,
счастливо,
игриво...

Знаешь ли,
понял ли:
среди ярких цветов,
среди отчих холмов,
под снопами лучей
сердце бьется вольней,
и певец
молодец
ради счастья людей,
счастья будущих дней,
свою долю нашел
в том, что песню завел...
Раз-жи-гай!
За-пе-вай!

Видел ли,
слышал ли:
в юрте холод и мрак,
льдом покрылся тюфяк;
земляные полы,
плесневеют углы
и сыро,
и сиро...
Кровенеет слеза,
ест трахома глаза,

и чахоточный хрип
всюду слышать могли б...
Гаснет мой
род большой!

Дом глухой,
горевой,
куч навозных холмы, —
скот, а рядом и мы.
Можно ль в доме таком
жить со счастьем рядком,
с ним расти,
в путь идти!
Там лежанки во льду,
на лежанках найду
в скорбной доле своей
только трупы детей...
Горько жить! —
Страшно жить!

А вот дом
так уж дом —
его русский срубил,
что цветок сотворил,
он стоит расписной,
радужный и зимой,
дух сосны,
цвет весны;
колосом налитым,
молодым, заревым
встал, хорош без прикрас,
людям радуя глаз.
Дом растет,
брат высот!..

Дым густой
пеленой
в древней юрте поплыл,
столб-подпорку обвил,
стали в юрте слышней
стоны женщин, детей.

Ослабев,
похудев,
кашлем мучась до слез,
прокляв туберкулез, —
вы почти что без сил,
сникли воля и пыл!
Плач во мне
по родне...

Но придет
свой черед:
на зеленой земле,
на свету — не во мгле
люди дружным трудом
светлый выстроят дом,
чтоб там жить,
не тужить;
ваших внуков беда
не сразит никогда,
счастье им суждено,
с ними будет оно.
Расцветет
дом и род...

Дым густой
пеленой —
без ресниц старики,
выпали волоски,
в легких хрипы и гниль,
их заполнила пыль...
Скорбь пройдет
в свой черед...
Вспашет землю народ,
и картофель взрастет...
Славна юношей стать,
сил им не занимать...
Будет так!
Только так!

Смерть поправ,
волю взяв,

силой умных машин
оттолкнись от равнин,
в недоступную высь
с гордым громом вонзись,
полети,
посмотри...
Мощью солнца могуч,
что глядит из-за туч,
сотвори без помех
изобилье для всех.
Землю славь,
к счастью правь...

Ты не зря,
труд творя,
обратишь мощь морей
лишь на пользу людей,
и машины взревут,
облегчая наш труд.
Радость, грянь!
В строй наш стань!
Чтоб отныне вовек
счастлив был человек,
солнце мы приручим,
в небо мы полетим...
Ну-ка, брат!..
Смело, брат!..

23 марта 1927
Москва

23. ДУМА
(ЗАВЕЩАНИЕ)

Многоводно море, глубоко,
закипает море далеко,
принимает сумеречный вид,
яро по широкой воле мчит,
поднимает до неба валы,
громыхает в полдень и средь мглы.
Мощь таится в темной глубине,
но разбушевавшейся волне,

от порыва буйного устав,
отдохнуть бы меж прибрежных трав.
Хоть не резвы гулкие валы,
но удары моря тяжелы,
до макушки неба достают,
распыляют брызги и ревут,
и, край света там переступив,
вдруг выводят жалобный мотив...
Море с громыхающей волной,
море с утихающей водой
на груди поверхности земной
отдохнуть хотело б час-другой.

Но как будто некий исполин
тянется могуче из глубин,
не утихомирить мощь пучин;
мелких вод прибрежных языки
лижут красноватые пески,
море бьет гребнистою волной,
мощно бьет в валун береговой.
Волны на поверхности земли,
там, где жизнь когда-то обрели,
вспучиваясь, лезут и гремят
так, что гул идет от скальных гряд;
пласт земли под силою волны
расступается... Из глубины
струи начиная кверху гнать,
словно бы прогнулась моря гладь.

Воин-коммунист,
боец-орел!
Капитал своим богатством пьян,
пил он пот рабочих и крестьян,
выжимал из трудовых людей
пот кулак, буржуй и богатей;
сила их, исчадий горя, зла,
непомерно оттого росла.
Грянул революционный шквал,
буйным пламенем затрепетал,
и от этой мощи огневой

прежней жизни ветхое гнездо
рухнуло...
Лавиною густой
шел к победоносным далям люд,
путь его стремителен и крут.
Кабала и золотой телец
обрели могилу наконец...
Многоводно море, глубоко,
закипает море далеко,
принимает сумеречный вид,
по широкой воле яро мчит.
Море гонит гулкие валы
от зари до полуночной мглы,
поднимает их в седую высь,
сотрясает мощно даль и близь;
в круговерти небо и земля,
мир грохочет, вихрями пыля.
Пусть четыре грома бьют внахлест,
молния взовьется
в полный рост, —
не собьется наш корабль с пути,
знают моряки, куда вести,
ведь завет нам капитаном дан,
Ленин — вождь, учитель, капитан.
Кто не видит верный щит в ЦК, —
партия тому не дорога,
тот себя поставит вне рядов
славной партии большевиков.
Если ты отступишь хоть на шаг,
то с тобой сомкнется сразу враг.
Капитала мрачный каземат —
будешь защищать его, солдат!
По-орлиному отважный коммунист!
Несломимый, смелый воин-коммунист!
Пока смерть тебя не свалит с ног,
пока ты не выпустишь клинок,
пока над могилою своей
очи не смежишь в кругу друзей, —
ты останешься лихим орлом,
соколом в порыве молодом;
даже на длину копья в пути
не сверни, боец, не отступи!

Темным людям, жизнь прожившим в тьме,
не бывавшим в ссылках и в тюрьме,
человек, имеющий чины, —
чужд, хотя и нет за ним вины,
и случалось: никнет и молчит
перед комиссаром хамначит.
Комиссар —
защитник бедняков,
вождь рабочих,
правды властный зов!
Не волнуйся, не робей, бедняк,
не сбивай в пути широкий шаг!
Нет почетней доли на земле,
чем народ, измученный во мгле,
чем забитых, скованных людей
вывести на праздничный большак
в мир коммунистических идей.
Многоводно море, глубоко,
закипает море далеко,
принимает сумеречный вид,
яро по широкой воле мчит...
Поднимает до неба валы,
громыхает в полдень и средь мглы.
Захотело б море отдохнуть —
не смогло бы море отдохнуть;
в рокоте кипит, бурлит простор,
волны вырастают выше гор,
в пене, брызгах, яростно клубясь,
вольною водою вдаль катясь.

23 февраля 1929

24. САМОЕ БОЛЬШОЕ СПАСИБО!

На земле, от солнца желтой, ясным днем
меня создали для жизни мать с отцом.
Но я слезы лил горючи, жизнь кляня, —
труд жестокий, непосильный гнул меня.

Обошел по дальним тропам я весь мир,
стыл на зорьке, мерз в бураны, гол и сир,

ноги мокнут, коченеют, — страшно жить,
всюду мне на богатеев лишь служить.

За кормежку, за одежду на плечах
я работал, позабывши свой очаг,
как золу меня топтали, как песок,
как скотину запрягали — вез как мог...

Кто не видел, как батрак, как хамначит,
вечно голоден, страдающе хрипит?
Кто не видел, как батрак, как хамначит,
не поспавши, не поевши, не попивши, во поле спешит?

Обсосали хамначита богатеи до костей,
господа нас проклинали, не считали за людей,
род бедняцкий стал породой нищих, горемык, бродяг,
хамначит в глазах кулацких был никчемней, чем червяк.

Обреченные на голод сыновья лесов, полей,
двери юрт своих дырявых распахните-ка скорей,
вы воспряньте бодрым духом, пусть огнем пылает взгляд,
ваши жалкие жилища обновим мы все подряд!

Коммунисты, вы отважней и решительней орлов,
в ваших песнях слышен отзвук бури, вихря и боев,
вы воспели жизнь коммуны, жизнь моей родной земли,
эти песни, эти гимны в сердце, в душу мне вошли.

Большевистские герои землю жадных богачей
роздали простому люду, тем, кто был всего бедней.
Земли лучшие теперь у нас в руках,
мы живем уже в своих домах.

Мы немало слез пролили, горьких слез,
но среди моей таежной стороны
каждый род якутский в землю корнем врос,
не страшны метели нам и бури не страшны.

Вы, буржуи-кровопийцы, мироеды, прочий сброд,
распахните-ка скорее перед нами ширь ворот,
вы не ввергнете нас снова в голод, нищенство и грязь!
Честная рука народа крепкой силой налилась.

На земле, где мы родились, среди рек, полей и гор
мы взрастим златые нивы, шелком зацветет простор
солнце весело и вольно будет нам светить с высот,
солнечный огонь коммуны смело брат-якут зажжет.

Кулаки! Нам не мешайте, мы, как никогда, сильны,
мы развеем вас, как пепел, на четыре стороны,
рассчитались с кабалою, сбросили мы кандалы,
батраки и хамначиты нынче смелые орлы.

Партии любимой нашей, партии большевиков,
земли отнявшей от баев, кровопийц и кулаков,
от бедняцкой, от батрацкой доли мы благодарим,
наше главное спасибо — всем большевикам стальным.

8 октября 1929
Тигиилээх

25. ЗАВЕЩАНИЕ ОРЛА

Туман предрассветный, морозная тьма,
плыл дым клочковатый, пороховой,
от залпов покачиваются дома
с порогом, с оконцем, с печною трубой.

Пять пальцев на ложе винтовки,
огнем —
по вражеской банде, что прет напрямик...
На стылом ветру с перекошенным ртом
весь в ранах кровавых боец-большевик.

«Товарищи! Братья! Ни шагу назад!
Тюрьму, каземат и кандальный острог
громите ударами гулких гранат,
чтоб спрут-капитал удержаться не смог!

Мы встали, сжимая и пику, и штык,
рабочую власть защищаем свою,
борьбы не страшится орел-большевик
и смерти на бранной дороге в бою.

И я на виду у студеной Амги
сейчас умираю под острой скалой,
убили меня, молодого, враги,
а братья засыплют родною землей.

Нас черным бандитам не взять на испуг,
превыше небес нашей мысли полет,
и солнца горящий, сверкающий круг
кровь наша, как ярый огонь, обожжет.

Мы славно шагали с оружьем в руках.
Я, очи смежив, обращаюсь к живым:
„Мой труп — это крепость, друзья, а не прах,
и пламенный стяг водружайте над ним!

А коль с четырех вас обложат сторон
и хлынут бандиты, хрипя и кляня, —
вы тело мое превратите в заслон,
чтоб пули врагов попадали в меня!"»

На зимней Амге возле каменных скал
такие слова большевик нам сказал,
слова завещанья в предсмертный свой час,
и гневно сердца застучали у нас...

7 ноября 1929
Хоро

26—32. *ТАНЦЫ СТАРЫЕ—ПЕСНИ НОВЫЕ*

1

НАЧАЛЬНЫЙ ТАНЕЦ ЫСЫАХА

Выйдем во поле гурьбой,
как березки, станем в ряд...
Это не речной прибой, —
танцы душу веселят.

Будем танцевать с тобой
и кружиться по весне
на зеленой, золотой,
на крутой земной спине.

С коммунистами в ряду,
с комсомольцами в ряду, —
в честь их песню заведу
у народа на виду.

Танец молнией пронзит
неба белое крыло,
и пускай, как гром, звенит
во поле, пока светло!

2

ОСУОХАЙ

Крепкие мои друзья,
мы на весь советский край,
на поля, леса, моря
спляшем наш осуохай!

Славные мои дружки,
танец наш — в счастливый час;
выше ловкие прыжки,
веселее перепляс.

Жили, ноги подломив,
гнули нас в бараний рог...
Распрямлен народ, счастлив,
богачей сбивает с ног.

Вся Сибирь шумит волной,
буря кружит над землей,
и узнают наш кулак
перекупщик и кулак!..

3

КУЛУН КУЛЛУРУСУУ

Время песню затянуть:
в стародавние года
чахла у якутов грудь,
были всех бедней тогда.

Был неласков отчий дом,
дети голодают, мрут,
и безжалостным трудом
изнурен рабочий люд.

Радугою нам сиять,
вольным табуном скакать,
мы отнимем на века
все угодья кулака.

Тех, кто грабил наш народ —
богачей, купцов, господ, —
опрокинем на пути,
нам своим путем идти...

4

ДЬИЭРЭНКЭЙ

Встали в строй большевиков
в пробудившемся краю
парни двадцати годков,
с ними девушки в строю.

Мы хозяева земли,
мы растем умом, душой,
нас считали — не сочли,
вот какой мы род большой.

Жизнь светла и молода,
ярко счастье, как звезда,
лучших мы не знали дней...
Так танцуй же веселей!

Призываю всех людей
славный танец дьиэрэнкэй
танцевать... Смелей, дружки,
выше ловкие прыжки!

5

КРУЖАТСЯ С ПОДНЯТЫМИ РУКАМИ

Танец всех собрал в кружок!
Несравнимой стала жизнь,
сняли путы с наших ног —
так кружись, кружись, кружись...

Жить в нужде противно нам,
хлева вековую грязь,
чтоб не липла к каблукам,
втопчем в землю мы, сплотясь.

Жизнь, где помыслы чисты,
жизнь, что песню завела, —
наша жизнь, а нищеты
гнезда мы сожжем дотла.

Звонким колесом пройдем,
жаворонком запоем,
сила в жилах, славна стать,
петь, играть нам и плясать...

6

БЬЮТ НОГОЙ ОБ НОГУ

Друг мой, словно снегирек,
друг пред другом скок-поскок!..
Думаю, что наш закон
прям и ясен, только он

волокитчиком глухим,
бюрократом продувным
искажается порой
в пользу плута, что с мошной.

Выгнать всех до одного!
Не оставить никого —
волокитчиков глухих,
бюрократов продувных!

Сядет вместо них — батрак,
сядет вместо них — бедняк...
Веселее в пляс, дружки!
Выше ловкие прыжки!

7

ЧОХЧООХОЙ

Наши девушки стройны,
парни крепко сложены!..
Возмущаюсь нынче, друг,
я настырностью хапуг.

Собираем мы добро
для народа, для страны...
Им бы лишь урвать хитро,
дотянуться б до казны.

Расхитителей-хапуг
гнать нам огненной метлой,
сгинет кровосос-паук,
навсегда сокрытый мглой.

Наших сил не обозреть
и богатств не обозреть...
Мы танцуем чохчоохой,
танец быстрый и лихой.

1929

33. АРТЕЛИ, СЛАВЬТЕ!

Друг мой, Аннушка-свет,
я тобою согрет,
всех добрей и нежней
ты в артели своей,
спoро дело в руках,
звонка песня в устах.

Ясным взглядом окинь
зелень отчих равнин,
где трепещут, легки,
на ветру лепестки,
    волны ярких цветов —
    томный блеск огоньков.

Трактор в поле гремит,
разнотравьем шумит,
и колес пересверк
дотемна не померк,
    и по шири полей
    грохот стали слышней.

Трактор не замолчит,
песня стали звучит,
винтовой его перст
долгим визгом окрест
    наполняет простор,
    гулко сердце-мотор.

Движется, рокоча,
плуг по полю влача, —
быстрый, словно нырок,
поле вмиг пересек!
    Хорошо и светло
    наше дело пошло!

Лоно милой земли
зеленеет вдали,
дивный облик цветка
переменчив слегка,
    в нем трепещет узор,
    дивен поля ковер.

Друг мой, Аннушка-свет,
я тобою согрет,
всех добрей и нежней
ты в артели своей,
    споро дело в руках,
    звонка песня в устах.

Чудо как хороша,
как мила и свежа,
губ цветущий бутон
жарок, словно огонь!
    Свет в девичьих очах
что звезда в небесах!

Наша матерь-Земля!
Буйноцветны поля!
Мощь моих земляков,
сбивших путы оков,
    кто осилить бы смог?
    Встать в пути поперек?

Видишь: наша взяла!
Нет колхозам числа,
не бежим никогда
от любого труда,
    а в горячие дни
    нас поди догони!

Ну, а коль кулака,
чья мошна велика,
ты пригреешь, бедняк,
попадешь лишь впросак, —
    обсосет тебя змей
    вплоть до самых костей.

Если ты, кровосос,
зло затеял всерьез
у колхозных ворот,
то раздавит народ
    тебя, как червяка,
    червяка-кулака!

Победив капитал,
люд остроги сломал,
мы единством крепки,
никогда б кулаки
    не осилили нас
    ни на день, ни на час!

Тех, кто злобой горит,
топором нам грозит,
лицемерных господ —
или прямо в расход,
    или выгнать пинком,
    пусть летят кувырком!

Солнца ласковый свет
озаряет весь свет,
и прекрасный цветок
увенчал стебелек,
    засверкал, веселя...
    Рада матерь-Земля.

Друг мой, Аннушка-свет,
я тобою согрет,
всех добрей и нежней
ты в артели своей,
    споро дело в руках,
    звонка песня в устах.

Трактор в поле гремит,
разнотравьем шумит,
и колес пересверк
дотемна не померк,
    грохотом решета
    ширь полей налита.

Тех, кто злобой горит,
топором нам грозит,
с лона нив, с лона вод —
или прямо в расход,
    или выгнать пинком,
    пусть летят кувырком!

24 февраля 1931

34. ПРОЩАЙ

В сизой пене, не голубой,
неумолчен ревущий прибой.
Круговерть штормовая, прощай!
Жемчуг брызг искрометных, прощай!

Мое слово — с песней свяжу,
мое слово — в хомус вложу,
блеском золота в этот час
звуки вспыхивают, светясь.
Черноморья высокий вал
рокотал, ревел, клокотал,
зрело слово мое на волнах,
и неведом ему был страх...

Ярый моря круговорот,
блики света на лоне вод,
мой сияющий край, прощай!
Сине море мое, прощай!
В этой песне заключена
страсть одна и мечта одна:
чтоб в таежной моей дали
мир коммуны славной создать,
чтоб на благо людей Земли
образцом-коммунистом стать.
Вышли мы в свой путь боевой,
ветер бури над головой,
синей дали мерцает свет,
огнеликий трепещет след...
О пучина моря, прощай!
О рокочущий вал, прощай!

Надо ли печалиться мне,
о последнем подумав дне, —
кто, родившись, солнца не знал?..
Кто, родившись, не умирал?..
Я умру, — зарастет травой
холм могильный мой, земляной...
Но мое наследство — завет, —
моим песням жить много лет...

В сизой пене, не голубой,
неумолчен ревущий прибой.
Круговерть штормовая, прощай!
Жемчуг брызг искрометных, прощай!
На груди зеленой земли,
где под солнцем цветы взошли,
чтобы строить коммуны дом,
коммунистом быть и бойцом, —
буревою силой полны,
дивной речью напоены,
прозвучат на народный лад
мои песни звончей стократ.

13 апреля 1932
Ялта

35. ПЕСНЯ СИНИЦЫ

Сердце каменное
станет пламенное —
распевает, любовь прославляя, синица,
звукам — литься, искриться, а сердцу —
томиться...
Ланчик-свет-девочка,
зернышко, пуночка,
моя птичка,
невеличка,
песней птицы обласкана, и у милушки
пальцы вздрагивают, как птичьи крылышки...

Птица влюбленная,
песнь исступленная...
Дремлет тихое озеро, слушая звуки,
лес, склонившийся томно, внимает пичуге...
Ланчик-свет-девочка,
счастья запевочка,
моя тютюшенька,
малышка-душенька,
танцует, прыгает, лозинка тонкая,
улыбка детская, веселье звонкое.

Сердце каменное
станет пламенное —

распевает, любовь прославляя, синица,
звукам — литься, искриться, а сердцу — томиться...
Ланчик-свет-девочка,
золото-девочка,
птичка из гнездышка,
тугое зернышко.
А возьмешь ее на руки — прижмется, плутовка,
как бы делая милость, своей рыжей головкой!

13 апреля 1932
Ялта

36. МОСКВА

Волнение в груди,
мне душу береди.
«Бар-бар», — бьет барабан,
он басовит и рьян.

Москва, ты наша мать, —
иначе не назвать,
звон в небе над тобой,
и гул гудет землей.

Мелькая за углом,
трамвай звенит: «Бом-бом...»
Иной несется звук —
по рельсам стук: «Тук-тук...»

Завод — железный дом.
В полночный час и днем
под непрестанный гуд
маховики снуют.

Рабочий люд простой
низверг проклятый строй
и раздавил в бою
буржуя, как змею.

Мощь силы трудовой,
ум пламенный, живой!
И музыка, звеня,
летит навстречу дня.

Тум-тум, тара-ра-там!
Гул, скрежет, свист и гам...
«Мы здесь пожнем успех,
мы здесь обгоним всех!»

Так Домна говорит,
а в ней Чугун кипит,
и, превращая в пар,
на воду дышит жар.

На весь железный дом
мотор гремит гудком,
и неумолчно здесь
звучит машины песнь:

«Подружка, рядом встань
и пуночкою глянь,
друг к другу мы вдвоем,
трудясь, на миг прильнем!..»

«Лоп-лоп...» — то молоток,
удары скок-поскок,
цепь верещит: «Жиг-жиг...»,
вытягиваясь вмиг.

Станок в который раз
затеял перепляс,
гремит, звенит, кружит,
отнюдь не дребезжит.

Волнуется душа,
грохочет цепь, спеша,
чтоб трактора, пыля,
пошли пахать поля.

Машинный ритм работ,
мотор разгон берет,
как надо мастерам, —
по нраву это нам.

Волнение в груди.
«Эх-ма», — себе тверди.

О, древняя Москва,
как мать, всегда права!

Бессмертен ум Москвы,
победен стяг Москвы,
и сил ее размах
во всех ее сынах.

Плыть музыке: «Зинь-зинь...» —
На весь простор и синь.
О мать моя Москва,
О древняя Москва!

15 декабря 1933

37. ОЖИДАНИЕ

Льет гитара нежный звук,
слушают ее вокруг.
Звукам — золотом звенеть!
Отчего ж не стал я петь?

Чтобы словом прозвенеть,
чтобы чувством обогреть,
я, бывало, трепетал,
я, бывало, распевал...

Новой жизни вешний час
лишь лучом коснется нас, —
и тогда певец придет,
вдохновенно запоет...

Льет гитара нежный звук,
слушают ее вокруг.
Звукам — золотом звенеть!
Отчего ж не стал я петь?

Доживем до мая мы,
и услышим песни мы, —
так давайте же плясать,
звучно песни распевать!

6 сентября 1936

38. ХАРАЧААС

Полуночной порой среди гор и тайги просвистели пули,
ледяные ветра, снег подняв от земли, закружась,
подули...

«Слышал ли кто-нибудь, чтоб от беляков я в чащобе
скрывался
иль в походном строю, иль в разведке ночной духом
пал бы и сдался?

Отдыхайте, бойцы! Я разведать пойду, где таятся
бандиты.
Резкий ветер лицо обжигает огнем на равнине
открытой.

Я иду, большевик, презирая душевную робость,
ночь зловеще черна, непроглядно черна, как бездонная
пропасть!»

Может, пуля ударит в широкую грудь, лишь он выйдет
на поле,
вдохновенный боец, большевик Харачаас, покачнется
от боли...

«Имя «Ленин» всегда неразлучно со мной было
в дальнем походе,
с ним я тюрьмы разбил, капитал поразил, путь давая
свободе.

Есть мечта у меня, и сегодня о ней не могу не сказать я:
Ильича я увидеть хочу, ощутить его братское
рукопожатье.

Горемычных — надежда, обездоленных — друг, — я тебя
прославляю.
А еще бы сказал я: «Спасибо, Ильич!» — так иду
и мечтаю.

Знаю я, что в сердцах миллионов людей светит Ленина
имя,
сердцу ленинской правды навеки стучать в лад
с сердцами людскими».

И седлает коня большевик Харачаас в путь далекий,
безвестный,
он горами летит, он тайгою летит, как орел поднебесный.

Полуночной порой прожужжали в тайге смертоносные
пули,
ледяные ветра, снег подняв от земли, закружась,
подули.

На коне вороном скачет лев Харачаас, воин храбрый
и меткий,
и кивают в тайге ему, большевику, елей снежные ветки.

Среди шумных лесов, на полях, на морях песнь певцов
вдохновенных
на века прославляет орлов-храбрецов в их делах 0
дерзновенных.

Будет жарче светиться в небесной дали солнца луч
незакатный,
будут ярче народам идеи сиять над землей необъятной.

6 сентября 1936

39. НАД ТАТТОЙ-РЕКОЙ

Над рекой крутой откос,
там над Таттой тальник рос,
ветви распушив свои,
излучая свет любви...

Те прибрежные поля
помнят парня-журавля
пританцовывающий шаг,
песнь его звенит в ушах...

Катя-зорька, ясный свет,
никого красивей нет...
Как он Катю целовал,
обнимал да миловал...

«Катя-зорька, ясный свет,
никого красивей нет!..
Пламя чувства разожжем,
вольной птицей запоем...

Старость грянет в свой черед,
белым снегом заметет,
и свою утратит власть
чувств пылающая страсть...

Чтоб душою был я рад,
чтоб звучала песня в лад,
ты целуй меня, целуй,
слаще счастья поцелуй!»

Те прибрежные поля
помнят парня-журавля
пританцовывающий шаг,
песнь его звенит в ушах...

Катя-зорька, ясный свет,
никого красивей нет...
Как он Катю целовал,
обнимал да миловал...

6 ноября 1936

40. ЭТОТ ОГНЕННЫЙ БОКАЛ

В новогоднюю ночь
пьем за младшую дочь,
огнедышит бокал,
жарок сердца накал.
Пьем, родная моя,
свет Акуча моя!

Сокрушен капитал,
враг неистовый пал,
и счастливой порой
светит луч заревой,
чтоб был ясен и прям
путь якутским родам.

А душа влюблена
в землю, что зелена,
в нашем щедром краю
солнце я воспою...

А якутский народ
мою песню споет,
среди ясного дня
вспоминая меня...

Мать моих четверых
малышей озорных!
Огнедышит бокал,
жарок сердца накал.
Пьем, родная моя,
свет Акуча моя!

Полон страсти и сил,
слово я подчинил;
обнимаю тебя,
золотая моя;
песни мне распевать,
на хомусе играть...

В наших душах светло,
солнце счастья взошло, —
золотце, вспомяни:
далеко ль эти дни?

Золотце, я смеюсь,
золотце, я горжусь:
мои дети — смотри! —
как четыре зари...

Будь счастлив, Новый год,
без потерь и невзгод,
огнедышит бокал,
жарок сердца накал.
Пьем, родная моя,
свет Акуча моя!

Подрастут в добрый час
внуки, радуя нас...

Всё имеет свой срок:
семя, завязь, цветок.
Смерть придет в свой черед,
в свой черед зреет плод...

Я скажу наперед:
кто умножит свой род,
тот, как солнце весной,
будет вечно живой.

Огнедышит бокал,
жарок сердца накал.
Пьем, родная моя,
свет Акуча моя!

30 декабря 1936

41. НА МОГИЛЕ МАТЕРИ ЕВДОКИИ

Мой цветущий алас, трав зеленая гладь,
мое отчее поле, где родился и рос...
Даль холмиста, насколько смог взглядом объять,
солнце видеть впервые мне здесь довелось.

Помню этот сияющий чудный простор,
журавлиные клики, журавлиную стать...
Выйду ль с матерью в поле на зеленый бугор,
мать меня, малыша, начинает ласкать.

И, ребенок из бедной крестьянской семьи,
я борцом вырастал и хранил свою честь...
Тебе, мать, всё грозили злодеи мои, —
даже сердце сыновье заставят, мол, съесть.

Мать, твой сын — большевик, уничтоживший зло,
ему выпала доля борца и певца,
в сердце вспыхнуло пламя и слово зажгло,
и запел большевик, пробуждая сердца.

На пригорке под глинистой теплой землей
моя мать Евдокия заснула во тьме,
и среди этой дали цветущей весной
я, печальный, стою на могильном холме.

Мать, меня одарившая солнцем, прощай!
Над твоею могилой я клятву даю:
за народ положу жизнь и душу свою...
Холм заветный, где мать опочила, прощай!

5 января 1937
Якутск

42. Я МЕТКО СТРЕЛЯЮ

Кружится снег в высоких горах,
слоем тяжелым заносит обрыв,
треск раздается на небесах —
это мороза лютого взрыв.

Снег шуршит между глыб,
а мороз скрип да скрип,
выйдешь ли на крыльцо —
ветер воет в лицо.

Свист, свист, свист
голосист...

Лесом бежит пионер со всех ног,
сердце от бега сжалось в комок,
воздух он ловит иссушенным ртом,
снежную пыль поднимает кругом.

И сказала сосна:
«В нем отвага видна».
Шепчет лиственница:
«Он дойдет до конца...»

Бури вал
завывал...

«То, что нам нажили мать с отцом,
землю, где мы счастливо живем,
банды хотят разнести, растоптать
и повернуть нашу долю вспять.

О налете врагов
известить бы бойцов,
чтоб их в штурме ночном
не скосили огнем!»

Шире шаг!
Крепче шаг!

«Раньше б добраться до Абаги!..
Красноармейцев предупредить!..
Чтоб на них напоролись враги,
сразу умеря дерзкую прыть...»

Полуночной порой
в тьме — хоть выколи глаз —
целиной снеговой
мчал к бойцам Афонас...

Мчал сквозь ночь,
чтоб помочь...

Он на пороге избы штабной,
сразу винтовку из козел взял:
«Банды подходят!» — встряхнул головой,
«Меткий стрелок я!» — после сказал.

Афонасьева весть
лагерь подняла весь,
и уже Абага
поджидает врага.

Средь снегов
хруст шагов...

Теша себя надеждой пустой:
большевиков под корень свести,
враг пробирается вглубь тайгой,
с думой о мести ищет пути.

Черной ночью снег сер...
Дымен снег по лесам...
Метко бьет пионер,
он сражается сам.

Враг раскрыт...
Бой гремит.

Сколько жалких разбитых врагов
с отчей земли Абаги ушло?
Сколько храбрых юных стрелков
праздновали победу светло?

Это искра моя,
славлю искру свою,
это смена моя
победила в бою...

Вольный край,
пой, сияй!

Пламенный горн Ильича, греми
над якутской землей заревой,
песня, в строй с молодыми людьми
встань, им силы придав буревой...

Между гор и лесов
и среди облаков
барабанный набат
грянет в лад, грянет в лад:

встань, встань, встань!!!
встань, встань, встань!!!

13 января 1937

43. ЗДРАВСТВУЙ, СЛАВНАЯ ДЕВУШКА АРИША!

1

Здравствуй, славная девушка Ариша,
знаменитая девушка Ариша!
Ласковую песню запеваю,
ласковою песней прославляю...

Жил ребенок беспризорной сиротою,
а ребенок жизнь свою едва лишь начал,

белый день встречал в хлеву не за игрою,
от зари и дотемна он всё батрачил.

Теплым словом его сердца не согрели,
только мучают, клянут, ругают дико,
у ребенка и душа-то еле в теле,
а никто ему не скажет: «Отдохни-ка...»

Лишь ребенок на пороге встанет робко,
как хозяйка, подбоченясь, встретит бранью:
«Эй, обжора!» — и немедленная трепка,
не разжалобить сиротскому рыданью.

Небо, тучами обложенное жестко, —
доля горькая той девочки-подростка.
Пес дворовый в конуре лоснится сыто...
Плачет девочка, хозяином избита...

2

Поздравляю тебя, девушка Ариша!
Светит орден на груди твоей, Ариша!
Ты рыдала от обид, упреков, боли
в неизбывной той батрацкой доле.

И от жизни, где кровавые страданья,
где могил лишь черные каменья,
убегала девочка в мечтанья,
от земли летела в сновиденья.

Полетела... А под ней земля разверзлась адом,
в сердце полнится невиданная ране сила,
то взволнованным, а то пугливым взглядом
девушка глядит на солнце, на светило...

Полетела... Но столкнулась с горным пиком,
заскользили вниз с горы каменья,
разразилась девочка спросонья криком,
просыпается она в смятенье...

Володел богач от века всем улусом,
гнули спины на его пороге,
только был богач донельзя схожим с гнусом,
из крестьян высасывал, жирея, соки.

3

Лучшая из лучших девушек Ариша!
Вся земля якутов в славе и почете,
орден твой сияет на груди, Ариша!
Имя твое светит высоко в народе.

...Сирота решила скрыться ночью темной.
Но костер свободы запылал огромный,
опаляя небо.
Богатей жестокий
девочку хватает у лесной дороги.

«Сирота-бродяжка, возомнила что-то?
Уж не захотела ль встать под знамя сброда? —
Бай бранился, топал перед невеличкой. —
Может, ты, мерзавка, стала большевичкой?»

«Подожди немного, спесь твоя поблекнет,
как петух пожара с крыши кукарекнет!
Отольются слезы наших дней сиротских,
жить не будем ради прихотей господских!»

Под ударами громады большевистской
был разгромлен мир тойонов, мир бандитский...
И разбил народ кровавые оковы, —
сирота счастливой стала в жизни новой.

4

Радуюсь я, радуюсь душой, Ариша!
Радость вылью в песнях я своих, Ариша!
Видишь ясное свеченье небосклона, —
мысль сверкает вдохновенно, просветленно.

Ты жила батрачкою прибитой,
жизнь была тоской-нуждой повита,
и от горестей, что у тебя случились,
не слезами — кровью в ночь глаза слезились.

В центре мира — Кремль, земли основа,
светоч разума и творчества людского.
Сталин в день вручения награды
пригласил в кремлевские палаты.

«Пока силы мои крепки, не ослабли,
этой жизни я их все отдам до капли» —
так Ариша размышляла и мечтала,
славный орден к сердцу прижимала.

Я хочу, чтобы молва по белу свету
разнеслась бы про якутку эту,
чтобы путь Ариши стал дорогой
для детей моей Якутии широкой!

15 февраля 1937
Якутск

II

44. КРАСНЫЙ ШАМАН

Песня-олонхо в четырех действиях

М. К. Аммосову

Максим! Ты мне, как брату, говорил:
«Цени слова, не распыли их пыл,
Не отступайся от мечты своей,
Не падай, не сдавайся, не робей! . .»
Да будет так, как ты сказал, Максим!
Да светит свет твой над путем моим!

ПРОЛОГ

Сумерки летнего ненастного вечера. Гремит гром, сверкают молнии. Возле шалаша, опустившись на одно колено, стоит Красный Шаман. Он повернул лицо к востоку, рука его опирается на бубен. Под ним — черно-белый клетчатый ковер.

Красный Шаман
(поет заклинание)

Стоя над миром восьмидорожным,
Стон его слыша ухом тревожным,
Зная коварство сил его темных,
Зренье даруя глазам угнетенных,
Все свои думы связав с бедняками, —
В сердце народа вдохну ли пламя
Яростной битвы с гнетом, с обманом
Я, именуемый Красным Шаманом?
Если огнем наполню заклятья,
Если во тьме смогу показать я
Путами сдавленному народу
Путь, на котором найдет он свободу, —
Будут гудеть или смолкнут глухо
Бубны его притуплённого слуха?

Кривду ломая крылом своим гордым,
Крик исторгая клокочущим горлом,
Давней ненавистью распаленным, —
Дам ли я про́клятым, закабаленным,
Мыкавшим горе, нищим, несмелым
Мысли, подобные острым стрелам,
Разуму их — разящую жгучесть,
Ратующую за лучшую участь?
Думы взвивая, как дыма хлопья,
Души рабов превращу ли в копья,
Жаждущие жестоких схваток,
Ждущие часа великой расплаты,
Чтоб усладиться кровавым пиром,
Чтоб над угрюмым Средним миром
Грозный и гневный
Грянул гром?
Доом-эрэ-доом!..
Будет ли добрым помянут словом
Бурю поднявший страстным зовом,
Родине жизнь свою посвятивший,
Робость невольников победивший,
В сердце им вливший стойкость,
решимость,
Веру в величье и несокрушимость
Бьющихся с ложью,
Бесправьем и злом?
Доом-эрэ-доом!..
Кровь ощущая во рту опаленном,
Криком и хохотом исступленным
Искры свободы смогу ли высечь
Из каменеющих в скорби тысяч
Узников рока, братьев-якутов?
Узел злобы заклятьем распутав,
Очи слепых
Очищу ль огнем?
Доом-эрэ-доом!..

Люди! Где слезы народные
Льются рекою,
Лютой горечью полнятся,
Лютой тоскою,

В дни, когда нечисть свирепствует
В небе Девятом, —
Да прозвучат заклинания
Добрым набатом!
Пусть вам откроет мой заговор
Путь священный, свободный,
Ввергнет небесных недругов
В бездну преисподней!..
Да разорвет заклятие
Давние оковы!
Да не увязнет оружие
Даже в сгустках крови!
Освободи же страждущих
От жестокой муки,
Впейся стрелой, колдовство мое,
В племя одноруких!
Зубы выломав жадные
Злому адьара́ю,
Повели, волшебство мое,
По родному краю
Благу, счастью разлиться
Белым молоком,
Бедам людским — утолиться!..
Доом-эрэ-доом!!
Бей по бубну гулкому,
Былайа́х проворный!
Наполняйте, призраки,
Ночи воздух черный!
Скоро, скоро сгинете,
Скорби и несчастья!

Пусть земля разверзнется
Пышущею пастью —
Ненавистью хлещущей
Небо раскачает,
Втянет вихри в глубь свою
Вместе с богачами!
Пусть не будет мир темницей!
Пусть в моем краю родном
Просветлеют лица,
Правда воцарится!..
Доом-эрэ-доом!!!

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Летнее утро. В отдалении — блеск молний, раскаты грома. На берегу Амги, у подножья скалы, спит в косом шалаше Красный Шаман.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Из тальниковых зарослей появляется дух — богиня земли Эбэ Хотун.

Эбэ Хотун

(весело)

Зелень, зелень, зеленей!
Землю ласково согрей,
Золотое солнышко!
Духи трав, деревьев, эй!
Доставайте поскорей
И для чащ, и для полей
Их уборы летние!

(Машет травой.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Духи деревьев и трав — юные, разодетые в живые цветы — приближаются легкой походкой и кланяются до земли, приветствуя Эбэ Хотун; затем образуют вокруг нее хоровод.

Духи деревьев и трав

Нашей бабушке — поклон!..
Нежен, ясен небосклон:
Навсегда очищен он
Новым, светлым временем.
Красоте земной — расцвесть!..
Край наш пышен, всё в нем есть:
Птиц, зверей не перечесть
По лесам разбуженным...
Зорька свет свой расплеснет,
Землю теплый дождь польет, —
Разгорится щедрый год
Радугами радости.

(Пританцовывая.)

Смех, звеня, вскипает в нас,
Сами ноги рвутся в пляс;

На просторе плещут-блещут
Наши дни счастливые.
Шумом сердце веселя,
Широко легла земля;
Над землею льются-вьются
Наши песни вольные.
Синий стелется туман,
Спит наш праведный шаман;
Скалы слышат, как он дышит —
Силы набирается.
Он разлегся во весь рост,
Он стопой достал до звезд -
И Стожары задрожали,
Искрами рассыпались...
Переплавятся миры,
Перепашутся бугры, —
Буйным цветом, ярким светом
Будет жизнь украшена!

Эбэ Хотун и духи

(пускаясь в танец осуохай)

Пляска! С нами век дружи,
Поднимай нас и кружи!
Слейтесь, молния и гром!
Славу силе мы поем!

Да исполнятся мечты,
Да оденется в цветы
Средний мир — наш милый дом!..
Славу счастью мы поем!

(Пускаясь в танец дьиэрэнкэй.)

Гром, стучи!
Гром, скачи!
Грозы, ливни и лучи
Сыпь, ликуя, сей кругом!..
Славу жизни мы поем!

Высоко и плавно прыгая, почти паря в воздухе, духи исчезают за деревьями.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Красный Шаман просыпается и садится на камень около костра.

Красный Шаман
(склонившись над огнем)

Неистовство и мощь, живущие в огне!
Неведом был язык ваш вещий мне...
Черед пришел — раскрылась суть моя:
Четвертый год, как стал шаманом я.
Четвертый год, как я увидел сон...
Чьим чудодейством был тогда я осенен?
В кромешной тьме,
В кровавой мгле
Во сне лежал я на земле,
И пропасть предо мной была,
И был я в образе орла.
Кольцо к кольцу, как коловерт живой,
Ко мне змея с мохнатой головой
Вдруг подползла; скользнула мне на грудь,
В глаза мои стараясь заглянуть;
Застыла, злобный взор вперив в меня,
Зрачком бездонным душу леденя.
Хотел я шевельнуться — и не мог:
Холодной судорогой мышцы крыльев, ног
Пронзил, сковал давящий страх,
Пронесся вьюгой в перьях-волосах...
Прошел по коже огненный озноб —
Покрыл мне шею, скулы, лоб
Испариной... И плыл я вниз, на дно,
И сердце — ужаса, отчаянья полно, —
Как бы разорванное на куски,
Как молот, било в грудь, в гортань, в виски...
Змея зашевелилась, напряглась...
Зажглись зрачки ее голодных глаз...
Шипенье. Угрожающий изгиб...
Шумела кровь в ушах: «Погиб!.. Погиб!..»
И слезы хлынули мои,
И жало хищницы змеи,
Мысль гаснущую бросив в дрожь,
Меня разрезало, как нож, —
От сердца до запекшегося рта
Открылась жаркая, кровавая черта...

И, распрямясь, змея исчезла вдруг...
И растворилась темь вокруг, —
Я знал, что жив я, человек-орел!
Язык мой огненность обрел —
Затрепетал,
Залепетал,
Забормотал,
Запричитал,
И руки-крылья заплелись жгутом,
И рухнул я в беспамятство потом...

(Пауза.)

Очнувшись, покорился чуду.
Очнувшись, понял, что шаманом буду...
Три дня камланью отдал я; три дня
Трепало и трясло меня;
Три дня, три ночи к духам я взывал,
Тревожно вскрикивал, метался и взывал...
На Верхнем небе очутился я!
Наполнили там девять тордуя
Моею кровью и, спустив на твердь земли,
Могучей тайною мой разум облекли.

(Пауза.)

Явившись, я зажег огонь борьбы великой:
Я Орос Бая, ставшего владыкой —
Хозяином земли, в людей вселившим страх,
Хочу, смеясь, развеять в пыль и прах...
В разящее я превращусь копье,
Вонжу в очаг врага заклятие свое,
Чтоб вражий пепел стерся без следа,
Чтоб тень врага исчезла навсегда!

(Зевает.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Появляются косари — работники Орос Бая. Одеты они только в штаны из телячьих шкур. В руках у них — махалки из рыжих жеребячьих хвостов (для защиты от комаров), на плечах — косы-горбуши.

Косари

Здесь и починать нам луг...
Здравствуй, наш почтенный друг!

(Кланяются.)

Красный Шаман

Отчего б не сесть вам, братцы?
Отдохнем!.. Не сократятся
Орос Баевы богатства!

Отложив косы, косари усаживаются вокруг костра.

Первый косарь

Старший брат наш! Пуст живот,
С голодухи глотку жжет...
Есть ли у тебя кумыс?
Если есть — не поскупись!

Второй косарь

Вот пора пришла какая!
Волком вой у Орос Бая:
Нет ни мяса у него,
Нет ни масла — ничего...
Дней уж пять, как я не ел!
Да еще — в ногах прострел...

Третий косарь

Лихо!.. Сгинуть, брат, под стать!
Лечь бы здесь — и не вставать...

Красный Шаман выносит из шалаша большой чорон с кумысом и угощает косарей. Они пьют, глубоко и шумно вздыхая.

Первый косарь

Никогда не знал я радости такой!
Никогда не пил я сладости такой!
Ходишь-рыщешь, Хомого́й?
Хочешь пищи, Хомогой?
Ох, оближешь ты нам губы,
Ох, обветришь невзначай,
Ой, увидит наши губы —
Осерчает Орос Бай!

Косари вытирают губы золой.

Второй косарь

Диво дивом!.. Ну, дела!
Даже боль в ногах прошла!..

(Резко поднимается.)

Край родной, как ты красив!
Краше нет вот этих ив,
Нет светлей твоих озер,
Неогляден твой простор!
За долиной — синь-гора.
Звонче, чище серебра
Плещут, просят волны рек:
«Пой и смейся, человек! ..»
Отчего ж мои глаза
Отуманила слеза?!
Горе, горе душу рвет!
Голод, голод сушит рот!
Вместо песни — плач да крик,
Вместо смеха — стон и хрип...

(Со вздохом садится.)

Третий косарь

Кто дорогу нам покажет?
Кто поможет? Кто подскажет,
Как утешить человека —
Косаря да дровосека?

Все косари

Горем сердце гложется,
Горе в мире множится...

Красный Шаман

Други! Как прискорбно, как обидно:
Даже видимое нам не видно!
Даже повторенное стократно
До сих пор народу непонятно! ..
Орос Бай — могущественней бога,
Орос Бай посеял горя много, —
Горем мир наш гложется,
Горе в мире множится...
Стар и лжив земной закон-порядок.
Станет мир наш горький светел, сладок
Лишь тогда, когда в борьбе суровой
Люди породят порядок новый...
Ум, как косу, гневом заостряя,
Умертвить бы душу Орос Бая,

К солнцу вывести бы человека —
Косаря, как вы, да дровосека!..

Все косари

Будь же крепок как булат,
Брат наш мудрый, старший брат!
Тут, у вод Амги-реки,
Ты проклятье изреки —
И мучителя людей
Истреби и в прах развей!..

Косари ложатся на землю. Красный Шаман дует в их сторону поверх своей ладони — и косари, храпя, погружаются в сон.

Красный Шаман

Никогда я клятвы не нарушу!
Недруга властительного душу
Яростно — пусть завтра, не сегодня —
Я низвергну в пламя преисподней.
Из-под облаков ее я скину!
Из любого подземелья выну!..
Разгоняйте, бури, мрак морозный!!
Разгорайся, поединок грозный!!

Первый косарь

(бредит во сне)

Завтрак кончен... Слышь-ка, братцы?
За работу надо браться!
Орос Бай орать горазд,
Оплеух нам живо даст!
Эвон, солнце лезет ввысь...
Эй, берись! Торопись!

Второй косарь

(во сне)

Жжик да жжик!.. Коси, коса!
Жги ладонь, коса-краса!
Пусть запенится спина,
Пусть горячая волна
Закипит в хмельной груди...
Знай коси! Знай ходи!
Режь, секи всё подряд!
Резче взмах!.. Шире ряд!..

Красный Шаман

(заслонив глаза от солнца ладонью, пристально смотрит на юг)

Вновь я зовам будущего внемлю,
Всматриваясь в горестную землю...
Средний мир — что конь разгоряченный,
Сажей, кровью, пóтом отягченный.
Воду пьет он беспрерывно, жадно,
Весь дрожит, храпит и ржет надсадно,
Скачет, бьется на кругу широком,
След свой стелет огненным потоком...

(Пауза.)

Но сквозь дым кровавый вижу, вижу:
Наш рассвет — всё явственней, всё ближе!..

(Садится.)

Третий косарь

(протягивая руку)

Посмотрите!.. Что там, что там,
Под горою, над болотом?!
Вон — в чаду, в дыму густом?..
Вопли чьи-то, чей-то стон...
Кто там, в пламени зеленом,
Кровожадным сжат драконом?
Чую кровь...
Чую гарь...
Человека гложет тварь!..

Красный Шаман

Тоска томит голодных, сирых, —
Таков удел их в этом мире...
Восстань же против гнета, разум!
Воспряньте, страждущие, разом!

(Поднявшись, простирает руки над спящими косарями.)

Очнись, опомнись, угнетенный!
Озлобься, нищий, угнетенный!
Найди в себе для битвы силы,
Наполни львиной кровью жилы, —
Верь: с плеч своих ты сбросишь бремя.
Великое приходит время!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Осенний вечер. Юрта Красного Шамана, сделанная из тесаных бревен. В переднем углу висит чучело орла с распростертыми крыльями. В опорный столб воткнуто жертвенное шаманское дерево; ниже, на том же столбе, — высохшая лошадиная голова. В углу, на круглом одноногом столе, — чорон с кумысом. Красный Шаман, готовый к камланию, одетый в шаманский костюм, сидит перед топящимся камельком, облокотившись на бубен.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Красный Шаман

Горем мир наш гложется,
Горе в мире множится...
Счастья в мире не найдешь,
Счастье — сказка, счастье — ложь...

Черство небо... Небо глухо...
Человек! Не падай духом!
Из-под молний, из-под града,
Из кровавой тьмы и смрада,
От порога бездны черной
Отрывайся, обреченный!
Стон прерви, почувствуй силу,
Стань орлом, взлети к светилу —
И вкуси лучей сиянье,
И победы ликованье
Вылей в выдохе последнем!
Вот спасенье в мире Среднем...

(Приступает к камланию)

Уж мне зевота ломит скулы,
Уж смутные заслышал гулы
Я, бывший в тайниках вселенной,
Я, пороз-бык благословенный,
Судьбы народной предсказатель,
Сулящий битву прорицатель,
Открывший боль, мечту, тревогу
Орлу — единственному богу...
А-а-а!.. А-а-а!.. А-а-а!..

(Ударяет в бубен.)

Бог мой! Бессмертная птица!

Будут вовеки мне сниться
Три твои темные тени.
Трижды, упав на колени,
Вновь преклонюсь перед ними!
В сердце храню твое имя!..

(Трижды склоняется перед чучелом.)

Клекот услышу властный —
Кровью горячей, красной
Клюв твой белый покрою!
Выплеснешь в клекоте злобу —
Высохшее твое нёбо
Выкрашу черной кровью!

Чучело машет крыльями, клекочет.

Чучело ждет — пересохло, знать, горло...
Чуткие крылья душа распростерла...
Мудрость! Не устрашись коварства!
Муки, начнитесь! Начнитесь, мытарства!

(Льет в огонь кумыс из чорона.)

Питье и пищу от меня
Прими, прими, о дух огня!..
О ты, Хата́н Тэмерия,
Опора вечная моя,
Защита дома моего,
Защита дыма моего!
Старайся, жуй, сжигай, трудись,
Стремись, неистовствуя, ввысь,
До облаков вздымай мой дым,
Дай крыльям вскинутым моим
Ту вихревую быстроту,
Ту высоту, бесстрашность ту,
С которыми ты жить привык...
Суровый дух! Седой старик!
Дай силу мне!
Дохни огнем!
Доом-эрэ-доом!

Ударяет в бубен, кланяется. Из огня высовывается по пояс Хатан Тэмерия и брызжет на шамана синим пламенем.

Именем дома родного
И очага святого,

Именем человека
И грядущего века,
Верный родимому краю,
Вызов врагу бросаю!..
Пусть ни одно не увидит око
Путь, на котором парю я высоко;
Пусть ни одно не услышит ухо
Песнь моего отрешенного духа,
Даль рассекающего крылом...
(Ударяет в бубен.)
Доом-эрэ-доом!..
К небу направив куоча́й заостренный,
Клекотом-шепотом заговоренный,
Дерево жертвенное заклиная,
Дерзко ринусь на Орос Бая!..
Сверху, как гром, упаду я,
Сердце врага найду я;
Буду в черную печень,
Будто копье, намечен;
Воздух крылья распилят —
Ворога раню навылет;
Брошу, свиреп и грозен,
Бычьим затылком оземь!..
Дух мой! Кричи, клекочи и каркай!..
Девичьей кровью, красной и жаркой,
Вдоволь свое напою божество —
Вольную птицу, орла моего,
Алым напитком насыщу с избытком, —
Алчность и злость
Да пробудятся в нем!..
(Ударяет в бубен.)
Доом-эрэ-доом!!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входит Шаман Лиса с мальчиком, прислуживающим во время камлания.

Шаман Лиса и мальчик
(низко кланяются)
Прими, тойо́н,
Привет-поклон!..

Свой гнев кипучий укроти,
Сойди с опасного пути!..

Шаман Лиса

Мой мудрый друг! Мой старший брат
прославленный!
Мы шли сюда не только для приветствия,
Мы прибыли не ради славословия...
Горем сердце гложется,
Горе в мире множится.
Гибель мира старого
Грянет неминуемо!..
Во исполненье воли Одун Хаановой,
Во имя доли светлой, жизни радостной,
Наш Орос Бай, владыка мира Среднего,
Надумал выдать дочку свою младшую
За Орулóс Дохсýна, небожителя,
За Орулоса гордого и грозного,
Созвать на пир, на торжество великое
Соседей — и друзей своих, и недругов...
Заботясь о многострадальной родине,
Забудь борьбу, сними свое проклятие,
Залей свою пылающую ненависть!
Нет выхода иного... Ведь двуногому
Не обойтись без горя и страдания,
Без чьей-то власти над его поступками,
Без принуждения, без понукания...
Ведь человек — пылинка смехотворная
В руках у смерти, у судьбы, у вечности!

Шаман Лиса и мальчик
(низко кланяясь)

Прими, тойон,
Привет-поклон!..
О ты, кому огонь небесный дан,
О лучший, о прославленный шаман!
Твой старший брат, великий Орос Бай,
Тойон, земной владыка Орос Бай,
Чело склоняя к трем теням твоим
Чернеющим и к крыльям огневым,
Скорбя о нашей тягостной судьбе,
С надеждой обращается к тебе:

Навек задуй вражду в своей груди!
На нас с улыбкой доброй погляди!

(Садятся.)

Красный Шаман

Так... Наверно, еще мало
Ты, земля моя, страдала...
Рассуди ты нас, взгляни-ка!
Расходился твой владыка:
Бедняку согнул он спину,
Бьет людей он, как скотину,
Сеет беды да напасти...
Слышишь? Жажда высшей власти
Одолела Орос Бая:
Он, ручищи распуская,
Своему служа лишь благу,
Сок земли и неба влагу
Слить решил себе в утробу!..
Нет, не погашу я злобу,
Не сниму свои проклятья,
Не устану враждовать я
С самым сильным из двуногих,
С самым страшным из двуногих —
С тем, кто людям сел на шею:
Сброшу прочь и в прах развею!..

(Обращается к Шаману Лисе.)

Не сердись, почтенный старший брат!
Не вернуть минувшего назад:
За твоей спиной немало лет,
Зоркости былой в тебе уж нет,
Ослабел ты, брат мой, стал ты стар,
Опоздал ко мне ты, опоздал...
Орос Баю жизнь не подслащу,
Орос Баю жизнь я сокращу:
Обхвачу его уздой тугой,
Опрокину навзничь, пну ногой,
Алой кровью дочери его
Алчное насыщу божество!..
Если жив еще Дьылга Тойон,
Если жив еще небес закон,
То и жениху житья не дам!

Так и знай: по стынущим следам
Отыщу, найду его, старик,
Омрачу его небесный лик!

(Хохочет.)

Шаман Лиса
(Приподнимается в ужасе)

Еще живет Дьылга Тойон!!
Еще не обессилел он!!

(Выходит из юрты.)

Молчи, бездельник жалкий,
Молокосос!..
Свободолюб!.. Над кем ты
Свой нож занес?!
Наш Орос Бай, как солнце,
Неугасим!
Тебе ль, птенец вчерашний,
Тягаться с ним?!

(Удаляется вместе с мальчиком.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Красный Шаман
(встает)

Гнев мой! Крутой уподобься волне, —
Гнет сокрушить предназначено мне!
Вытопчу, выжгу счастье врага,
Выветрю пепел его очага!
Дух мой негодованье зажгло,
Дух мой — новых восходов крыло...
Тот, кто сковал немотою наш век,
Тот, перед кем трепетал человек,
Тот, чьим бессмертьем смертный смятен, —
Только обман, только тягостный сон!..
Будущее этот сон оборвет!
Бог у грядущего будет не тот!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Осень. Балаган Орос Бая, сооруженный из оструганных бревен. Вдоль каждой стены — по восемь прочных, массивных столбов. На столбах — медные крюки-вешалки со всевозможными украшениями. Слюдяные окна испещрены узорами. Нары покрыты волчьими и медвежьими шкурами. Слева видна дверь черного балагана.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Орос Бай сидит один.

Орос Бай

Устои мира Среднего подорваны,
Указы Одун Хаана нами попраны...
Железный век настал... О, дни ненастные —
Жестокие,
Когтистые,
Клыкастые!..
Отдав Айыы Куо́ за небожителя,
Оставив за собой права властителя,
От прочих смертных послушанья требуя,
Объединю судьбу земли и неба я, —
Заставлю смертных помнить повсеместно я
Законы и земные и небесные!..
Взъярен мой враг. Способен он, упорствуя,
Взять верх.., И всё ж вступлю в единоборство я!

(Пауза.)

Жду с нетерпеньем своего посланника,
Жду своего давнишнего наставника...
Шаман Лиса — советчик верный, преданный,
Шаман Лиса умен, — ему ль неведомо,
Какое надо нам принять решение,
Как повернуть нам жизнь на улучшение!..
Да, было время: дерзких я осаживал,
Давил я храбрецов из стана вражьего
Одним лишь взглядом... Власть моя утрачена,
Ознобом, страхами душа охвачена,
Ни снами не согрета, ни приметами...
Неужто перед новыми рассветами
Померкнет свет мой — и, в объятьях тления,
Повергнут буду я во мрак забвения?!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входит Шаман Лиса, низко кланяется.

Шаман Лиса

Привет тебе, отец-тойон!
Прими от слуг твоих поклон!

Увы, хожденье было неудачное!..
Увидев здесь лицо мое, столь мрачное,
Подобное медведю в темных зарослях,
Понять ты можешь сам, о повелитель мой,
Что был я встречен злобно и язвительно,
Что все переговоры вел я попусту.
Мой жалкий враг, соперник мой осмеянный,
Молокосос, птенец самонадеянный,
Молясь орлу, отверг все наши доводы.
Хватает в нем и тупости, и твердости,
Хватает в нем и глупости, и гордости!..
Однако жив Дьылга Тойон!
Он всемогущ! Всеведущ он!
Накажет он земное племя дерзкое,
На светлый лик твой взор поднять посмевшее, —
И власть свою ты укрепишь, блаженствуя,
И силу обретешь ты, благоденствуя!..

Орос Бай

Привет тебе, старик шаман, привет!
Присядь сюда... Мне нужен твой совет.
Моим виденьям толкованье дай —
Мой сон, мой сон тревожный разгадай!

...За озером радуга вспыхнула вдруг,
Зеленые отблески бросив вокруг.
Закрыла полнеба, по краю красна, —
Зловеще, зловеще горела она!..
По тихой озерной воде-синеве,
По легкой волне, в шелковистой траве,
Покорно-печальна, нежна и бела,
Прекрасная лебедь скользила-плыла...
И вдруг в вышине появился орел,
Изогнутый клюв свой на лебедь навел,

Чернеющей тенью над ней покружил,
Четырежды вскрикнул — и крылья сложил,
И камнем свистящим на лебедь упал,
И к шее лебяжьей когтями припал,
И поднял добычу свою к облакам,
И клекот победный послышался там,
И вырвал он сердце у жертвы своей,
И выпустил жертву из хищных когтей...
Лебедка упала... На тело ее,
Ликуя, накинулось вмиг воронье...

Отчетливым этим виденьем смущен,
О дочери младшей я вспомнил сквозь сон —
И сердце заныло, почуяв беду...
И страшно мне... Места с тех пор не найду!..

(Впивается взглядом в шамана.)

Шаман Лиса

(садясь, говорит про себя)

Значит, быть у нас Шаману Красному...
Знаю: он похитит душу девушки!..

(Обращается к Орос Баю.)

Нам с тобой известно, повелитель мой, —
Наступают дни для нас тяжелые:
Может, суждено и опрокинуться
Миру старому, благословенному.
Новое теснит нас, надвигается...
Но в тебе, владыка мой, уверен я:
Да не отречешься от владычества,
Да осуществишь свои намеренья!

(Пауза)

Вот отгадка твоему видению:
Волю исполняя Одун Хаанову,
О земной истосковавшись суженой,
Орулос Дохсуна дух божественный
Упадет, гремя крылом невидимым,
Унесет на небо душу девушки...
Так начнем же пиршество кумысное!
Так приступим к ворожбе-гаданию!..

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Орос Бай ударяет в пол медной тростью с погремушками. Из черного балагана, кланяясь до земли, выходят слуги — мальчик и девочка.

Орос Бай

Пригласить сюда моих гостей!
Приготовить тюсюлгэ скорей!

Мальчик и девочка уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Орос Бай

Что-то мне не верится, не помнится,
Чтобы тот, чьей славой небо полнится,
Орулос Дохсун с крылом грохочущим
Обернуться мог орлом клекочущим!..
Да... кабы у облака высокого
Доблестного я увидел сокола —
Острохвостого, с повадкой смелою,
Около груди с полоской белою, —
Может, сон меня и не встревожил бы...
Может, сон меня и обнадежил бы...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Входят гости: родоначальники десяти улусов; почтенные богачи-тойоны с женщинами; прекрасные девушки, подобные стерхам; стройные юноши, подобные журавлям. Гости с низкими поклонами приветствуют Орос Бая.

Гости

Привет тебе, о наш тойон!
Прими от слуг твоих поклон!..
Цари и здравствуй, Орос Бай!
Цветенье, радость рассыпай,
Чтоб преданных тебе число,
Чтя дом твой, что ни год росло!

Орос Бай

(опершись на трость, поднимает правую руку)

Я добрым радуюсь словам...
Якуты-други! Слава вам!

Пусть наше счастье возрастет,
Пусть процветающий наш род
Пополнен будет, подкреплен
Потомством. Жив Дьылга Тойон!

Гости

Да не смолкает здравица!
День этот да восславится!

Поклонившись до земли, гости садятся. Слуги и служанки разливают в чороны кумыс с маслом, разносят гостям мясо на медных тарелках. На столы ставятся большие деревянные чаши, которые с трудом поднимают два человека. Шаман Лиса сидит перед белым шестигранным камельком, готовясь к камланию.

Орос Бай

(опершись на стол и держа в руке чорон)

Люди! Други! Гости именитые!
Лучшие из лучших, знаменитые!
В сердце скорбь таите вы, скрываете...
Всё вы видите, и всё вы знаете:
Горе ведь само не уничтожится,
Горе и страданье в мире множатся!..
Желая связей с теми, кто сразил бы их,
Железный век смягчая в меру сил моих,
От вас, якуты, лишь поддержки требуя,
Объединю судьбу земли и неба я!
Земле и небу проча дружбу прочную,
За Орулос Дохсуна выдам дочь мою.
А вы воскликните в час ликования:
«Айыы Куо! Избавь нас от страдания!..»
Благословите дочь в дорогу дальнюю,
Благоволите песнь пропеть венчальную...
Пусть горе в мире нашем уничтожится!
Пусть счастье в мире нашем крепнет,
множится!

Гости

(встают и поднимают чороны)

Да не смолкает здравица!
День этот да восславится!
Пусть горе уничтожится!
Пусть радость в мире множится!

(Садятся.)

Шаман Лиса

(благословляет заклинанием)

Слава вам, слава, друзья мои!..
Сладостью дни да наполнятся,
Мир да наполнится радостью,
Милость небес да рассыплется
По озерам мелеющим,
По полям желтеющим,
По лесам отцветающим,
По сердцам страдающим!..
Да не напрасно счастья мы ждем!..
Доом-эрэ-доом!..

(Брызгает кумысом.)

Слава вам, слава, друзья мои!..
Словно звезда рассветная,
В зорях горит-разгорается
Взор Орулоса отважного.
На лугу разукрашенном
Нам встречать гостя нашего, —
Почесть ему воздать постараемся,
Потчевать-угощать попытаемся,
Добрый чорон до края нальем!
Доом-эрэ-доом!..

(Брызгает кумысом.)

Недосягаемый исполин,
Неба Девятого славный сын,
Грозный и гордый родич гроз,
Громоподобный Орулос!
Молнией вспыхивая ослепительной,
Махом крыла свист рождая пронзительный,
На тюсюлгэ прилети за невестою!
Ныне, союз этот радостный чествуя,
Душу ее в вышину наднебесную
Долгой дорогой с тобой отошлем!
Доом-эрэ-доом!..

(Брызгает кумысом.)

Осуществитесь, думы, желания
Орос Бая, владыки великого!
Объединитесь на веки вечные,
Силы земные и силы небесные!

Словно моря-океаны бурливые,
Влейтесь, хлыньте в землю якутскую,
Волны безбрежного счастья и радости!
С небом судьбу свою слей, человек!
Слава вовек!
Слава вовек!

(Брызгает кумысом.)

Гости

(вставая)

Да не смолкает здравица!
День этот да восславится!

Все пьют кумыс.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Входит Айыы Куо, девушка ослепительной красоты. Ее сопровождают двенадцать прекрасных девушек. Айыы Куо низко кланяется собравшимся.

Гости

Привет тебе, Айыы Куо!
Прекрасна ты!
Скажи, кого
С тобой, чей лик так нежен, мил,
Сравнит сегодня Средний мир?!
Надежда наша!
Наших дней услада!..
Навеки слава!
Навеки слава!

(Кланяются.)

Девушки, взявшись за руки, заводят хоровод.

Девушки

Запоем, закружим-ка,
Зоренька-подруженька,
Ласточка вешняя,
Ласковая, нежная,
Радуга чистая,
Радость лучистая!..

Над росами слезными,
Ночь, рассыпься звездами —
Ясными да светлыми,
Яркими, приветными,
Дождями да ливнями —
Добрыми, счастливыми!
Благо пусть умножится,
Беды — уничтожатся!..

Прощай, наша любушка,
Подружка-голубушка!..
Расчесала ль косу ты?
Рада ль Орулосу ты?
Любить его будешь ли?
Людям добудешь ли
Милость небесную,
Мир с тихой песнею?..

Пусть, душа-красавица,
Печаль поубавится, —
Чтоб годы счастливые,
Что воды бурливые,
Край родной не минули,
К нам рекой хлынули!..

Гости

Да не смолкает здравица!
День этот да восславится!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Страшный удар грома. Вниз по дымоходу врывается синее пламя и вместе с ним — бубен Красного Шамана, с глухим звоном падающий на пол. Айыы Куо с пронзительным криком замертво падает на бубен. Все присутствующие в ужасе садятся там, где стояли.

Айыы Куо

Подружки!.. Смерть моя настала!..
Погибла я... Пропала...

Орос Бай

(вставая)

Яд! Яд в груди!.. Кто ж побежден?
Я или враг?! Я или он?!

Шаман Лиса

(пристально всматриваясь в бубен)

Неотвратим удар... Неизлечима рана...
Неужто — бубен Красного Шамана?!

(Понурясь в отчаянии.)

Он! Точно, он. Сомненья нет.
Отныне наш погашен свет...
Гремящей не сдержать волны...
Грядущим мы побеждены!..

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Зимний вечер. Юрта Красного Шамана. Красный Шаман спит, не раздевшись. В камельке весело трещит огонь.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Высунувшись по пояс из пламени, дух огня Хатан Тэмерия раскатисто хохочет.

Хатан Тэмерия

Ххо-хо-хо!.. Хха-ха-ха!..
Холод — чушь, чепуха!
Небо хмуро... Вихри кружат...
Не боюсь я зимней стужи!
Я — Хатан Тэмерия,
Явлен молниями я,
Я — взъяренная струя
С жалящей искрою,
С пляской буйной, быстрою.
То затихну-замру,
То забьюсь на ветру, —
Загораюсь я, скачу,
Заливаюсь-хохочу.
Ххо-хо-хо!.. Хха-ха-ха!..
Хворосту вороха
Всовывайте в пасть мою —
Всё сожру, сожгу, сжую!
Уважай меня, двуногий!
Ублажай!.. Твой дом убогий
Обогреет в холода
Огневая борода.

Принесешь еды огню —
Прочь мороз отгоню,
Холод исцарапаю
Хваткой, цепкой лапою! ..
Чем горжусь я не шутя?
Человек — мое дитя!
Он из тьмы поднялся стылой,
От меня набрался силы! ..
Ах, отплатят ли мне люди?
Ах, когда ж возложен будет
На золу мою, на жар
Небывалый, щедрый дар?!

(Плаксиво.)

Нежась, я вздремну чуть-чуть —
Не дают мне отдохнуть:
Кочережками, щипцами
Ковыряют, будят пламя,
Рвут мне темя, теребят
Руки женщин и ребят...

(С яростью.)

Ххо! Хха!! Вверх лечу!
Хорошо дым кручу!
Хорохорюсь, хохочу —
Холодов хочу, хочу! ..

(Брызжет пламенем и исчезает.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Красный Шаман, проснувшись, садится к огню и греет спину.

Красный Шаман

Плохо жить на земле! ..
Подлость зреет во мгле, —
Под ветвями ее
Почернело житье,
Очерствело оно,
Оскудело давно,
Отцветает оно,
Озлобленья полно...

Опора будущих веков, двуногий брат мой!
О ком печешься, путь свершая безвозвратный?
Что суждено тебе на нем, помимо смерти?
Что уготовано тебе? .. Огонь и вертел!
Захвачен, скручен будешь завистью ползучей...
Зажарен, сожран будешь злобою грызучей...

(Пауза.)

Ужели жребий твой таков?!
Умел ты встать из тьмы веков,
Умен ты был и полон сил,
Надеждою вселенной слыл,
Настойчив был, правдив и смел...
Но не умел ты, не умел
Предвидеть то, что в мир пришло,
Предотвратить и гнет и зло,
Коварный раскусить закон,
Которым сам порабощен! ..

(Вставая.)

Кто ж цепи рабства сбросит, разорвет?
Кто уничтожит в мире зло и гнет?
Кто оплодотворит твои мечты? ..
Ты, раб!
Ты, угнетенный!
Только ты!

(Облачается в шаманский костюм, берет бубен и былайах, достает старинный якутский нож длиной в три четверти аршина и, держа его поперек бубна, садится на место камлания.)

На жарком горне раскаленный,
На наковальне заостренный,
Над пламенем заговоренный,
Надежный друг мой, юркий нож!
Искрясь синеющим булатом,
Излейся громовым раскатом,
Испей всю ненависть к богатым —
И снова пей! И ярость множь!
В кровавой омывайся жажде,
Врывайся в битву, бей отважно,
Рычи, ломая ребра вражьи,
Рушь, режь, рази и зло и ложь!

Свергай их власть в бою последнем!
Сверкай во тьме лучом победным!
Свет, радость дай забитым, бедным!
Страданье, горе уничтожь!

(Свистя и плюясь, втыкает нож в шесток камелька; затем, ударив в бубен, произносит заклинание.)

Доом-эрэ-доом! Доом-эрэ-доом!
Да будет бой! .. Да грянет гром! ..
Булат мой! Наша мета —
Борьбы стезя.
Гряди стезею этой,
Грозя,
Грызя!
Кто вверг людей в мученья,
Кто пьет их пот,
Пускай на тех и мщенье
Придет,
Падет!
Ищи их, бей в их груди —
И в жир, и в жар!
Убийственным да будет
Укол,
Удар!
Меж дряблых жил тойона
Мечись, пляши! ..
Кровавые законы
Круши,
Кроши! ..
Да будет бой! Да грянет гром!
Доом-эрэ-доом! .. Доом-эрэ-доом! ..

(Пауза.)

Веры мертвой мне не отогреть.
Век наш умер... Буду жить я впредь,
Бедственного мира пороз-бык,
Без того, чем жил, к чему привык.
Кланяться не буду я богам!
Клятву над огнем другую дам.

(Произносит клятву.)

Я клянусь погибелью врага,
Яркостью родного очага,

Языками хлесткими его,
Золотыми блестками его,
Зорями, горящими вдали,
Бурями и муками земли,
Будущим и прошлым я клянусь:
Больше к суеверьям не вернусь!
Перерос я их! Я стал сильней!..
Перед совестью клянусь своей,
Что создался сам наш древний свет,
Что над человеком бога нет!

Ударяет в бубен — и все чучела, висящие на столбе и по стенам, срываются и падают на пол.

Колдуй, дюнгюр!.. Доом-эрэ-доом!..
Клянусь бедняцким очагом,
Скорбями земляков моих,
Слезами горькими слепых, —
Растают в мире мрак и мгла,
Разбита будет кабала,
Законы злобные падут,
Забудет скорбь бедняк якут!

(Ударяет в бубен.)

Карай, дюнгюр!.. Доом-эрэ-доом!..
Клянусь содеянным грехом,
И слабостью сердец людских,
И солнечною силой их, —
Весь мир наш будет обновлен
Восходом радостных времен,
Не станет в блеске их лучей
Ни бедняков, ни богачей!

(Ударяет в бубен.)

Кресай, дюнгюр!.. Доом-эрэ-доом!..
Клянусь цветеньем и теплом,
Чертами женщины моей,
Чьи взоры ярче вешних дней, —
Прервется боль, сгорит беда,
Придут счастливые года,
Испепелят жестокий век —
И станет богом человек!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Сопровождаемая грохотом и сверканием, появляется Кутурган Куо — дух, олицетворяющий народную скорбь и мудрость вселенной. Через плечо ее свисает вниз головой змея, в руке — медный жезл с яркой звездой на конце. Красный Шаман, поклонившись до земли, опускается на колени.

Кутурган Куо

(подняв руку)

Веру в рассвет, в ясные дни
В сердце своем свято храни.
Радость зажги в темной груди!
Разумом смерть, смерть победи!

Красный Шаман

Веру свою свято храня,
Вижу зарю нового дня.
Духом я тверд. Смел я умом.

(Ударяет в бубен.)

Доом-эрэ-доом! ..
Доом-эрэ-доом! ..

Кутурган Куо

(глядя вверх)

Эхо громов, небо, разбрось!
Это сбылось! Это сбылось!
Раб пробужден, полон он сил,
Разумом смерть он победил!

Красный Шаман

(глядя вверх)

Да не засну я
Дурманящим сном!

(Ударяет в бубен.)

Доом-эрэ-доом! ..
Доом-эрэ-доом! ..

Вместе

Подымайся, двуногий!
Полыхай-пламеней!
Тают призраки-боги,
Твой же дух — всё мощней! ..

Открывай очи-звезды,
Отгони черный гнет!
Пусть земля вольный воздух
Полной грудью вдохнет!
Расступись, доля злая —
Рок да кровь с кабалой!
Вымри, вера слепая!
Век твой кончен! Долой! ..
Грянут мщения грозы,
Гнев спалит богачей,
Бедным высушит слезы,
Бремя сбросит с плечей.
Заблестит величаво
Золотая пора.
Ей — всесветная слава! ..
Ей — людское «ура»! ..
Вешней, звонкой красою
Взор и слух веселя,
Умывайся росою,
Улыбайся, земля! ..
Подымайся, двуногий!
Полыхай-пламеней!
Тают призраки-боги,
Твой же дух — всё мощней!
Вольный, сильный, счастливый,
Воссияй на века!
Пусть светло и бурливо
Плещет жизни река! ..

Кутурган Куо кланяется и, превратившись в дым, исчезает.

Красный Шаман
(Ударяет в бубен.)

Дюнгюр, гори! ..
Дымись костром! ..
Доом-эрэ-доом!!!
Доом-эрэ-доом!!!

(Бросает в огонь бубен, былайах, все упавшие чучела и затем — шаманский костюм.)

Жил здесь шаман... Нет больше здесь шамана...
Жертв и даров не будет небесам...

От ложной мудрости,
От жгучего дурмана
Отрекся сам он...
Он отрекся сам...
Прочь, колдовство! Сгинь! Рухни!
Пусть пропадет камланье!..
Молитв не ждите, духи, —
Молчат уста шаманьи...
Мой дымоход забудьте,
Мир горький наш оставьте...
Без вас хватает людям
Бед, ужасов, несчастий...

(Медленно, с трудом идет и, обессиленный, ложится навзничь.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дух огня Х а т а н Т э м е р и я высовывается из пламени.

Х а т а н Т э м е р и я

(брызгая огнем)

У-у-у! .. Горестный час!
У-у-у! .. Вечер угрюмый!
Ушел он...
Угас...
Умолк...
Умер...
Побратим мой незабвенный,
Пороз-бык благословенный,
Мудрый волхв, шаман-любимец,
Мой питомец, мой кормилец! ..
Чьи теперь мне слушать заклинанья?
Чья рука теперь, свершив закланье,
Жертвенное дерево украсит,
Жареным мой голод приугасит? ..
Знатный был
Запах! ..
Вянет пыл
В лапах...

(Исчезает.)

Горько мне...
Грустно...
Пищи нет!..
Пусто!..

(Снова появляется.)

Эй! Сотрапезники, завистники былые!
Эгей!! Вы! Боги! Бесы! Духи злые!
Где ж лакомства?.. Увы! Остались нам
Гниль, грязь земная, рухлядь, хлам...
Голодная настигла вас беда:
Не по зубам такая вам еда!..
Но что
Не переварится в огне,
Хотел бы знать я?! Корма мне
Хватает! Жизнь не так плоха!..
Ххо-хо-хо-хо!!!
Хха-ха-ха-ха!!!

1917—1925

45. ТУЙААРЫМА КУО СВЕТЛОЛИЦАЯ

Олонхо

ЗАПЕВ

Якутская юрта. Хозяйка дома убирает посуду со стола. Двое детей — мальчик и девочка — расставляют на круглом столе о трех ножках свои игрушки: деревянных коней и коров. На наре, находящейся в правой половине юрты, опершись руками на трость, сидит прославленный олонхосут, старик Олонхолоон, голова его совершенно белая. Сидевший на ороне, находящемся против входа, в глубине юрты, хозяин дома поднимается и пересаживается к очагу.

Хозяин дома

Наконец повстречались вновь
Мы с тобой, певец, на старости лет,
На закате дней...
Ты, быть может, спел бы для нас
О годах стародавних сказ,
Где теряется предков далеких след;
Спел бы всё, что на слух запомнил со слов
Наших прежних певцов
О делах отцов,
Чтобы мы вспоминали потом:
Хорошо нам пел олонхо
Добрый, старый Олонхолоон.

Старик Олонхолоон
(присаживаясь к очагу)

Эх, любезный мой старый друг,
Хорошо ты сказал, разумно сказал,

И удастся ли нам с тобой
Увидаться хоть через год?
Может быть, кто-нибудь из нас и умрет.
Да и разве в просьбе я откажу
Вам — моим детушкам дорогим, хозяевам
золотым.
Что ж, пожалуй, петь олонхо начну,
Сомкнувшиеся уста отомкну,
Отдохнувшие уста отомкну,
Спою вам. . .
А там, как знать,
Может, вы меня, после смерти моей,
Будете добром поминать:
Приходил, мол, к нам в былые года
Бедный, старый Олонхолоон,
Хорошо он пел олонхо тогда.

(Достает табакерку и, постучав по ней пальцем, нюхает табак.)

Дети подбегают к родителям, крича: «Ай, хорошо, ай, как хорошо! Олонхо будем слушать!»
Мальчик взбирается на колени к отцу, девочка — к матери.

Хозяин дома

Но-о! Как было всё — начинай!

Старик Олонхолоон

(откашливается, покрякивает, поглаживает голову)

Далеко, где туманится край
Стародавних, гибельных лет,
Где в глазах меняется грань
Пожиравших друг друга лет,
За широким горным хребтом
Древних, бедственных, бранных лет,
В дни, когда тридцать пять племен,
Населяющих Средний мир,
Тридцать пять улусов земных,
Еще были неведомы и тому,
Кто двумя ногами ступал,
У кого лицо впереди,
Кто всем телом провидеть мог
Даже будущие года;

В дни, когда тридцать шесть племен,
Чей владыка — Арсан Дуолай,
Богатырь с раздвоенным хвостом,
С клыками длиной в аршин,
Родившийся в косматой дохе,
Муж старухи Ала Буурай
С деревянной колодкою на ногах,
Прародитель свирепых абаасы,
Населяющих Нижний, гибельный мир;
В дни, когда эти тридцать шесть племен
Были неведомы по именам
Роду солнечных богатырей
С поводьями за спиной;
Когда еще тридцать девять племен,
Тридцать девять громкоголосых племен,
Чьим отцом был великий Улуу Тойон,
Что сидит в заклинаемой высоте
Западных нижних небес,
Задыхающихся, бурных небес,
Ставший матерью и отцом
Воинственных горделивых племен
Свирепствующих небес;
Когда тридцать девять бурных племен,
Родившихся в начале времен
От гремящей Куохтуйа Хотун,
Ни подвигов своих, ни имен
Не прославили в метких, веских словах
На языке народа айыы, —
Когда неведомы были они,
Как могучие племена,
Живущие на склоне хребта
Восьмиярусных желтых небес,
По самую верхнюю грань
Трехъярусных бело-молочных небес,
Небес, полыхающих нежной жарой,
Омывающихся белой волной,
Украшенных шапкой из трех соболей;
Когда никто еще не знал
Юрюнг Аар Тойона детей,
Айынга Сиэр Хотун сыновей,
Божественных, солнечных богатырей
С поводьями на хребте,

Когда шаманок Айыы Намысын,
Владеющих чарами слов,
С поводьями на спине,
Когда шаманов Кюн Дьёллют
С прозорливой силою глаз
Никто еще не знал,
Когда о существовании их
Никто еще не слыхал;
Когда первые четверо сыновей
Из племени уранхай-саха
Не видали их и во сне,
Когда первые трое детей
Из племени уранхай-саха
Не издали первый крик, —
Тогда зародилась она,
Тогда утвердилась она —
Изначальная мать-земля!

Нерушимая опора ее —
Великое море-байкал.
У этого моря нет берегов;
Это море вечно бушует, гремит,
Плещет соленой волной,
Основанье моря неведомо нам.
Может быть, оно стоит на хребте
Довременного моря, Белого моря?
Или плавно оно поднялось
Из преисподних бездн,
И семь белых поводьев неподвижно держат его?
Неизвестно, как зародилось оно,
Над тремя блестящими балками
Преисподней волны свои расплескав.
Крыльев не было у него,
Чтоб, на воздух густой опираясь, взлететь
Из бедственной бездны бездн.
Кто вращал огромный навой,
Кто наматывал цепи со скрипом и стоном,
Чтобы море, держащее землю, поднять
На неколебимое дно
Из погибельной бездны Одун,
Из кипящего моря Одун,

Вечно шумящего, вечно гремящего
Сонмищем грозных волн?

Морем соленым окружена,
Поутру, как белая туча, бела,
Мутным туманом осенена,
Где льдины как горы у берегов,
Где зимой играет пурга,
Где весной косогоры цветут,
Где отмели — красный песок,
Где обрывы от глины желты,
Где цветут на поляне цветы,
Где взметается белая пыль
Над пустынным солончаком,
Где грядами столовых гор
Голубой заставлен простор,
Где над степью зыблется зной,
Где высокие горы, покрытые льдом,
Заслоняют седой окоем,
Где утесы встают в облаках по грудь,
Полосатые, громоздясь;
Много их, но сколько б ни было их —
Не продавят земную грудь.
В горах неизмеренной высоты,
В степях неслыханной красоты,
На основании могучем своем
Не поколеблется, кто ни толкни,
Восьмикрайняя — на восьми ободах,
Вся — в ущельях, в лесах, в долинах,
в буграх,
Затянута в шесть подпруг,
Обильная щедростью золотой,
Пресветлая, в ярком цвету —
Изначальная мать-земля!

Средний серо-пятнистый мир,
Заступник большой земли,
Появился, раздался вширь в те года,
С подымающимся солнцем своим,
С ниспадающею листвой,
С шумом убывающих вод;
С иссякающим изобильем земным,

С возникающим изобильем земным,
Прямой, как натянутая тетива.

В этом Среднем мире, на ратной земле, —
Где летнее солнце встает, блестя,
Как булатный саабылаан,
Где зимнее солнце встает, блестя,
Как широкий кыыбылаан, —
Вот на этой исконной земле —
На могучем ее хребте,
На подошве ее золотой,
На медной, желтой ее броне,
В сияющем средоточии ее,
На веселом, приветливом лоне ее,
На прекрасном просторе ее,
По белым пескам низин,
С шумом, с гулом сливаясь, бегут
Девяносто девять могучих рек.
Там, где веснами елани цветут,
Сливаются, шумя и гремя,
Восемьдесят восемь великих рек.
На широких поймах ее,
Где дали синеют, где луга зеленеют,
Там стремительно, бурно бегут
Семьдесят семь играющих рек.
Прекрасна эта земля —
Где гальки на отмели речной
В телку трехлетнюю величиной,
Где зимою сыплет пурга
Хлопья в подтелка величиной,
Где обвалы рушатся с гор,
Где белая пыль подымается ввысь
С красным песком пополам,
Хрустя и звеня на лету;
Где на склонах гор чернеют леса,
Где деревья с чешуйчатою корой
Подымают верхи в небеса,
Где каменные курганы стоят;
Где к бегущей туче занес
Крутизну могучий утес,
Над долиной широкой такой,
Над сияющей далью такой,

Что невидимы очертанья ее.
Так необъятен простор той земли,
Что и птица журавль,
Десять дней и ночей неустанно летя,
Не достигнет предела ее,
Не опустится на крайнем мысу.

Даже быстрая птица стерх,
У которой граненый клюв,
Красная кайма на глазах,
На блестящих белых крыльях своих
Восемь дней и ночей летя,
Эту ширь не перелетит.
Только громко плачет: «Қыы-кыы!»
Эту землю зовут Томоон-Имээн,
Там луга с густою травой.
Эту землю зовут Хамаан-Имээн,
Там леса с густою листвой.
Эта земля нерушимо стоит,
В красе своей и цвету.
Благодатная эта земля —
Средоточие мира всего.

В той стране, в привольной, прекрасной стране,
Если смотришь с высокой скалы,
Без утайки тебе скажу, —
Кругозор — четыреста верст.
Не приукрашивая, скажу, —
Пойма тянется вдаль на триста верст.
Чтоб не убавить, примерно скажу, —
В ширину луговина — сотня верст.
Это ровный, светлый, широкий дол,
Ни сугробов зимой, ни заносов там.
Счета дичи нет на ней по летам.
Там приволье горлицам и сарычам,
Там кукушки звонко кукуют всегда,
Там трава всегда зелена,
По траве будто волны бегут.
Там деревья всегда цветут
И качаются, шепчут, как в полусне.
В изобильной этой стране,
На груди праматери Қыладыкы,

На блистающем лоне ее,
На высоком ее хребте,
Где прекрасное, светлое лето царит,
На широком лугу, на большом дворе,
Видное дня за три пути,
Сверкающее, как звезда,
Жилье золотое стоит,
Огромное, как небо, жилье,
С трубою высокой дом.
В южной стене — девять окон,
Чтоб с утра до заката дневное светило
В стекла их девятью лучами светило.
А устроен весь этот дом
Прочно и навечно, как мир;
И запас кумыса не убудет в нем,
Хоть на год заваривай пир.
В турсуках бушует, кипит кумыс.
Пир великий будет — молва прошла.
Девять коновязей — большая сэргэ —
Поставлены на лугу.
А кругом зеленеет чэчир.
А кругом еще тюсюлгэ,
А за ними, в низине,
Творожная топь
По колено большого коня;
А дальше — молочные солонцы
По колено степным коням;
А за ними и день и ночь
Песня жаворонка звенит.

Вот в такой стране, в красоте, в вольготе,
Как предание говорит,
Жили, сказочно разбогатев,
Саха Саарын Тойон
И Сабыйа Баай Хотун,
Которым удел был определен —
Человеческий род породить,
Корнем стать всех племен уранхай-саха.

Вот какие люди жили тогда,
Тучный скот разводили,
Детей народили.

После первых их восьми дочерей,
После первых их девяти сыновей
Родилась и взросла у них, говорят,
Дочь неописуемой красоты,
Белолицая Туйаарыма Куо,
С черной
Девятисаженной косой.
Сквозь тонкую одежду ее,
Как золото, нежное тело светилось,
Сквозь нежное тело ее
Тонкие кости светились,
А сквозь тонкие кости ее
Просвечивал костный мозг.
Как ее холили, как растили!
В мех соболий укутывали зимой,
Летом — в рысий мех,
Чтоб ее не коснулся зной,
Чтоб росла она без помех,
Чтоб ее не трогал загар,
Не вредил ей солнечный жар.

Опустит ресницы она — красота!
Подымет ресницы — сияньем обдаст.
Улыбнется — чуть приоткроет уста.
А глазами искоса поведет —
Словно пламенем обожжет.
К славному становью тому,
Славою пленившись его,
А еще — и пуще всего —
Неописанной красотой
Дочери их — пташечки медногрудой,
Жаворонка — птицы сереброгрудой,
Потянулись со всех сторон, говорят,
Собрались, шли целых три года подряд
Незваные женихи,
Лучшие люди трех лучших племен,
Играющие копьем и мечом.

Остры и злы на язык,
Злодеи прославленные, потомки
Лютых подземных владык,
Шли адьарайские богатыри.

Знак их — восемьдесят восемь, —
Скрыто в знаке том волшебство.
Кровожадные рты их искривлены,
За плечами их тени черны.
А со склонов буйного Верхнего мира,
Из-за туч вечерней зари,
Спустились могучие богатыри.
Девяносто девять у них
Чародейных слов колдовских,
Мысли их коварством богаты,
Руки длинны, лапы вороваты.
И, наконец, из Среднего мира,
Сильнейшие, всегда готовые в бой,
Прискакали на зов кумысного пира
Лучшие сыны уранхая.
Приехали, смотрят, недоумевая:
Что это — копья, стрелы, мечи?
Значит, брань, значит, битва вновь!
Кто поспорит с нашею силой?!
Всадники рвались в состязанье,
Чтоб распороли их толстую кожу,
Чтобы пролили их черную кровь.

Хозяин дома

Но-о! Рассказывай, как это было!

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Широкое поле. Два-три летних больших жилища-урасы прародителей якутов Саха Саарын Тойона и Сабыйа Баай Хотун. Установлены в ряд девять резных узорных коновязей, поле украшено перетянутыми на березках конскими волосами. Воткнут желтый чэчир из березок. Устроено тюсюлгэ — обширное место, где происходит кумысный праздник — ысыах. Игра и веселье в самом разгаре.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Парни и девушки
(ходят, взявшись за руки, и поют)

Эй вы, сестры, братцы, друзья,
Как березок стройных семья,
Как талинки на берегу,

На широком, свежем лугу,
На шелковой его мураве,
На невытоптанной траве
В круговую пляску пойдем
И закружимся колесом
На родной, на вольной земле.
Здесь, поставлены стройно в ряд,
В семь рядов березки стоят.
Изобилен край наш, богат.
Нынче каждый празднику рад.
Светел лик любимой земли,
Все луга ее расцвели.
Краше светлых, солнечных стран
Красота бескрайних полян
Нашей отчей Средней земли.
Над хребтами зеленых гор,
Над волнами ее озер,
Над полями — в синий простор
Полетим, как птицы вольны, —
Мы ведь молоды и сильны.

В пляску вместе с нами идет,
Блещущая светлым лицом,
Милая Туйаарыма Куо.
Кто сравнится с ней красотой?
В целом мире нет никого.
Если выйдет замуж она,
Пусть в далекий край не уйдет.
Пусть в довольстве, в холе, в тепле
На родной, на Средней земле,
Здесь она живет и цветет —
Всем на радость в нашей стране!
Пусть всегда сияет ее краса
Над кипящей чашею кумыса.
Эй, подпрыгнем выше, смелей!
Эй, попляшем, да веселей!

Парни и девушки танцуют дьиэрэнкэй — «ножкобитье». Потом пускаются вприсядку и, встав и отделившись по два и по четыре, начинают выход через ворота — кулун куллурусуу. В это время раздается оглушительный треск, сверкает пламя, клубится черный дым. Парни и девушки разбегаются с криком.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Из пламени и дыма выскакивает одноглазый Уот Усутаакы в блестящем трехслойном железном панцире, железном сплюснутом шлеме, в железных коротких торбасах, на плечах шкура от падали, безобразный, с бугристым лицом, с отвислыми губами.

Уот Усутаакы

(подбоченясь и задирая голову)

А-ар-дьаалы! А-арт-татай!
А-а! Это я говорю — эминэ-туомуй!
А я ведь три круглых года здесь!
Ах, как я извелся, измучился здесь!
Заглянул я в жерло волшебной трубы,
Загадал я к вам в гости попасть.
Ваше имя сюда меня привело,
Ваша слава меня привела
Из Нижнего мира, из пропасти бед,
Из-под трех Нюкэнов, из бездн
Беспросветных, как зимняя ночь.
На ваши слова понадеялся я,
Надеялся — честная вы семья,
Вы — известный своим благородством род.
Был я мощным и толстым, и вот — исхудал.
Был я сильным и жирным, и вот — отощал,
От вашего солнца мне больно до слез.
У меня от вашей пищи понос.
Ваш горячий воздух сухой
В моих жилах кровь иссушил.
Предназначенные с начала времен,
Предуказанные с начала времен,
Прародители якутских племен —
Ты, Саха Саарын Тойон,
Ты, Сабыйа Баай Хотун,
Ты — мой тесть, ты — теща моя!
Приведите сюда вы дочку свою,
Белолицую Туйаарыму Куо!
Красавицу с девятисаженной косой,
Возлюбленную мою,
Милую нюхательницу мою,
Круглощекую, золотощекую,
Ми. . . ми. . . милую
Невесту мою!

Ню. . . ню. . . нюхалочку мою!
Завтра вы на рассвете дня,
Ее — олененочка моего, —
В длинные, красивые одежды одев,
Разукрасив и нарядив,
Чтоб цвела она, как цветок полевой,
Светлую, в золоте и в шелках,
Отдайте в руки мне наконец!

От ожидания у меня,
От долгого желания у меня
Затылок окоченел.
В ожидании сидя, я зад просидел.
Если завтра же на заре, поутру
Вы с рук на руки не отдадите мне
Возлюбленную невесту мою,
Обещанную мою, —
Пеняйте тогда на себя!
Я своими ногами железными, сам,
Раскачаю, с места спихну
Восьмигранную, о восьми ободах
Изначальную землю-мать!
Словно воду в берестяном ковше,
Взболтаю, взмучу, расплещу
Всю зеленую вашу страну. . .
В море выплесну девятимысный ваш край,
Словно воду из берестяного ковша!
Каждое жилище у вас
Черным дымом наполню я.
Всех мелькающих, словно тени, людей
Я на вашей земле изведу.
Всех бродящих, как призраки, ваших людей
Уничтожу, выморю навсегда!
Я ваш дом огнем истреблю,
И от вашего золотого гнезда
Не останется ни следа.
Я, играя, разрушу ваш очаг,
Я развею пепел его.
Я вас всех растопчу,
Смеясь, хохоча. . .

Ха-ха-ха!
Хо-хо-хо!

(Громко хохочет, похлопывая себя по бедрам, кружится против хода солнца и с оглушительным треском превращается в клубящийся дым и огонь.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Выходят из урасы Саха Саарын Тойон и Сабыйа Баай Хотун. Тойона сопровождают девять парней, а хотун — восемь девушек. Тойон и хотун садятся на отдельные подстилки из медвежьих шкур, разостланных посредине широкого сэлэ, где водружено девять коновязей и воткнут желтый чэчир. Тойон и хотун удручены. Их широкие спины сузились, их длинные мысли укоротились. Богатыри айыы, лучшие из уранхайцев, тоже приуныли. Они молча отвешивают им низкий поклон.

Саха Саарын Тойон
(смотря на богатырей)

Беда... беда... беда!..
Бедные вы, золотые мои,
Медные вы пташки мои!
Да неужели рухнуло всё!
Да неужели погибнут навек
Наши добрые имена,
Наши славные племена?!
Люди, пришедшие в мир Земной,
С шестью поводьями за спиной,
Скрученными из солнечных лучей,
Тучами не омраченных лучей,
Что ж наше имя омрачено,
Какою тучей затмилось оно!
Эй вы, солнцем рожденные богатыри
С золотыми застежками за спиной!
Зло вошло в наш дом.
Так неужели мы оторвем
От наших четырехсосудых сердец
Единственную нашу дочь,
Десну — опору наших зубов,
Десницу нашу, зеницу нашу,
Дочь нашу Туйаарыму Куо,
Белолицую, с девятисаженной косой?

Неужто допустим, чтобы ее
Поглотил в кровавой пасти своей
Адьарая одноглазого сын?
Кто придет на защиту нам,
Есть ли где богатырь такой,
Чтобы нашу честь отстоял,
Защитил бы наш мирный стан?
Не отыщется ль он среди вас —
Среди смелых сынов айыы?

Старший сын Саха Саарын Тойона и Сабыйа Баай Хотун, богатырь Кюн Дьирибинэ, в блестящих, как серебряные опилки, доспехах, подходит к середине сэлэ и, опершись на раскрашенную рукоять своего длинного меча, говорит.

Кюн Дьирибинэ

Дьээ-буо! Дьээ-буо! Муо-муо!
Желтоволосый, с переносицей золотистой,
Создавший меня, породивший меня,
Мой древний отец!
Седоволосая, золотоликая
Мать моя, породившая меня!
Некуда деться нам!
Нет ни ямки,
Где нам укрыться,
Нет ни лаза, ни щели, где скрыться.
Все убиты, кто на небе жили.
Все, кто жили здесь, те — в могиле.
Богатыри уранхайские — где они?
Все убиты, нет никого.
Младшенькую мою сестрицу,
Нашего ока зеницу,
Наших зубов десну,
Светлую Туйаарыму Куо,
Возьмите, ведите,
Как оленя жертвенного, обрядите,
Чтоб цвела она, как весенний цветок,
Знать, настал ее срок,
Знать, ей гибели день настал.
А ведь нам говорили вы,
А ведь это помнит народ,
Что могучий воин придет
Защитить племена айыы,

Что с поводьями за спиной,
Выйдет, будет нам верной стеной
Стремительный Нюргун Боотур.
Говорят, он с вершины белых небес
Настороженно глядит,
На своем гнедом он сидит,
Готов каждый миг на бой.
Говорят, что три года прошло с тех пор,
Как он Нижний бедственный мир,
Словно воду в ковшике берестяном,
Взболтал, расплескал,
И, поднявшись на купол небес,
Вихревых, грозовых,
Шум он поднял и гром,
Неслыханные до сих пор.
Я, помня древних заветов слова,
Трижды гнался за ним, да не мог догнать.
Конь его — у него такая юрга,
У него такой широкий намет,
Что никто не догонит его.
А вернулся я к вам лишь три года назад.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Тяжело вздохнув, крякнул богатырь Кюн Дьирибинэ, к горлу которого подступает комок. Люди восклицают: «О, беда! О, горе!» В это время из последней урасы выходит красавица Туйаарыма Куо Светлолицая, в сопровождении двенадцати красивых девушек, похожих на самок стерхов; они ставят ее между отцом и матерью. Ненаглядная их дочь красива так, что сквозь платье розовеет нежное ее тело, сквозь тело костный мозг дрожит, блестит лучезарный лик ее, рдеет румяное ее лицо, — невиданной красоты она; нежно моргая, рассматривает собравшийся народ и с задушевной улыбкой кланяется.

Туйаарыма Куо

(на ее глазах выступают слезы, похожие на жемчуг)

Ну что ж... ну что ж...
Матушка возлюбленная моя,
Показавшая мне солнечный свет!
И ты, дорогой мой отец,
Меднолобый, в седых волосах,
Показавший мне солнце дня!

Вы, любимые, вы, родные мои,
Лелеяли, растили меня,
В меха соболей укрывали меня,
Рысьим мехом вы укрывали меня,
Чтоб от жарких небесных лучей,
Как трава, не увяла я,
Чтобы не посмуглела я,
Чтоб не загорела я.
Но уж если мне предопределено
Заклятою жертвой пасть
Адьарайских лютых племен,
Населяющих Нижний бедственный мир,
Заплесневевший изнутри
На восемь локтей,
Гнилью битый снаружи на девять локтей...
У кого же найдется защита мне?
Кто хоть жизнь мою сохранит?
О, как сильно бьется сердце мое!
О, какая тревога в моей груди!
О, как страшно!..
Братья! Друзья!
Ты, земля родная моя,
Где родилась, где выросла я!
Солнце ласковое, в горячих лучах,
Кров родной мой, отчий очаг,
Где священный огонь
Блещет искрами золотыми!
Все прощайте! Надолго
Расстаюсь я с вами — родными.
Вы, айыы, живущие в вольготе,
Люди с поводьями на хребте,
Мужественные в былые года,
Готовые на защиту всегда!
Белые лебеди, сестры мои!
Журавли долгоногие, братья мои!
На долгие годы прощайте все!

Туйаарыма Куо трижды поворачивается и каждый раз отвешивает своим людям низкий поклон. Люди, отвечая ей, делают то же самое. Двенадцать девушек, сопровождающие ее, снимают шубу и шапку с нее. Причесывая волосы ей, они заплетают их в восемь кос и к ним привязывают алые ленты; надевают на нее нагрудник, нательные украшения с маленькими бубенчиками и цепочками. Они при каждом движении ее бренчат и поблескивают на солнце.

Туйаарыма Куо

Ну, хорошо... ну, ладно... ну, вот...
Звонкоголосые сестры мои,
Вы, как дикие лебеди с клювом граненым,
С красными лапками,
С красной каемкой на зорких глазах,
Словно жертвенного олененка,
Вы хотите меня нарядить,
Вы хотите украсить меня,
Чтобы вся я была как цветок полевой.
Но когда от вас я уйду,
Я иссохну, я пропаду,
Как березка, листья сроню,
Как повеет вдруг на меня,
Как ухватит, умчит меня
Вихорь стужи ледяной,
Как ударит заморозок ночной,
Как до костей прохватит меня
Нижнего мира мертвящий дух,
Адьарайского мира дух.
Я же — выросшая на печени желтой
Милой земли, яркой земли,
На печени матери нашей — земли,
На родных травянистых лугах,
Вспоенная росами, как цветок,
Разве вынесу я, друзья,
Обжигающее дыханье глубин,
Бедственное дыхание бездн?
Разве вынесу мрак
Той черной, как деготь, страны?
Разве выживу я
На ее ледяной земле,
От снега седой земле?!

Ну, что ж... Наряжайте меня,
Если нечего делать вам.
Красные ленты вплетайте в волосы мне,
Чтобы я их с собой унесла,
Чтобы долго я вас вспоминала потом,

И эту землю, и дом,
Где я когда-то жила!..
(Сквозь слезы)
О, гибель! О, горе мне!

Сабыйа Баай Хотун
(отирая слезы)

Успокойся, родная моя,
Укрепись душой,
Доченька золотая моя.
Мы тебя не оставим и там,
Мы всегда за тобой придем
По твоим непростывшим следам.
Твой родной не разрушится дом.
Я душой тверда, уверена я,
Что заступников мы найдем
В улусах солнечных богатырей
С поводьями огненными за спиной.
Верю я, что помогут нам
Добросердечные богатыри,
Лучшие люди племен айыы
С поводьями ременными за спиной.
Верь мне, доченька родная моя:
Скоро к нам воротишься ты
В дом твой отчий, в твой Средний мир.
Ты не бойся, пусть тебя увезет
Силы нечистой сын!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Слева неожиданно появляется, развеивая деревянной лопатой горячую золу с красными углями, коровница, старуха Симэхсин, в шубе из телячьей шкуры, в растоптанных торбасах с развязанными оборками, с медными серьгами, с выпученными глазами. Спеша, задыхаясь и не договаривая слова, она начинает тараторить. Люди удивленно поднимают на нее глаза.

Старуха Симэхсин
(похлопывая себя по бедрам)

Алаатанг! Улаатанг!
Ай ты, отец мой родной!
Ай ты, родная моя!

Что сегодня слышала я,
Что видела я?
Сиянье увидела я,
Похожее на зарю.
А потом смотрю —
Не заря это — человек.
Сослепу, старой, почудилось мне —
Не заря ли вечерняя в вышине? . .
А гляжу — человек,
Богатырь-уранхай!
Три сажени в обхвате стан его,
Шириной в пять сажен плечи его;
Подымая тучей пыль, он скакал;
В стременах стальных он прямо стоял,
Мотыльком летел на белом коне
Богатырь Юрюнг Уолан.
Ой и конь! Остры ушки его,
Грива по ветру вьется, длинна как волна,
Челка стелется на макушке его.
Из камней высекали искры огня
Круглые копытца коня.
Старая, залюбовалась я
Всадником и конем.
Эй, откройте дверь поскорей,
Дайте чашку мне кумыса!
Ох, как бьется сердце мое,
Ох, как дрожат колени мои!
Ох, как душно мне,
Как жарко мне,
Будто сердце палит огнем,
Будто кости плавятся, словно медь,
В обветшалом теле моем.

(Похлопывая ладонями, начала было прыгать на месте, но, запутавшись в оборках своих торбасов, падает и роняет лопату. Ноги старухи дрыгают, оборки торбасов хлещут ее по спине)

Сабыйа Баай Хотун

Не старуха это нам говорит —
Это владычица Иэйэхсит
Устами ее гласит.
Эй вы, девушки,

Белолицые, милые,
Эй вы, юноши
Журавлинокрылые,
Возьмите эту старуху негодную,
Унесите эту старуху негодную
В тень, в укромное место куда-нибудь...
Скачет к нам, торопится к нам,
Завершает свой дальний путь
Лучший витязь рода айыы.
Вдруг, старуху негодную увидав,
Увидав ее старческий срам,
Отвращением гость
Исполнится к нам.
Едет лучший из рода айыы.
Ставьте стол, большую скамью принесите,
Дорогие меха на сиденье кладите,
У подножья кошмы расстелите,
За поводья коня примите!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Несколько парней и девушек, подняв старуху Симэхсин тремя-четырьмя деревянными лопатами, относят ее в сторону. Шесть девушек несут на сэлэ чорон с кумысом и становятся в полукруг. Некоторые расстилают подстилку, а некоторые бегут принять поводья коня. Фыркает и ржет конь. На сэлэ появляется стройный, красивый человек, с головы до ног в литом трехслойном серебряном панцире. По осанке — настоящий богатырь. Он отвешивает трижды низкий поклон старику и старухе, девушкам, юношам и всем присутствующим, которые в ответ также кланяются ему. В это время шесть девушек подносят кумыс.

Юрюнг Уолан

(одним духом опорожняет чашу кумыса)

Дьээ-бу! Ҝёёр-бу-у! Ҝёёр-бу-у!
Рад я в Среднем мире увидеть вас!
Размножились вы,
Расплодились вы,
Стадами обогатились вы,
Прародители всех времен
Рода славного — уранхай-саха,
Родичи дорогие мои,
Ты, прославленный Саха Саарын Тойон!

Ты, прославленная Сабыйа Баай Хотун!
Ваша добрая слава
До солнца дошла.
Путь мой долог был,
Путь мой труден был.
Девять распутий встретились мне,
Перевалы снежные
Я миновал,
Где одни утесы
В седой вышине.
Если спросите у меня —
Кто ты, воин,
Крови какой?
Чьей пуповиной
Ты вскормлен был?
Я отвечу:
Мой старший брат
На другом, высоком аласе возрос,
Где богатство и благодать,
Где ни крови, ни пота, ни слез.
С боевою рогатиною в руках
Могучий мой старший брат
Громом голоса Верхний мир наполнял,
Он мычаньем, как дикий бык,
Темный Нижний мир наполнял.
Нюргун Боотур Стремительный — имя его.
Он владеет стоя рожденным конем,
Быстроногим гнедым скакуном,
Словно молния, масть коня.
Старшей приходится мне сестрой
Прекрасная Айталыын Куо,
Красавица
С восьмисаженной косой.
Родители дорогие мои,
Родившиеся на высоком хребте
Пресветлых Нижних небес,
Видимых человеком небес,
Вечно там, на небе, живут,
Вечным счастьем, всяким добром
Полон их сияющий дом,
Мой отец — Айынга Сиэр Тойон,
Моя мать — Айыы Нуоральдьын Хотун.

Средний брат мой — Мюлдьюн Могучий,
Нижних небес богатырь.
А небесная моя сестра —
Удаганка-шаманка Айыы Умсуур,
Прославленная на восьми небесах.
Вот я сам перед вами,
Я виден вам
Над высокой изгородью столбовой,
Где затворы в тыне крепки,
Где тройные засовы крепки.
Мотыльком прилетел я на белом коне,
Юрюнг Уолан Бухатыыр — имя мое.
Перед вами я в истинном виде своем.
Я примчался к вам,
Как живой человек,
Не успевши с коня сойти,
Не успевши гортань освежить
После дальнего пути.
Я открою вам, не сходя с коня,
Зачем я сюда прискакал,
Что сюда привело меня.
Младшим выросший в отчем дому,
Без невесты остался я,
Без жены оказался я
И сюда прямиком прискакал,
Чтобы в жены просить вашу дочь,
Чтоб ее увезти с собой,
Порожденную вами прекрасную дочь,
Младшую после девяти сыновей,
После восьми дочерей
Явившуюся на свет,
Белолицую Туйаарыму Куо,
Красавицу с черной косой
В девять маховых саженей,
Чтоб она женой моей милой была,
Радующейся в объятьях моих,
Чтоб она моей доброй подругой была,
Звалась бы она — хотун.
Предопределила так, говорят,
Предрешила нашу судьбу
Повелительница Эдьэн Иэйэхсит.
А ко мне гонцом прискакал,

Словно молния, прилетел
Сын ваш — Кюн Дьирибинэ.
Весть от вас принес,
Что вышние
Притесняют вас,
Что нижние
Обижают вас,
Что если, мол, ты придешь,
В жены возьмешь Туйаарыму Куо,
То станешь ты всем земным племенам
Покровителем и щитом.
И еще, почитаемые мои,
Говорил мне ваш гонец, —
Если ты находишься высоко —
На три пальца пониже спустись,
Если ты внизу, глубоко —
На шесть пальцев повыше стань.
Внял я вашим мудрым словам
И примчался к вам
Из дальней страны,
Как свистящая стрела,
Как стрела
С пером из крыла орла.
Прилетел я к вам в Средний мир,
Как двужалая стрела быыра.
Вы теперь не замедля дайте ответ –
Отдадите мне дочь или нет?

(Ждет, опираясь на рукоять меча.)

Саха Саарын Тойон

Ах ты, милый мой,
Ах ты, гость дорогой!
Хорошо ты слово сказал.
Если не выдать дочь за тебя,
За кого еще выдавать!
Там, в просторе синеющей вышины,
Ты защитником будешь нам, старикам,
Ты опорой будешь милой жены.
Вижу, ты молодой, простой,
Дорогой наш гость золотой,
С доброй, открытой душой,

Голосом приятным владеющий,
Веское слово молвить умеющий.
Одарен ты светлым умом.
Ты, я вижу, достоин
Славы твоей.
Ты от корня славного порожден,
Славен в мире твой отчий дом;
Знаменитым родителем
Ты порожден.
Лучший ты
Из чужих племен,
Прискакавший к нам
С елани другой.
Молодой мой гость дорогой,
Ты, я вижу, впрямь
Быстроног,
И в плечах широк,
И ростом высок.
Но, как я на тебя взгляну,
Как себя с тобою сравню
Да как молодость вспомяну, —
Я получше был в старину.
Ты, я вижу,
Пониже меня
На вершок,
Уже моей у тебя рука
На целую ширину кулака,
Да и стан твой
Не как у меня широк.
Что ж, —
Ведь ты еще молод, сынок.

Сабыйа Баай Хотун

Ах ты, батюшка,
Что ты наговорил!
Одурел ты, что ли, на старости лет!
До сих пор еще хвастаешься, старик!
Постыдился бы хоть своих седин!
Ну, а я, как на гостя взгляну
Да как вспомню,
Каким ты был в старину,
Вижу я,

Ты был ниже его на вершок,
И на целую ширину кулака
У него пошире твоей рука.
Эх, хорош наш гость дорогой!
Где найдется равный ему другой!

Саха Саарын Тойон

(угрожая старухе палкой)

Ах ты, старая, замолчи.
Всё не можешь никак перестать
Унижать меня, оскорблять!
Ух, смотри,
Как я за тебя возьмусь
Да как палкой тебя отвожу!

Сабыйа Баай Хотун

Ах ты, старый,
Спятил ты, что ли, с ума!
Хоть при людях чужих не бранись,
Гостя нашего постыдись.

(Обращается к Юрюнг Уолану)

Ну, а ты, наш гость дорогой,
Сам смотри:
Вот она стоит пред тобой,
Наша доченька
В истинном виде своем,
Наша младшенькая, Туйаарыма Куо.
Всем светла она, всем красна.
По душе ли тебе она?
Скажешь: «Да» —
За тебя ее отдадим.
Скажешь: «Ладно» —
Будет тебе жена.

Юрюнг Уолан

(смотрит на Туйаарыму Куо, а она смотрит на него, как будто хочет сказать: «Пожалей!»)

Эх, давно уж по сердцу мне она.

Сабыйа Баай Хотун

Зеница зоркая наших глаз,
Зубов наших розовая десна,

Жаворонок золотогрудый мой,
Светлая, как белое солнце,
Доченька Туйаарыма Куо!
Ты теперь сама свое слово скажи
Прекрасному жениху твоему,
Прискакавшему из далекой страны,
Миновавшему дальний путь
Из-за тебя, ради тебя.
Я, тебя породившая мать,
Я тебе от души скажу:
Это лучший из рода небесных людей
Прискакал на счастье твое,
Чтоб за пазухой теплой тебя укрыть,
От беды тебя защитить.
Лучший из уранхайских людей
В пору к нам прискакал,
Когда наступал
Твой смертный, последний час.
Прилетел он спасти тебя,
Чтоб хозяйкою ты была
Изобильного дома его,
Чтобы изгородь крепкую ты возвела,
Чтоб молочный скот развела,
Чтобы ты священный очаг
В светлом доме его зажгла.
Но, однако, доченька ты моя,
Замуж будешь ты выходить, а не я.
Ты сама гляди, ты сама суди.
Воля здесь не моя, а твоя.
Поступай по веленью души,
По влеченью сердца реши.

Туйаарыма Куо

Славный мой отец, породивший меня!
Показавшая мне солнечный свет,
Матушка родная моя!
Как я отстранюсь, как я отвернусь
От доброго сына народа айыы,
Вспоминаемого всегда,
Почитаемого всегда,
С неба слетевшего к нам,
Чтоб меня из погибельной пасти спасти,

Из заплесневелой пасти спасти
Злобных адьарайских племен!
Как мне в сторону отойти
От защитника моего!
Ведь ради меня он сюда прилетел
С высоких белых небес,
Чтоб меня из когтей злодея спасти,
Чтоб в заоблачный улус унести,
Чтобы в том гнезде золотом
Я на ложе его легла,
Чтобы в доме его хозяйкой была,
Чтобы изгородью оградила загон,
Чтоб молочный скот развела.
Вам, родные, поклон,
И гостю поклон,
Трем его темным теням — поклон!

Юрюнг Уолан

(торжественно поднимает свой меч)

Радуюсь я,
Уруй-айхал!
Счастье, друзья!
Нарын-наскыл!

Люди

(кричат)

Радость!
Уруй-айхал!
Счастье!
Нарын-наскыл!

Саха Саарын Тойон

Ну, сыночек, будущий зять дорогой!
Ты хоть молод, а славой высок
Среди трех высоких племен.
Но ведь знают в трех обширных мирах,
Что погибло без счета богатырей,
Перебито без счета людей
Из-за дочери нашей Туйаарымы Куо.
Над тремя мирами ее красота
Возымела такую власть,
Что смута великая поднялась,
Беда небывалая разрослась!

Из-за всего из-за этого мы
Душу дочери нашей Туйаарымы Куо
Запаяли в золотой сыгай
И подвесили золотой сыгай
На волшебном канате волосяном
К восьмиярусным небесам,
Чтобы заветный тот золотой сыгай,
Ослепительно на солнце блестя,
Дивно, непрерывно звеня,
Над всеми мирами тремя проплывал,
Подвешенный к движущимся небесам.
Если в теченье трех лет
Не сыщется человек,
Который меткой стрелой
Собьет сыгай золотой,
То без всякого спора тогда
Адьараю дочку мы отдадим.
Из-за этого к нам собрались
Нижнего мира богатыри,
Вторгающиеся в Средний мир,
Врывающиеся в Верхний мир,
Порождения подземной тьмы,
Выродки адьарайских племен,
Подобру они не уйдут,
Подобру не оставят нас,
Небывалые бедствия натворят!
Пусть же в этот решительный час
Судьбы наши, счастье наше решит
Сила мышц богатырских твоих.
Пусть твое и наше счастье решит
Зоркость твоих зениц,
Меткость твоей стрелы.
Пусть исход всех споров решит
В эти горестные времена
Сила пальца большого, мой сын, твоего,
Гремящего, словно гром,
Пусть исход борьбы счастливо решит
Мощь широких запястий твоих,
Мощь и хватка пальцев твоих!

Праматерь великая Иэйэхсит
Вашу кровь и ваши тела

Вожделением жарким зажгла,
Друг для друга вас нарекла.
Пусть великая Иэйэхсит
Неисчерпную силу даст
Пальцу большому твоему!
Пусть богиня добрая Айыысыт
Удачу счастливую даст
Пясти, запястьям и пальцам твоим!
Счастья желаю тебе, сынок!
Удачи тебе, сынок!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Открывается второй занавес. Вдали виднеются вершины скалистых гор. У подножья Западной горы, на арангасе о шестнадцати ножках, лежит на боку богатырь Нижнего мира Уот Усутаакы. Он развел большой костер с целый курган и вокруг него поставил жариться шесть быков, нанизанных головами вниз на рожны. Восточнее виднеется холм, на макушке которого выросло восьмиветвистое священное дерево — Аар Дууп. Толпится множество людей, вооруженных луками, самострелами из дерева, кости и железа. Все смотрят на небо, в одну сторону. В стороне от них стоит одноглазый сын абаасы, в железном доспехе и сплюснутой железной шапке, с одной двухветвистой от локтя рукой и с одной двухветвистой от колена ногой, вооруженный самопалом, прицеливаясь не туда, куда смотрят люди, а в противоположную сторону. К нему подходит богатырь айыы и сует ему под нос кукиш так, что тот запрокидывает голову назад.

Сын абаасы

(от удивления невольно выпаливает из самопала)

Хо! Бац, бац!
Та-тат! Та-тат!
Пусть отломятся головы девятерых журавлей!

(Выронив из рук самопал, прыгает на месте и хлопает ладонями себя по бедрам.)

Эй вы, выродки,
Твари Средней земли!
Вы от пыльного воздуха изнемогли.
Еще мало вам, что ли,
Вашей крови, пролитой нашим мечом?
Вот льется она,
Сливая ручей с ручьем,
Течет широкой рекой!

А вы издеваетесь надо мной,
А вы потешаетесь надо мной,
А вы сопротивляетесь нам,
Пятипалым богатырям,
Десятипалым богатырям!
Я глотку твою перерву,
Я вырву горло твое,
Я услышу твой смертный крик,
Я тебя истреблю, как пса!

(Неуклюже подпрыгивая, подходит к нему.)

Богатырь айыы

(выбрасывает из-за пазухи огромную лягушку, величиной с рукавицу из конской кожи)

Изверг ты и злодей
Из бездн!
Подлый выродок ты
Поддонной земли!
Говорю тебе — целы все
Головы девяти журавлей.
Слышишь: это падает вниз
Золотой сыагай с небес,
Падает, громко звеня,
Падает, ярко блестя.
Подставляй живее, глупец,
Шерстью обросшую лапу свою,
Широкую, как лопата, ладонь.
Метко выстрелил ты,
Не промазал ты.
Нет, я вижу, ты впрямь молодец.
Нет, ты стрелок хоть куда!
Дивно зорок твой глаз,
Длинны руки твои.
Мне ли состязаться с тобой...

Сын абаасы

(недалекий умом, он поднимает голову, подставляет ладонь и громко хохочет)

Ха-ха-хаах!
Хо-хо-хоох!
Так вот оно что!
Так вот откуда он — гром и звон!

Богатырь айыы

(бросив ему в лицо лягушку, делает вид, что удивлен)

Тьфу, гадина! Прыг, шлеп!
Плюхнулась прямо в лоб!

Люди

(смеются)

Хо-о! Ну и невесту себе подхватил!
Хоть куда красавицу сбил.

Сын абаасы, смутившись, кружится против хода солнца, топает ногой; раздается оглушительный треск, раскрывается зияющий провал, откуда извергаются огонь и дым. Абаасы исчезает в провале.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

По предложению Саха Саарын Тойона Юрюнг Уолан направляется стрелять в сыагай; его серебряный панцирь сверкает под солнцем.

Юрюнг Уолан

(высоко подняв копье)

Бо-бо! Дьээ-бо-о!
Эй, громоголосые
Тридцать девять племен
Тревожных, бурных небес,
Притесняемые
Тридцать пять племен
Страны Томоон Имээн,
Населившие Средний мир,
Бедоносные
Тридцать шесть племен,
Населяющие подземный мир,
Люди лучшие
Адьарайских родов,
И вы, исполины, богатыри
Прославленной стороны
Трех перевалов горных крутых,
Знающие для защиты своей
Девяносто девять заклятий и чар,
Владыки восьмидесяти восьми
Великих заклятий и чар,

Колдуны пролетающих туч,
Вы, воители грозные
Верхнего мира,
Вы, мужи бедоносные
Нижнего мира,
Люди избранные
Среднего мира,
Выслушайте меня!
Видеть, что ль, перестали ваши глаза,
Обессилели вовсе, что ль,
Мышцы сильные ваших рук,
Или вашей десницы пять перстов
Перестали вам служить,
Или сильные десять перстов
Перестали вас удачей дарить?
Уходите все подобру!
Вы, женихи из Верхнего мира,
Улетайте на небеса,
Выходцы из Нижнего мира,
Проваливайтесь в пропасть свою,
Вы, женихи из Среднего мира,
Расходитесь добром по улусам своим.
Если спросите про меня —
Кто, мол, он такой,
От какого, мол, корня он,
От какой пуповины рожден,
Этот дерзкий, откуда он, —
Я отвечу вам:
Мой отец — Айынга Сиэр Тойон,
Моя мать — Айыы Нуоральдьын Хотун,
Обитающие высоко,
На хребте трехъярусных светлых небес,
На вершине Нижних небес,
Желтеющих заревом золотым.
Небесная моя сестра —
Шаманка Айыы Умсуур,
Заклинательница девяти небес,
Прорицательница восьми небес.
Старшая моя сестра —
Красавица Айталыын Куо
С восьмисаженной косой.

Мой средний прославленный брат —
Небесный воин Могучий Мюлдьюн,
С незазубривающимся мечом.
Мой старший прославленный брат,
Пролетающий по облакам
На коне небесном своем,
На скакуне гнедом, —
Стремительный Нюргун Боотур,
Великий исполин,
В годы оны,
Как повелел Одун Хаан,
Спустившийся в Средний мир,
Чтоб людьми населить его.
Сам я — ездящий на белом коне,
Что стоит выше изгороди столбовой,
Выше трех о крепких засовах ворот.
Сам я, славный на всех дорогах земных,
В разных видах являвшийся вам
Во всех пределах земных,
Я сам — богатырь Юрюнг Уолан,
В подлинном виде своем,
В сопровождении духа битв,
Нагрянул к вам!

Люди айыы

Вы смотрите! Смотрите!
Видно, и впрямь
Наше имя доброе слышал он,
Ради славы приехал к нам
Неборожденный сын айыы,
С голосом властным,
С громкою песней,
Обликом светлый,
Станом и ростом муж-богатырь.
Состязание выдержит он,
Соперника одолеет он,
Ловок он и силен,
Без победы от нас не уйдет
Этот сын далекой страны;
С пустыми руками от нас не уйдет
Этот сын высокой страны.

Люди абаасы

(смотрят не в ту сторону, где находится Юрюнг Уолан)

Слышали, как расхвастался он,
Как своим корнем бахвалился он,
А корень ведь и у чирья есть!
Да его от земли не видать,
Пальцами не ухватить,
А какой он тут поднял шум,
А какие обиды он бросил нам!
Нашему Уоту Усутаакы
На один кусок не хватит его,
На один глоток будет мало его.
Он, наш старший, могучий брат,
Еще не таких отправлял
В могилу махом одним!

(Прикрывая рот руками, похлопывая себя по бедрам, обнажая крупные зубы, громко хохочут.)

Юрюнг Уолан

(приготовляясь к стрельбе, берет в руки лук и стрелу с наконечником из кости и прицеливается с колена)

Глядите вы все —
Я из солнечного улуса айыы,
Явился к вам
С поводьями за спиной,
С помыслами — от беды защитить
Вас, земных потомков айыы,
Чистосердечных, с доброй душой,
С поводьями на плече.
Призываю богиню свою —
Эдьэн Иэйэхсит,
Выкликаю богиню свою — Айыысыт.
Пусть сойдут ко мне, пусть помогут мне.
Целюсь острым глазом своим
В золотой сыагай,
В котором живет душа
Прекрасной невесты моей,
Будущей супруги моей!
Ну, вы, крепкие руки мои,
Ну, ты, палец большой на тугой тетиве,

Дайте счастье мне,
Дайте удачу мне!

Под южным небом, сверкая, быстро проносится золотой сыгай. Юрюнг Уолан с треском, подобным раскатам грома, пускает стрелу, которая, летя со свистом, попадает в сыгай.

Люди айыы
(радостно восклицают)

Счастье и слава!
Удача и слава!
Уруй-айхал!

Юрюнг Уолан
(вскочив на ноги, ловит одной рукой падающую вниз половину сыагая)

Уруй-айхал!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Другая половина сыагая, взлетев вверх со стрелой, блестя падает, ее ловит ртом неожиданно появившийся из глубины западного неба Огненный Змей с тремя ветвистыми хвостами. Превратившись в дым, он исчезает.

Люди абаасы

Хо-хо, друзья!
Наш Уот Усутаакы,
Не упустит он своего,
Наш десятипалый силач,
Удачливый пятипалый силач,
Властелин подземного мира тьмы,
Владыка моря огня,
Без кровопролития
Не улетит,
Не наделав бед, не уйдет.

Некоторые из людей абаасы

Видно, быть беде,
Не остался бы каждый из нас
Без глаза единственного своего.
Мы давайте-ка лучше уйдем
Да укроемся поскорей.
Лучше вовремя удерем!

Абаасы и айыы разбегаются.

Юрюнг Уолан
(подняв копье, подходит к хозяевам дома)

Распрямилось
Верное счастье мое,
Засияла
Яркая слава моя,
Приведите ко мне
Подругу мою,
Светлоликую
Туйаарыму Куо.
По-родительски
Благословите ее,
С ликованьем и торжеством.

Хозяева дома
(восклицают)

Уруй-айхал!
Уруй-айхал!

Восклицая так и отвешивая Юрюнг Уолану низкий поклон, они приводят к нему Туйаарыму Куо. Он обнимает и целует ее.

Юрюнг Уолан

На щедром просторе Средней земли,
На бескрайних долинах ее,
Где сияет светлая даль,
Полевые цветы расцвели,
Травы густо на пастбищах поднялись,
Сверкая на солнце росой, —
Вот, среди благодати такой,
Пусть вовеки мирно стоит
Золотое наше гнездо.
Пусть веселье и радость
Царствуют в нем!
Стужа Нижнего мира
Да не коснется его!
Ветер Верхнего мира
Да не дохнет на него!
Беды Среднего мира
Пусть мимо него пройдут!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Взяв за руки, Юрюнг Уолан ведет Туйаарыму Куо к первой урасе. В это время раздается оглушительный треск, как будто взрывается каменный утес, сверкает пламя, клубится дым. Туйаарыма Куо громко вскрикивает. Юрюнг Уолан от удивления кричит: «Ух, что это такое?» Неожиданно появившийся огромный Огненный Змей обвивает их обоих и, проворно вытянув длинный хвост, исчезает. Люди бегают в смятении взад и вперед и кричат: «Ух! Ух, что за несчастье! Что за беда! .. Что за напасть! ..»

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Кюн Дьирибинэ

(выбегает из средней урасы)

Ты, почтенный батюшка мой,
Ты, престарелая мать моя,
Ухожу я надолго от вас
На хребет высоких небес,
Где живет седовласый, древний отец
Зятя нашего, богатыря.
Ведь от века определено,
Предназначено от начала времен
Нюргуну Боотуру Стремительному
Защитить племена айыы,
Что из солнечных улусов пришли
С поводьями за спиной.

Зятя нашего старший брат,
Не побежденный никем,
Стремительный Нюргун Боотур,
Скачущий на быстром коне,
Летающий на гнедом скакуне, —
Он к моей мольбе снизойдет,
Он на землю нашу придет
Догонять Уота Усутаакы-врага
По всем его тайным путям,
По его простывшим следам...
Только он, Нюргун Боотур один,
Может нас защитить,
Счастье наше спасти!

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Нижний мир. На юго-западной стороне его кипит и бурлит, пылает пламенем огнереющее, огнемутное море Муус Кудулу с громадными льдинами, величиной с гору, а в северо-восточной стороне, вдали, краснеют, как сгусток человеческой крови, гряды высоких скалистых гор. Мелькая и блестя, крутится круглый железный дом без окон и дверей. Огненный Змей, обвивши железную, трехветвистую, девятигорбую коновязь и воткнув жало в глотку богатыря айыы Юрюнг Уолана, сосет его кровь и, облизываясь, выдыхает пламя.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Огненный Змей пронзительно вскрикивает, раздается оглушительный треск, змей и коновязь лопаются, и богатырь Уот Усутаакы принимает собственный вид.

Уот Усутаакы

(ударяя ногой лежащего лицом вниз Юрюнг Уолана)

А-а! Здорово!
А-а! Провалиться бы вам!
А видали вы, а слыхали вы,
Как я прискакал, прилетел,
Я — владыка страны Ап Салбаныкы,
Я — хозяин моря Муус Кудулу!
Как летел я с ношей двойной
На груди широкой и за спиной!
Как вернулся я с торжеством
В мой подземный, сумрачный мир!
Я — победитель богатырей,
Я — бессмертный,
Не знающий равных себе,
Я, как воду, могучей ногой всколебал
Оба мира племен айыы!
Пусть тойон небесный держит их
На своих поводьях тугих.
А я их взнуздал, укротил!
А я их ничком повалил,
Всех, кто в улусах солнца рожден!

(Обращаясь к Юрюнг Уолану)

Эй ты, Юрюнг Уолан!
Хвастун!
Как весело ездил ты
На мотыльково-белом коне,

Выше изгороди, выше ворот,
Тремя запорами запертых!
Ах ты, недоростышек мой,
Ах ты, песик серенький мой,
Ах ты, кутенок буренький мой!
Очень проворен ты стал
Распускать у женщин очкур!
Очень проворен ты стал
Стаскивать с девок порты!
А когда прокатилась молва,
Что на Средней земле родилась
Дева неслыханной красоты,
Едва ей исполнилось три зимы,
Я засватал ее в невесты себе.
А когда загремела молва, как волна,
Что девушка в Среднем мире растет
Неописуемой красоты,
Я свое сватовство повторил.
Шестилетнюю, маленькую тогда,
Я ее невестой своею считал.
Ну а ты, ублюдок, щенок,
Ты со мной потягаться решил?
Ай, какой соперник опасный ты!
Я заставлю тебя, раба,
Распускать очкур поясной
На священном теле моей жены.
На блистающую ее наготу
Будешь издали ты, собака, смотреть,
И не сметь соблазняться впредь!
А не то глаза тебе выколю я!
Отныне она — моя,
И тело ее — мое!
И помни, раб,
Вот я — твой тойон!

(Хохочет, прикрывая рот рукой, и похлопывает себя по бедрам.)

Юрюнг Уолан

(скрипит зубами и глубоко вздыхает)

Беда мне! .. О-о... Беда мне!
Кто услышит теперь, кто увидит теперь,
Что со мною сделал этот злодей,

Этот с кривыми коленями вор,
С черной, как сажа, мордой вор!
Ядовитыми словами полна
Его кровавая пасть.
Нестерпимы обиды его,
Что из пасти своей изрыгает он!
Нестерпимо зловонье его,
Что изнутри испускает он!
О-о, настанет ли день,
Когда встану я, тебе отомщу!
О-о, настанет ли день,
Когда встану я и сильной рукой
В черной утробе твоей разорву
Становую жилу твою!

Я — достойных родителей сын,
Прародителей славных потомок я!
Сам подумай:
Если меня ты убьешь —
Ты разбудишь великую месть и вражду!
Если кровь мою ты прольешь —
Ты накличешь сам на себя
Неиссякаемую беду!
Чем, скажи, прославился ты,
В преисподней рожденный
В истертой дохе,
Сын адьарайских племен?
Лучше мир мы с тобой заключим,
Чтобы горе не возросло,
Чтобы морем не разлилось.
Ты ведь тоже потомок
Достойных отцов,
Ты ведь тоже отпрыск
Великих родов.
Я слыхал, что есть у тебя,
Славная средь адьарайских племен,
Младшая в вашем роду сестра —
Красавица Кыыс Кыскыйдаан.
Нёбо радужное у нее,
Хвост ее клубится, как дым.
Ух, бедовая грязнуха она!

Ух, космата она, когтиста она!
Руки у нее что клещи,
Плечи что ножницы у нее.
Пусть, как высохшие турсуки,
Обвисли у ней телеса, —
Хороша сестрица твоя!
Вот и выдай замуж ее за меня
Взамен моей жены,
И с тобой породнимся мы,
И с тобой помиримся мы.

Уот Усутаакы

Ой, беда, ой, страсти,
Ой, смех-то какой!
Ой, какой ты бойкий,
Смышленый какой!
Вижу я, неспроста прославился ты
Средь шумливых племен айыы.
Ты, как камнем, метким словом попал
В пестрокаменную макушку мою!
И такой разумный,
Мудрый такой,
Славный воитель такой —
Что ты попусту пропадаешь здесь?
Поглядел бы ты на сестрицу мою —
Вся в меня сестрица моя;
Вся она как прозеленевшая медь,
Вся она как железо в багровой рже!
Черная клокочет река
Под каменным нёбом ее!
Три длинные тени ее
Вслед за ней, мелькая, летят.
Ты умрешь, увидев ее, —
Так она хороша, сынок!
Нет, ты не отвергнешь ее!
Лучше света она, хоть черна.
Всесветная потаскуха она!
Страшнее смертного духа она.
Целоваться с нею потянет тебя —
Для объятий на пальцах когти у ней,
Словно косы-горбуши, остры.
А уж как разодета она,

Сзади, спереди рубаха ее
Вся в коленных чашечках сплошь,
Вся в коленных чашечках девяти
Великих шаманов давних времен.
Украшения нашейные у нее,
Гремучие ожерелья ее —
Из нижних челюстей восьми
Удаганок-шаманок
Древних времен.
А нарядный ее сарафан
Из тонкой ведьминой кожи сшит.
Переливный блеск сарафана ее
Виден издали — за день пути.
Ее девическая постель
Вихрем крутится, как метель,
Покрывало на ней из шкур
Семи принесенных в жертву быков.
И она хороша, и ты хорош.
Эх, и славно ты с ней заживешь!

Уот Усутаакы, много не говоря, ибо слово его — закон, развязывает путы Юрюнг Уолана. Освободившись, Юрюнг Уолан глубоко вздыхает и потягивается. Оказалось, что у него сила ослабла и руки и ноги его одеревенели. Поэтому он не начинает боя с противником.

Юрюнг Уолан

(подымается, сверкая глазами)

Ну-ка, шурин мой дорогой!
Пока наши с тобою тела целы,
И железом не рассечены,
И стрелой с наконечником костяным
И копьем не пронзены —
Покажи мне,
Что обещал показать,
Покажи мне сестру твою.
Ведь таков уговор великий наш:
Пока ты мне в руки ее не отдашь,
Дорогую твою сестру,
До тех пор ты мне не родня,
До тех пор я дверь не открою твою,
До тех пор в жилье твое не войду,
До тех пор нам не о чем говорить!

Улетят слова на ветру,
И я на ночлег не останусь у вас
Ни на единую ночь.
Ты вставай, иди исполняй,
Что обещано мне тобой.

Уот Усутаакы
(кружится против хода солнца, пронзительно свистит)

Э-эй! Сестрица!
Дымный хвост,
Беспокойные ноги,
Постель что метель!
Эй, сестрица, с глоткой пустой,
Прославленная красотой,
Быстроногая, вихря быстрей,
С плечами железных ножниц острей,
Кыыс Кыскыйдаан!
Где летишь ты,
Три тени твои летят...
Если ты наверху —
На три пальца пониже стань,
Если ты внизу —
На шесть пальцев повыше стань!
Приехал жених,
Красавец, достойный сын
Солнечных улусов айыы!
Прозорливы его глаза,
Держит на крепких поводьях его
Изначальный отец всего.
Вещим словом владеет он,
На его лопатках поводья небес,
Он — Верхнего мира тойон,
Где окоемом не замкнут простор,
Он на высокой елани рожден,
Где воздух гор разрежен!..
Эй, щербатая сестрица моя,
В половину лба чернолобая,
В половину лба белолобая,
Не ослушаешься меня!
Хочешь ты или нет, мне и дела нет!

Выдам замуж тебя за него,
Лучше ты и не спорь со мной!
А не то я тебя
За становую жилу схвачу
Да как начну трясти,
Поиграю тогда, пошучу!..

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Неужели Кыыс Кыскыйдаан, обладая таким острым слухом, не услышала бы его! После сказанного богатырь еще не успел вздохнуть, как из глубины северного неба вылетает Белоголовый Ворон. Обогнув жилище, он опускается в тени, сразу раздается оглушительный треск, и костлявая Кыыс Кыскыйдаан в сарафане из тонкой ведьминой кожи предстает пред ним, с десятью черными, кривыми, как коса-горбуша работы верхоянских кузнецов, когтями, с длинным, черным, как железная пешня, носом, с туосахтой — круглой бляшкой на лбу, с ожерельем из нижних челюстей, с привесками на них лучевых костей. Черную шею длиной в семь маховых саженей изогнула. Прикрывая глаза рукой, она всматривается в глубину западного неба и, всячески охорашиваясь, извивается станом и позвякивает своими украшениями.

Юрюнг Уолан

(улыбается и подходит к ней)

Эй вы, эй вы, молодцы!
Сверстники мои, удальцы!
Наконец-то встретился я
С ненаглядной невестой моей...
Как она мила, хороша!
Удлиняется она, уменьшается она.
Боком одним укорачивается,
Боком другим скособочивается,
Морщится она, корчится она.
Столько прелести
В будущей моей жене,
Что трепещет черная печень во мне,
И колотится сердце мое,
И гудят все жилы мои!
Разве я отвергну ее,
Прекраснейшую среди дев,
Наряднейшую средь нарядных невест!
В трех Великих мирах буду хвастать я
Перед всеми такой женой.

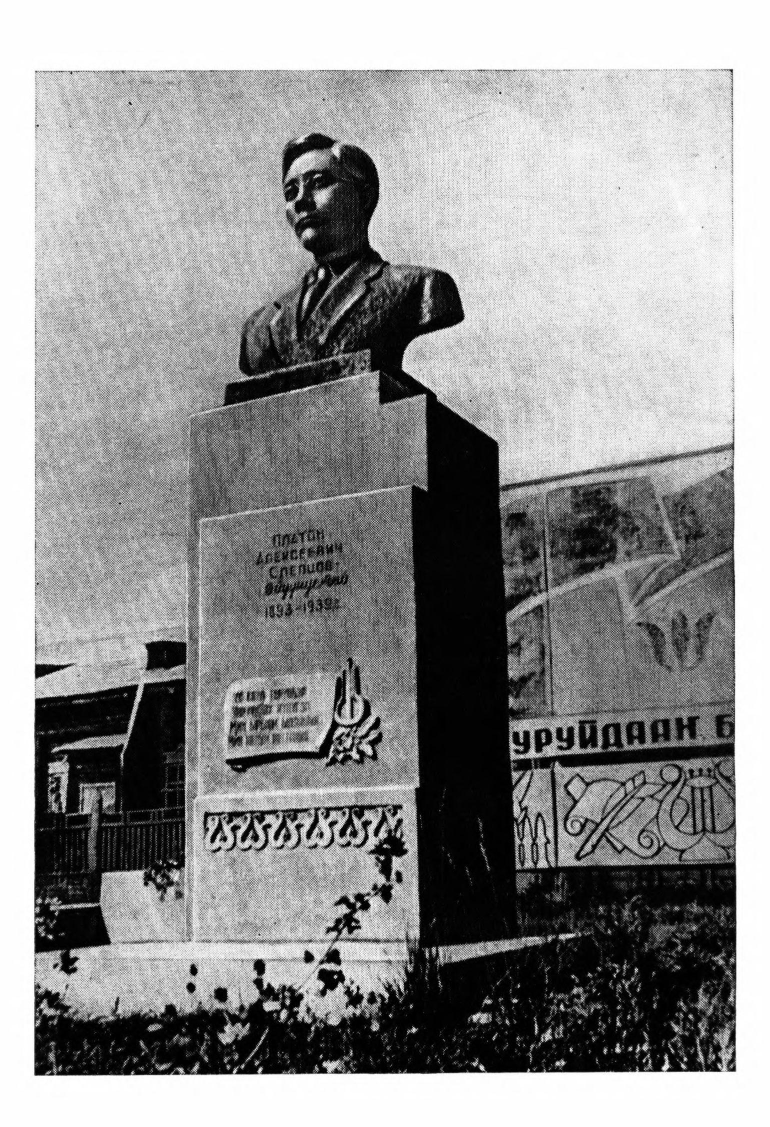
Не жена —
Загляденье она.
Знать, хозяйка
На удивленье она...
Правда, горб ее великоват,
Но зато ведь шея длинна!
Хоть она растрепана и грязна,
Но зато ох как неробка!
Как, видать, на язык бойка!

(Обращается к ней.)

О девушка племени адьарай!
Так по нраву ты мне пришлась,
Что, как молот кузнечный гремя,
Жилы в теле стучат,
Колени дрожат.
Ты — обещанная мне в давние дни,
Не отвергай меня, не брани,
От себя меня не гони,
Чтоб по белым моим щекам
Пятна красные не пошли,
Чтоб на доброе имя мое
Пятна черные не легли!
Склоняюсь перед тобой, смотри:
Поклоняюсь трем твоим черным теням!
Согласна ли стать моею женой?
Согласна ли? Говори!..

Кыс Кыскыйдаан
(неуклюже охорашиваясь)

Ай, беда! Ой и да!
Да неужто? Да это правда, что ль?
Милый сын айыы!
Да неужто сам ты явился к нам?!
Вот радость-то! Вот беда!
На радостях-то мне деться куда?
Сколько было в мире вражды и смут
Из-за тебя, возлюбленный мой!
Я в шею сватов вон выгоняла,
Я всем женихам моим отказала!
Ждал напрасно меня,
Отморозил скулы


Платон
Алексеевич
Слепцов-
УРУЙДААК

Юс Кюлюк Суорун,
Верзила сутулый;
От меня уехал ни с чем
Кэкэ Суоруна сын;
От меня отступилось, рыча,
Чадо Сумрачной Нюёрэлдьин.
Мёдьюйэр Эртюкэ отвергла я,
Ревущего силача,
Родившегося в ярме,
Сына Буор Мангалая
И ненавистной живущим всем,
Злобной Суналыки,
Умевшей буранами все пути,
Все следы свои замести.

Я отвергла богатырей,
Чтобы стать женою твоей!
Проклятым небом рожденный,
Кырбыйа Свирепый ушел ни с чем.
Бушующим морем рожденный,
Хаан Чабыргий ушел ни с чем.
Бедственным небом рожденный,
Есюктэй Суодуйа
Ушел ни с чем.
Как услышала я, что родился ты,
Белолицый,
Невиданной красоты,
Кровь и желчь от страсти
Вскипели во мне.
Я ночей с тех пор не спала,
В драку лезть готова была,
Невтерпеж мне стало с тех пор
Одной
На постели моей пустой!
Снежной бурей всклубилась я,
По пустыням носилась я...
Я так долго тебя ждала и желала,
Что от муки щербатой стала!
Так долго, мой милый,
По тебе я томилась
На увалах лесистых,
На взгорьях холмистых!

Так долго тебя я ждала, призывала,
Что с горя горбатой стала.
Ой, беда мне, ой, радость мне!
Ой, напасть мне!
Ой, счастье мне!
И снаружи и внутри у меня
Суматоха, переполох!
Ты вглядись, возлюбленный мой,
Приглядись, как я хороша...
Видишь тело мое? Оно
Для объятий твоих рождено!
Для любви к тебе создана
В этом теле мятущаяся душа!
Лучшей женщины в мире ты не найдешь!
И когда в любви сольешься со мной,
До беспамятства ты полюбишь меня!..
И хозяйка искусная я.
А уж как ухаживаю за скотом!
Пятнистые телята мои,
Не дожив до девятого дня,
Замерзают у ясель своих.
Сразу на год я мясо коровье варю.
А пока на стол притащу котел,
Скиснет, заплесневеет еда,
Оттого она и вкусна!
Я выгнала тысячи женихов,
Потому что ты краше всех.
Ох, по нраву ты мне!
Ох, по сердцу ты мне!
От любви к тебе жилы мои гудят,
Колени трясутся мои,
Печень трепещет моя!
Дай я поцелую тебя
В прекрасные губы твои!
Ведь пора когда-нибудь перестать
Моей крови так клокотать!
Ох, страсть, ох, беда...
Полюби, красавец, меня,
И рожу я тебе тогда
Восьмерых сыновей,
Одышливых да плешивеньких,

Восьмерых дочерей
Золотушных, паршивеньких.

(Хохочет и, похлопывая себя по бедрам, побрякивая своими украшениями, кружится.)

Уот Усутаакы
(вскинув голову, хохочет)

Ай, сестрица,
Ай, чертова девка! Ха-ха!
Тут недолго и до греха!
Как взгляну я на вас — ну и ну!..
Смотри же, не упусти его,
Зеницу лба твоего,
Зубов твоих острых десну!

Кыыс Кыскыйдаан

Он только тогда убежит от меня,
Если погаснет вдруг
Видящая зеница моя,
Если иссякнет вдруг
Клокочущий мой желчный пузырь...
Да не будет этого никогда!
Он только тогда от меня отойдет,
Хотя б на длину ступни,
Когда затупятся когти мои,
Железные, острые когти мои!
От женщины прекрасной такой,
От меня отвернется он лишь тогда,
Если черный мой длинный нос,
Схожий с заостренной пешней,
Перегниет в седловине своей
И от лица моего отлетит.

Уот Усутаакы

Ну, сестрица, ты у меня смотри —
Если красавчик твой женишок
Вздумает от тебя улететь
На мотыльково-белом коне,
На коне, чья грива видна
Над изгородью столбовой,
Если он на белом коне

По воздуху улетит —
Ты чарами его обведи,
Колдовством его догони,
Забирая воздух в себя,
Как пушинку, его притяни,
Заостренный железный свой нос
В нежное горло ему воткни
И, чавкая, высоси кровь
Многососудистого сердца его!
Коль в поддонную пропасть провалится он,
Чтоб от тебя спастись,
Силою заклинаний твоих
Ты его к себе возврати,
Когтями железными разорви
Горла его хрящи
И вытащи из клетки грудной
Красную печень его,
И журчащим, свистящим клювом своим
Печень его расклюй!
Ты смотри, если он от нас убежит,
Ох, тогда нам будет беда!
Наступят погибельные времена,
Навсегда омрачатся тогда
Наши славные имена.

Залетит к нам в подземный провал,
В железную нашу трубу,
Нюргун Боотур Стремительный,
Скачущий на гнедом скакуне,
На стоя рожденном коне,
По выпуклости белых небес.
Он, великих родителей сын,
К нам бедой нагрянет сюда.
Он, потомок хаанов айыы,
Налетит сюда не с добром,
Грянет он, как небесный гром,
Всех ничком он повалит нас,
Он яремные ямки нам
Огневым проколет мечом,
Он сердца в утробе у нас разорвет,
Хваткою железной своей
Становые жилы он вырвет у нас.

Он меня и тебя повалит ничком,
Он тебя и меня, сестрица, убьет!
Ой, сестра, ой, девка, смотри!
Ах ты — меднозеленые щечки твои!
Ах ты — ржавая рожа твоя!
Черный нос ты к небу не задирай,
Задом попусту не вихляй.
Помни: если забудешь мои слова,
Если упустишь его —
Ну, тогда поплатишься мне!
Кровью, жизнью своей заплатишь мне!
Я заклятье древнее развяжу,
Я выпущу из тебя
Уймищу белых червей,
Тысячи лягушек и жаб,
Тысячи тысяч гудящих жуков!
Ползать, прыгать, летать
Я заставлю их,
Чтобы жалили, чтобы терзали тебя!

(Обращается к Юрюнг Уолану.)

Ну а ты, красавчик мой зятек,
Запомни это и ты,
Запомни буйной своей головой,
Запомни горячим сердцем своим, —
Если нарушишь наш договор,
Никуда от меня не уйдешь!
Спереди и сзади тебя
Стрелы гибельные полетят.
Я приду послушать твой смертный хрип,
Посмотрю, как в твой смертный час
Вырвется три раза подряд
Белое дыханье твое,
И тогда за тебя я возьмусь,
И тогда я тебя сожру, обгложу,
Добела кости твои обнажу,
Да и кости потом проглочу!
Ни сустава, ни позвонка твоего
Не останется после тебя.
Свежую, красную кровь твою
Выпью всю!

Ни капельки не пролью
Ни на небе, ни на земле!
Берегись, дорогой своячок.
Если ты, засватав мою сестру,
Вздумаешь вдруг убежать —
Света солнечного не увидишь ты,
Ты, подтелочек,
Молодой бычок,
Ты смотри и остерегись,
Ты мужское слово сказал,
Ты сказал, что жену свою мне отдаешь,
Этим спас ты душу свою!
Из-за девки не думай спорить со мной.
Ну а если ты
Попытаешься ее увезти,
Смерть тебе! Могила тебе!

(Отступает и говорит торжественно.)

Я на охоту иду,
Я найду, я добуду, набью,
В изобилии дичи вам притащу,
Для свадебного пира еду.
Нелегка охота будет моя.
Тридцать шесть высоких племен,
Жестоких, коварных, злых,
Должен я сперва уложить ничком.
Корень в них скорбей
И бедствий моих!

А потом я пойду
На становье родичей милых моих.
У-у-х! Как я их заставлю
Выть и стонать!
У-у-х! Как я их заставлю
Взывать и рыдать!
Их, из солнечных дальних улусов своих
Не выходивших на мой призыв,
Не делившихся со мной подобру
Золотом, серебром,
Скотом и другим добром, —
Ух, как я им носы утру!

Сколько пустых чугунных голов
Слетит с широченных плеч
Моих дорогих земляков!
Кровь родичей надменных моих
Пусть падает, как водопад!
Пусть узнают они,
Что последний их отпрыск,
Правнучек их,
Заброшенное дитятко их,
Которого сторонились они,
Возмужал, окреп,
Стал свирепым быком!
Красавицу Туйаарыму Куо
Выбрал в жены себе!

(Хлопает обеими руками себя по бедрам и, прикрыв рот ладонью, хохочет; обращаясь к сестре и зятю.)

Ну, мой молодой зятек!
Человечек, от племени солнца рожденный,
Уж я всего припасу,
Я всего принесу,
Я дичи гору тебе притащу,
Я на свадьбе твоей
Всех гостей угощу,
Всех твоих худородных друзей,
Всех твоих отощалых гостей!
Жиру нет и на палец на брюхе у них,
В жилах бледная кровь у них,
Железы иссохли у них!

(Сестре.)

Ну а ты, сестрица моя, смотри...
Знаю я —
Ненасытна похоть твоя!
Голод твой ненасытен!
Ну что ж,
Всё, что я принесу, — и ты не пожрешь!
Гору дичи я притащу,
Гору дичи я пред тобой навалю!
Я — следопыт звериных дорог,
Ставь большой солуур на огонь,
Вари,

Всё сожри, обгложи,
Обсмокчи!
Не оставь никому
Ни хребтовых костей,
Ни копыт,
Ни сухожилий и жил!
Ты до тошноты
Свой набей желудок пустой!
Ты иссохший свой пищевод
Жиром дичи, добытой мной,
Жиром горячим смягчи!
Досыта я тебя накормлю,
Чтоб осклаблялась ты,
Чтоб улыбалась ты,
Чтобы ты изобилием мяса давилась!
Чтоб население трех миров
На тебя смотрело, вздыхало,
Дивилось!

(Сказав это, с пронзительным криком кружится против хода солнца и, превратившись в Огненного Змея, уносится молнией в глубину северного неба)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Юрюнг Уолан
(глубоко вздыхая)

Ох, горе нам! Ох, беда!
Ты — свет моих светлых очей,
Ты — желтая желчь
Печени красной моей,
Ты — равная силе
Могучих крыльев моих,
Ты — осенняя утка моя,
Предвесенняя красногрудка моя!
Пусть рубахи твои, словно вьюга, быстры,
Не доходят тебе до колен,
Но зато ведь когти твои,
Словно косы-горбуши, остры!
Хвост твой черный клубится, как дым!
Слушай меня! Кыыс Кыскыйдаан,
Прекрасная невеста моя!

Красавица молодая моя,
Ведь тебе еще нет
И трех тысяч лет.
Ты ведь видишь сама,
Говорю тебе
В первый раз и в последний раз:
Наступил наш последний час!
Уот Усутаакы, старший твой брат,
Решил нас не отпускать
В восьмикрайний мой отчий край,
Где синеет даль,
Где всегда чиста
Тонкого окоема черта,
Где луга в цвету,
Где хлеба в росту,
Где вдали золотые увалы стоят.
Где счастливы люди племен айыы.
Хочет он, твой брат,
Все пути наши загородить,
Хочет он, твой брат,
Нас погубить!
Он в колодки нам ноги забьет,
Нам на шею наденет ярмо,
Превратит нас в рабов своих,
Чтобы мы всю черную грязь его,
Чудовищные извержения его
Убирали за ним,
Чтобы мы заметали его следы.
Но уж если потомков нам не иметь,
Не вкушать нам сладости жизни земной,
Если в мире Среднем моем
Нам не жить,
Если вечно позор терпеть
От братца старшего твоего,
Если видеть тебя, дорогую мою,
Достойную хозяйку-хотун,
Рабыней, доящей чужих коров
В темном, сыром хлеву...
Нет! Позора такого мне не стерпеть!
Чтобы тебя будили пинком поутру...
Покамест мало зла — умру!
Покамест много добра — умру!

А теперь на меч свой стальной
Брошусь, грудь себе распорю!
(Обращается к Кыыс Кыскыйдаан.)

С той поры, как с тобой повстречались мы,
Не ссорились, не ругались мы.
Ты — достойная невеста моя,
В сердце зла не держи на меня!
Умираю...
Прощай!

Отскочив назад, громко и глубоко вздохнув, Юрюнг Уолан, приплясывая, втыкает в землю свой меч так, чтобы удобнее было напороться на острие. Пронзительно вскрикнув, Кыыс Кыскыйдаан выхватывает меч и отшвыривает его.

Кыыс Кыскыйдаан
(волнуясь)

Что ты вздумал,
Да что с тобой?!
Мой суженый,
Мой жених молодой,
Красивый мой, муженек дорогой!
Ну скажи мне, чем огорчился ты?
Успокойся, желанный мой!
Знай! Пока мои
Немигающие глаза
Видят и светят мне,
Покамест когти мои,
Как железные косы-горбуши, остры,
Пока не вырваны когти мои,
Покамест мой длинный железный нос
В седловине не перегнил, —
До тех пор никто не тронет тебя.

(Кружится вихрем, подымая синее пламя.)

Ох, горе мне, ох, и радость мне!
Ох, суматоха! Ох, переполох!
Ох, и диво мне!
Ох, и страсти мне!..
Да чем выхваляется он,
Зачем, как пузырь, надувается он,
Рожденный под злой звездой
Братец мой, Уот Усутаакы, злодей!

Ты запомни, что я скажу,
Тайну братца открою тебе:
В левом паху у него
Рана открытая есть,
Не зарастающая никогда.
Если его костяную броню
Ты сумеешь в куски раздробить,
В эту рану ты руку свою запихни,
Становую жилу его разорви!
И тогда, возлюбленный мой,
Как весной ручеек журча,
Как широкий поток, плеща,
Хлынет его черная кровь.
Ты увидишь сам, ты услышишь сам,
Как, прерывисто, хрипло дыша,
Наполняя зловонием Нижний мир,
Околеет он — твой злодей!

Юрюнг Уолан

(делает вид, что радуется)

Вот хорошо! Вот хорошо!
Жаворонок медногрудый мой,
Птенчик золотогрудый мой,
Подруга моя, супруга моя,
В мой последний погибельный час
Ты спасенье мне принесла!
Счастлив я, да боюсь одного:
Если страсть к тебе запылает во мне,
Если я тебя обниму,
Я на длинный железный твой нос напорюсь.
Я боюсь, что в безумье объятий любви
Железные когти твои
На клочки меня разорвут.

(Повернув ее лицом к себе, делает вид, что хочет поцеловать, но останавливается перед ее клювом.)

Кыс Кыскыйдаан

(досадливо смотря на свои пальцы и щупая свой нос)

А ну их! Опостылели мне
Растопыренные когти мои!
Непригодны они для объятий любви,
Непригодны они для ласк.

Для поцелуев любви
Неудобен мой длинный нос.
Но и всё же,
Чтобы врага погубить,
Чтобы душу свою защитить,
Хорошо железные когти иметь,
Клюв такой на лице носить!

Юрюнг Уолан

(поворачивая свою невесту и разглядывая ее)

Дорогая моя,
Когда я вернусь
В солнечные улусы свои,
В отчизну свою о восьми ободах,
Чья защита вечно сильна,
В светлую родную страну,
Которая золотом желтым полна, —
Не будут ли там сторониться меня
Из-за того, что женился я
На страшилище с носом таким,
С десятью когтями на длинной руке,
На раздвоенной руке?
Не начнут ли меня корить
Родичи, люди айыы,
Говоря, что я в жены себе
Чародейку свирепую взял,
С взором огненным немигающих глаз,
С клыками длиной в аршин?

(В унынии опускает голову.)

Кыыс Кыскыйдаан

Не горюй, возлюбленный мой!
Поправима эта беда.
Лучше, чем мне посмешищем быть,
Что стальные когти мои остры,
Что велик мой железный нос,
Лучше, чем мне посмешищем быть, —
Я сама с такою бедой порешу!
Я тебя прошу —
Отруби мечом мой железный клюв,
Отруби стальные когти мои!
Пусть они пропадут совсем,

Если нос железный мешает мне
Целоваться с тобой,
Если когти мешают мне
Обниматься с тобой.

(Она ведет Юрюнг Уолана за руку к черному камню и кладет на этот камень то свой нос, то когти.)

Юрюнг Уолан

Я боюсь, подруга моя, —
Размахнусь я мечом своим —
Промахнусь, пролью твою кровь —
И погибнешь ты,
И погибну я.

Кыс Кыскыйдаан

(притягивает его к себе)

Не робей, молчи, смелей руби.

(Царапая, кладет на камень когти одной руки и указывает другой на середину их.)

Ну, взмахни мечом,
Напрочь когти мне отсеки.
Если даже польется кровь —
Исцелит меня живая вода,
Мной похищенная в былые года
У грозного Дьесегея в дому.
Если кровью я истеку,
Если даже умру —
Не пугайся ты:
Горностаем оборотись
И быстрее к норке беги,
Что на северной стороне,
Близ железной лиственницы без хвои,
Чей закручен навыворот ствол,
Которая без макушки растет,
Чьи живые корни ушли в перегной,
В неподвижную толщу льда.
Там потаенную норку найди
И проворно в нее нырни.
В подземелье просторное ты попадешь,
И в одном углу
Пред тобою ярко блеснет
Живая вода,

Сохраняемая всегда
В чашке соболя черепной.
А в другом углу
Синим светом тускло блеснет
Мертвая вода.
В медвежий череп она,
В затылочную чашку его
В давние года налита.
Полный рот живой воды набери
И обратно беги.
Если вспрыснешь меня живой водой,
Капнешь на раны мои
Капли две или три —
Встану я, оживу,
Стану такой, как была.

Юрюнг Уолан

(произносит заклинанье)

Ты, старшая сестра моя,
Духа кровопролития дочь,
Дух кровожадности
В руки мои всели!
Ты, старший мой брат,
Духа бедствий великий сын,
Смертоносную силу
В руки мои всели!
Трудно мне —
Приходится мне
Когти стальные, железный клюв
Отсекать невесте своей,
Украшать обличье ее.

(Вскрикнув «ух» и размахнувшись длинным мечом, отсекает обе ее руки по запястья.)

Кыс Кыскыйдаан

(кричит пронзительно и протяжно)

А-а! Больно мне!
А-а! Страшно мне!
Умираю я!..
Погибаю я!..

(Падает навзничь на камень и притворяется мертвой.)

Юрюнг Уолан

(делает вид, что очень испуган)

У-у-х! Беда какая случилась!
У-у-х! Непоправимое совершилось!
Погубил я, убил
Дорогую подругу свою!
Как мне жить одному без нее?
Сам себя я убью,
Заколюсь я своим копьем!

Он упирается грудью на острие копья и делает вид, что хочет заколоться. Кыыс Кыскыйдаан, вскрикнув, вскакивает и отшвыривает ударом ноги копье.

Кыыс Кыскыйдаан

(хохочет)

Ха! Чего испугался ты?
Что ты вдруг надумал, глупец?!
Как бы спас ты меня,
Когда б закололся ты?!

(Облизывает руки, раны сразу заживают.)

Стали пальцы ровненькие,
Взгляни,
Замечательные они у меня!

Юрюнг Уолан

(вздохнув)

Показалось мне, что тебя я убил.
Обезумел от горя я.
Не хочу отрубать твой клюв!
Слишком я неуклюж.
Не учен я владеть мечом!

Кыыс Кыскыйдаан

Ай, страсти какие!
Ай, стыд какой!
Ну, чего испугался ты?
Не мужчина ты, что ль?
Больше ни слова не говори.
Меч бери и клюв мой руби!

(Клювом своим скребет о камень со звуком «чуур-чаар».)

Юрюнг Уолан

Ты сама заставляешь меня
Делать то, что я не могу.
Что ж, быть может, спасет тебя
Дьесегея живая вода!

(Отрубает ей голову)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Юрюнг Уолан

Глядите, глядите!
Улусов солнечных люди
С поводьями за спиной,
Поддерживаемые на поводьях
Вечных творящих сил!
К вам, мои братья,
Бывшие долго в обиде,
Жившие долго под гнетом,
Добросердечные люди айыы,
К вам возвращается наше
Прежнее счастье,
Пресветлое счастье!
Влагою силы,
Живою водою,
Украденной в старину
У грозного Дьесегея,
Сам я напьюсь,
Сам от нее
Великую мощь обрету!
И взволную, как хлябь,
Подземную твердь,
Как воду в лукошке берестяном,
Взбаламучу и расплещу
Проклятую эту усадьбу
И этот железный подземный дом!
Переверну вверх дном
Весь преисподний ваш мир
И вынесу,
Выручу, вытащу
Из пасти зловещей,
Из погибельной бездны

Милую подругу мою,
Белолицую Туйаарыму Куо,
Которую взял,
Вымогательством подлым
Похитил, силой увел
Из милого отчего дома,
Из светлого Среднего мира
Властелин преисподней,
Исполин Уот Усутаакы.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Сказав это, Юрюнг Уолан направляется к жилищу Уота Усутаакы. В этот момент раздается оглушительный треск. Откуда ни возьмись появляется огромный Огненный Змей; обвив Юрюнг Уолана и покружив с ним в воздухе, бросает его на черный булыжник. Тут же, воткнув ему в глотку свое длинное жало, сосет со свистом его кровь.

Уот Усутаакы
(в виде Огненного Змея)

А-ар-дьаалы! А-арт-татай!
Эх вы, люди племени айыы!
С поводьями за спиной,
Поддерживаемые на поводьях
Вечных творящих сил!
Хоть вы и в костях и в мышцах крепки,
Хоть ваши головы велики,
Да зато ох как глупы вы!
Хоть вы в плечах широки,
Да зато ох какие вы дураки!
Ох, бедняги вы! Ох, простофили вы!
Жиром, мясом и творогом
Тело питаете вы,
Жажду молоком утоляете вы.
Оттого вы стали крепки в плечах,
Оттого вы стали дерзки в речах.
Ох, как вы возгордились, как вознеслись!
Дети Среднего мира, глупцы!
Хоть вы телом толсты,
Хоть в плечах широки,
Да зато как нежны и хрупки вы!

Неизбежна смерть для любого из вас,
Только стоит мне руку поднять!
Сколько пало их!
Только стоит мне махнуть кулаком —
И не стало их!
Ха! Вздумали отнять у меня,
Похитить из дому моего
Невесту мою светлолицую, Туйаарыму Куо,
Отнять ее у меня, самого
Уота Усутаакы великого,
Повелителя и владыки
Темного подземного мира,
Огнемутного подземного моря,
Огнереющего бездонного моря!
Вздумали отнять у меня
Возлюбленную мою,
Белолицую Туйаарыму Куо,
Милую нюхалочку мою,
Чтоб зачах я от горя — один,
Чтоб в слезах кровавых я изнемог!
Ха-ха-ха!

Юрюнг Уолан

(приходит в себя и глубоко вздыхает)

Смерть я увидел в глаза!
Смерть я впервые познал!
Ну где ты теперь?
Неужель ты не слышишь меня,
Нюргун Боотур, старший мой брат,
Скачущий по белому небу,
По облачно-бурному небу
На гнедом своем скакуне,
На быстром, как молния,
Стоя рожденном коне!
Сможешь ли ты меня отыскать
На пути, где и пыль за мной,
За проскоком моим давно улеглась?
Отыщешь ли ты меня
По остывшим моим следам?
Придешь ли за мной
По горячим моим следам?

Вырвешь ли ты меня
Из пасти кровавой
Исполина племен адьарай?
Спасешь ли меня?

Благословенна будь навсегда
Благодатная, родная елань,
Одетая в зелень зимою и летом,
Овеянная синею дымкой,
И ты, мой отчий священный очаг!
Прощаюсь с вами теперь
На долгие годы,
На сотни лет!
Ты, отец престарелый мой,
Ты, небесный светлый тойон,
Сотворивший меня, породивший меня,
Ты, моя светлоликая мать,
Солнечный свет показавшая мне!
Ты, моя возлюбленная сестра,
Прекрасная Айталыын Куо,
Красавица с восьмисаженной косой!
И ты, покровитель мой,
Нюргун Боотур — старший мой брат!
Все прощайте, все!
На долгие сотни лет!
И ты, невеста моя,
Светлолицая Туйаарыма Куо,
Красавица с девятисаженной косой,
И ты прощай
На долгие сотни лет!

(Обращается к Уоту Усутаакы.)

Я сказал
Последнее слово свое,
Заветное слово,
По извечному древнему праву
Оставленное за мной!
Поглотить ты хочешь меня —
Ну что ж, поглоти быстрей!
Убить ты хочешь меня —
Убей скорей!

Уот Усутаакы
(громко хохоча)

Ишь ты! Покровитель есть у тебя?
Нюргун Боотур,
Старший твой брат-тойон?
Пропади ты пропадом вместе с ним!
Да еще невеста есть у тебя
Подруга твоя Туйаарыма Куо?
Врешь ты, она — моя!
Ты еще говоришь,
Что последнее слово свое,
Заветное слово свое
За собой ты оставить мог?
Ах ты пащенок! Ах сосунок!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Раздавшийся вверху ни с чем не сравнимый, оглушительный гул спускается вниз, и вслед за этим со стороны верхнего горного перевала доносится топот быстро скачущего коня, сопровождаемый сильной бурей, сверкающей молнией, громкими раскатами грома. Со стороны этого же перевала тянутся, сверкают синие языки пламени, и на середину сцены падает торчком сверкающее синим пламенем трехгранное копье. Навстречу ему Огненный Змей выдыхает пламя. Раздается сильный треск, будто разламывается каменная скала, и копье превращается в богатыря Нюргуна Боотура, одетого в сверкающую блеском серебряных опилок трехслойную броню. Сверкают его глаза, и как будто пылает синим пламенем его броня.

Нюргун Боотур
(опираясь одной рукой на меч, и другой подняв вверх копье, направляется к Огненному Змею)

Ну-ка, я посмотрю на тебя.
Ух, как ты обнаглел!
Слух далеко о тебе прошел,
Что давно утесняешь ты
Мира солнечного сыновей
С поводьями на спине,
Что одну за другой похищаешь ты
Дочерей из рода айыы
С поводьями на плечах!
За великие эти вины твои,

За преступленья твои, злодей,
За то, что ты гонишь людей
Солнечной Средней земли, —
Испепелю я тебя
И пепел развею твой!
За грехи твои,
За обиды, которые ты творил
Людям племени айыы, —
Я потушу твой очаг,
Я сокрушу твой кров,
Я расплещу твое море, твой мир,
Взбаламучу их,
Как воду в лукошке берестяном,
Хохоча,
Играя,
Смеясь,
Веселясь!

Из далекой, высокой страны,
Из прославленной великой страны,
Как молния, я прилетел.
А кто я — знай! —
Отпрыск я такого комля,
Я такими родителями порожден,
Что с пустыми руками, злодей,
Я от вас не уйду!
Айыы Хаана потомок я!
Из далекой страны,
Из высокой страны
Я к тебе прилетел
И добром от тебя не уйду!
Ты силен,
Да и я не слабее тебя.
Так вставай, выступай
В поединок со мной!
Ах ты, черная харя,
Ах ты, кривые колени,
Ах ты, песья кровавая пасть,
Поскорей на бой выходи, злодей!
Я становую жилу твою
Железнопалой своей рукой,
Пятипалой рукой, разорву!

Последний третий выдох твой
Услышу я,
Увижу я!..
Я тебя, злодея, убью
За то, что ты замучил его,
Брата любимого моего,
Зеницу зорких глаз моих,
Десницу мою,
Десну моих белых зубов!
Я убью тебя за то, что ты
Толстую кожу его распорол,
Пролил его драгоценную кровь!

Сказав это, Нюргун Боотур, попятившись назад с копьем в руках, приплясывая, устремляется к Огненному Змею, чтобы заколоть его. Раздается оглушительный треск, и тут же Огненный Змей обвивает его. А тот с громким криком, вытянувшись, падает спиной на черный булыжник. Огненный Змей с громким шипением выпускает его из своего объятия и исчезает. Тут же из-под земли доносится глухой гул. Он поднимается все выше и выше. Нюргун Боотур отскакивает в сторону, и из-под земли сразу вырастает трехгранное копье. Затем раздается оглушительный треск, и богатырь Уот Усутаакы предстает в собственном виде.

Уот Усутаакы

(возмущенно)

А-ар-дьаалы! А-арт-татай!
Ну и страсть, ну и диво мне!
Не гадал, не ждал,
Что когда-нибудь повстречаюсь я
На перевале крутом
Великого хребта трех миров
С тобою, с первым богатырем
Из племени айыы
С поводьями за спиной!
Не думал я, что встречусь с тобой,
Знающим
Восемьдесят восемь чар,
Владеющим неуловимой силой
Девяноста девяти заклинаний,
Насылающим за напастью напасть.
Как попасть ты в мои владенья успел?
Встретить тебя не ждал, не гадал!
Но давно, паренек, долетела до нас
Добрая слава твоя.

Эта слава ревела, как дикий бык,
На восьми перевалах горных хребтов,
Эта слава, как рев оленя-быка,
Наполнила весь солнечный мир
На всех восьми ободах его!
Эта слава, как рев лесного быка
В пору течки коров-оленьих,
В пору случки, в пору жестоких боев,
В пору треска ветвистых рогов,
Эта слава даже до нас дошла!
Оглушила и наш погибельный мир!
Мне известна удаль и доблесть твоя,
Мне известно громкое имя твое,
Прославленное в трех мирах,
Ржущее, как жеребец,
Вскормленный на шести лугах,
На кресте девяти дорог,
На развильях восьми путей
Страны Томоон-Имээн!

Твоя удаль гремела, как гром
Над скатами полосатых гор,
В бушующей вышине
Грозами скрытых небес!
Ну, что ж!
Ты в пору ко мне пришел,
Недовыкормыш, сосунок!
Ну, что ж! Я встаю,
Успокою в бою
Дерзость твою, строптивость твою!
Жестокую выю твою я согну!
Единоборец перед тобой
Встает не слабее тебя.
Я — владыка Нижнего мира,
Повелитель великого
Огнемутного моря,
Грозный дух преисподних бездн!
Я тебе говорю:
Пока не проколота костью копья
Яремная ямка моя —
Я из рук своих тебя не пущу!

Покамест я не убит,
Пока не положено тело мое
В колоду долбленую, в арангас —
До тех пор тебя я не отпущу!
И пока моя черная кровь
По капле не изойдет,
И пока ты своим мечом
Мою толстую кожу не распорол,
И пока не раздроблены кости мои,
Толстые, длинные кости мои,
И пока ты меня ничком
Насмерть на землю не уложил —
Я не дам тебе передышки в бою,
Я не отдам тебе
Нареченную невесту мою,
Белолицую Туйаарыму Куо,
Мою милую,
Дорогую мою,
Нежную нюхалочку мою!
Знай: она — моя!
Запах кожи ее —
Запах первых весенних горных цветов,
Запах черных волос ее —
Будто запах меда весенних пчел.
Обнимаю ее, ласкаю ее,
Обнюхиваю сам я ее
Раз этак по пять подряд...

Нюргун Боотур

(неожиданно сует ему под нос кукиш, тот отдергивает назад голову)

Вот тебе! Вот тебе!
Раз пять подряд!

С храпом и криком Уот Усутаакы своим огненным мечом ударяет богатыря Нюргуна Боотура, а тот увертывается и в свою очередь ударяет Уота Усутаакы. Сын абаасы тоже увертывается. Выхватывают свои длинные копья и колют друг друга, увертываясь и кружась, отступая назад, и, отходя, приплясывают.

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Внутренний вид жилища Уота Усутаакы. Сверху спускается вниз крутая железная лестница. Среди жилища гудит затопленный восьмигранный железный камелек. Вдоль стен огромные черные нары-ороны. В левой половине жилища — чулан, комнатка из сплошного железа, у двери которого сидит Туйаарыма Куо; у нее руки — в наручниках, ноги — в кандалах. Она прикована к стене железной цепью.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Туйаарыма Куо

(плачет)

О, тяжко мне!
О, страшно мне!
Вот я — не плакавшая никогда —
Водами вешними слезы лью...
И откуда такая напасть,
И откуда такая беда?..
А когда я на свет родилась,
А когда я росла без забот
Средь народа айыы
С поводьями за спиной,
Поддерживаемая силой небес,
В радостной, щедрой отчей стране,
В почете, в холе, в добре,
В полях родных и лесах,
На прекрасной обширной земле,
Никогда не думала я,
Не гадала я в те года,
Что беда мне такая грозит,
Что я света дневного лишусь,
Что навеки я попаду
В этот бедственный Нижний мир,
Что я в жертву обречена
Властелину абаасы.
Когда я жила на земле,
Вечно радуясь и смеясь,
Средь солнечных племен
Свободного народа айыы

С поводьями за спиной,
Под защитой небесных сил,
Не гадала я никогда в те года,
Что похищена буду я,
Что хищником буду унесена
Из родной страны,
Золотой страны,
Где весной долины цветут,
Где густой травой
Зеленеют луга,
Где потоки светлей серебра,
Где высокие горы встают до небес, —
Не гадала, что буду брошена я
В пропасть трех преисподних,
В проклятый мир,
Что в оковы буду закована я,
Что железная тяжкая цепь
Нежное тело мое обовьет,
Что брошена буду я
В этот страшный, темный,
Железный дом.
О, горе мне!
О, мука мне!

Видно, мне суждено,
Беззащитной, пропасть,
В адьарайской пасти
Гибель найти!..

Мне бы лучше в младенчестве умереть,
Чем такие муки терпеть!
Лучше вовсе бы мне
Не рождаться на свет
От матушки милой моей,
От матушки седовласой моей.
Лучше вовсе бы мне
Не являться на свет
От дорогого отца моего,
От седого отца моего!
В эти черные дни,
Последние дни,

В эти тяжелые дни
Нет на свете защиты мне!
Не сумели меня спасти
Ни родичи, ни отец, ни мать,
Не смогли меня отстоять,
Не уберегли от беды
Чистое дыханье мое,
Не смогли от гибели заслонить
Светлую душу мою!
Не увижу я никогда
Тебя, высокое солнце мое,
Светлоликое солнце мое,
В девяти многоцветных лучах!
Никогда я теперь не смогу
В Среднем мире, на милой земле,
На четырех могучих столбах,
Изобильный устроить дом
И зажечь священный очаг!..
Великое множество богатырей
Погибло только за то,
Чтоб, напасти не ведая, я росла,
Чтоб ненастье не смело
Дохнуть на меня,
Чтобы стройной красавицей
Стала я —
Белолицая Туйаарыма Куо.
Неужель для того
Такой красотой
Мать-земля одарила меня,
Чтобы гибли из-за моей красоты
Лучшие люди айыы!
Неужель моя красота
Для того была создана,
Чтобы гибли из-за нее
Племена уранхай-саха!
Видно, в бездне
Я здесь умру
И не увижу в смертный мой час
Светлого лица твоего,
Юрюнг Уолан,
Юный возлюбленный мой,

Скачущий по облакам
На мотыльково-белом коне,
Возвышающийся на коне
Над высокой изгородью столбовой
О трех засовах больших!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Потолок чулана из сплошного железа на глазах пробивается насквозь, вокруг рассыпается, разбрасывается синее пламя, а потом высовывается Медная Идолица Дьэс Эмэгэт, величиной с крупного младенца. Она, разбрасывая руки и ноги, кружится и поет речитативом.

Дьэс Эмэгэт

Эхээ! Эхээ! Эхээ!
Эхээ! Эхээ! Эхээ!
Ах и ну! Ох и ну!
Вот и я сама
Медная баба —
Дьэс Эмэгэт!
Ох ты! Ух ты!
Вот и я, вот и я!
Хэхэкаю,
Бэбэкаю,
Без умолку щелкаю,
Верчусь,
Кружусь,
Мельтешу,
Пляшу —
Всё скорей, скорей,
Быстрей, быстрей!
А как песню свою
Запою-у... Ух ты!
Слух есть,
Будто здесь, у нас,
Будто в пропасть к нам
Провалился он сам,
Самый сильный
Боец-богатырь
Вашего Среднего ми-и-ра —

Нюргун Боотур сам
Припожаловал к нам!

(Кружится с надрывным бэбэканьем и хэхэканьем.)

Эхээ! Эхээ! Эхээ!
Эхээ! Эхээ! Эхээ!
Ох, сумятица, ох, беда!
Не ждала такой никогда!
Сестричка моя,
Белоличка моя,
Милая Туйаарыма Куо!
Ты не рвись, не вставай,
Из подземной мглы
Головой на свет не всплывай.
Стережет тебя
Весь мой род адьарай.
А Уот Усутаакы,
Мой старший брат,
Говорят, повалился ничком...
Этот слух, словно молот,
Стукнул меня
В толстую макушку мою,
И пошло, и пошло...
Всё во мне огнем занялось,
Всё нутро мне огнем сожгло!

(Кружится, рассыпая искры.)

Эхээ! Эхээ! Эхээ!
Эхээ! Эхээ! Эхээ!
Было, было...
Как у больших журавлей,
У милых девяти журавлей,
У пестрокрылых моих журавлей —
Длинные поотлетали носы!
Ни силы не стало у них,
Ни красы.
Как у восьми белолобых гагар,
У восьми самцов
Белозобых гагар,
Носатые головушки
Отломились,

Полосатые — в кровь разбились.
Это я, это я сама
Медная девка —
Дьэс Эмэгэт —
Верчусь, кручусь!
А как песенку затяну —
Ох ты ну! Ух ты ну!
Восемь белых гагар
У гнезд хлопочут,
А гагачий кочет
Го-го-гочет...
Эх ты, миленькая
Сестричка моя,
Туйаарыма Куо,
Белоличка моя!
Юрюнг Уолан твой,
Юный всадник твой,
Никогда не вернется к тебе.
Трижды он погибал,
Трижды он оживал.
А тебе — в кандалах, в цепях
Весь свой век сидеть...
Эй, железная клеть, загреми!
Эй, захлопнись, железная клеть!

(Быстро кружится среди синего пламени и, остановившись, смотрит в одну точку синими глазами. Заслоняя губы рукой, хохоча, бэбэкая надрывно и заливчато, исчезает. Вслед за ней захлопывается отзерстие потолка чулана.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Туйаарыма Куо
(одна, плачет)

Ый-ыыйбын! Аай-аайбын!
Горе мне, одинокой!
Горя и слез я прежде не знала
И горько плачу теперь.
Проклинают меня,

Заклинают меня
Чудища медные
Дьэс Эмэгэт,
Духи червивого тюктюйя
Трех преисподних стран...
Придут ли когда-нибудь
Люди айыы на помощь мне,
Обреченной здесь погибать,
Несчастной дочери их?!
Спасут ли когда-нибудь
Из Нижнего мира меня?!
Веревку сбросят ли мне,
Вытащат ли меня
В солнечный Средний мир,
Вернут ли на землю меня,
Возвратят ли моим глазам
Свет вечерней зари и восходной зари
Витязи Верхних миров,
Добрые богатыри
Юрюнг Аар Тойона-отца?

Но почему это вдруг
Чувствую я — подо мной
Нижнего мира земля потряслась,
Всколебалась основа ее,
Вспучилась сердцевина ее,
Треснула середина ее?
Медная девка
Дьэс Эмэгэт,
Кружась, вертясь,
Пропала вдруг,
Топот умолк,
Грохот заглох,
Стихли и шум и переполох...
О, если бы с высоких небес
Увидал меня
В бездне бездн
И сошел бы сюда за мной
Прославленный богатырь
Нюргун Боотур Стремительный сам,
Нареченный мой старший брат,

Названый мой
Защитник-отец
На рожденном стоя
Гнедом скакуне,
Скачущий по облакам
Буйных белых небес, —
О, если бы он сюда заглянул,
То, быть может,
Все мы тогда бы спаслись
От погибели лютой,
Из пропасти этой!..

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Опираясь одной рукой на копье, а в другой держа меч, Нюргун Боотур спускается вниз по крутой железной лестнице, похожей на горловину. По сравнению с Юрюнг Уоланом он лучший из племени айыы, сильнейший из улусов солнца, царь людей саха. Он в трехслойной броне цвета серебряных опилок, в остроконечной шапке, в завязанных торбасах и в рукавицах, сверкающих синими искрами, отвешивает низкий поклон Туйаарыме Куо.

Нюргун Боотур

Ну, добро! Ну, добро, добро!
Милый жаворонок, ты здесь!
О твоей беде получил я весть.
Твоя песнь звенела, как серебро,
В мире солнечной высоты.
Синичка медногрудая ты
Доброго народа айыы
С поводьями за спиной,
С поводьями высших сил,
Белолицая Туйаарыма Куо!

Твой достойный отец,
Твоя добрая мать
С первых лет почитали тебя
Зеницей зрячей своей,
Десною зубов своих.
Любовно они растили тебя,
Лелеяли и хранили тебя,

Укутывали в собольи меха,
Укрывали в рысьи меха,
Чтоб лучезарного солнца жар
Не осмуглил лица твоего,
Чтоб не лег на кожу твою загар
От блеска знойных небес.

И цветком весенним ты расцвела,
И кругом молва о тебе пошла.
Самою славною стала ты
Средь племен народа айыы.
До девятых небес твоя слава дошла.
В преисподнюю твоя слава дошла.
Так звездой заблистала ты
Средь племен уранхай-саха,
Что спускаться стали толпой
Верхнего мира богатыри,
Что подыматься стали гурьбой
Из преисподней богатыри
И из Среднего мира со всей земли
Приходили люди айыы.
Лучшие воины трех миров
Из-за тебя в боях полегли,
Потекла по земле их кровь,
Будто реки, шумя и гремя, потекли,
И по этим рекам неслись, как шуга,
Переломанные в боях
Длинные кости богатырей,
Раздробленные в боях
Короткие кости богатырей.
Неужели, девушка, ты
Для того на свет рождена
Таким достойным отцом,
Саха Саарын Тойоном самим,
Матерью достойной такой,
Сабыйа Баай Хотун,
Чтобы столько бедствий в мир принести?
Ведь владыка наш Дьесегей
Родителям предназначил твоим
Породить на Средней земле
Три племени уранхай-саха,

Предначертал им Дьылга Тойон
Породить четыре ветви саха.
Неужели ты для того родилась,
Чтоб погибли из-за тебя
Четыре племени братьев твоих,
Чтоб уничтожились на земле
Три племени братьев твоих?

Как услышал я, что в беде
Юрюнг Уолан, мой младший брат,
Скакавший по облакам
На мотыльково-белом коне,
Что он гибнет из-за тебя,
Что пробит его светлый висок,
Что распорота толстая кожа его,
Что разрублено сильное тело его,
Что пролилась его алая кровь,
Что упал он наземь лицом, —
Прискакал я из дальней страны
Быстрее поющей стрелы,
Прилетел из дальних краев
Быстрей оперенной стрелы.
Хоть в далеком пути
Истомился я —
С Уотом Усутаакы рубился я.
Длился наш бой
Тридцать дней и тридцать ночей.
И хоть долог был наш бой
И жесток —
Духом смелым
Уот Усутаакы не пал,
Дюжим телом
Не изнемог.
Наконец-то встретился я
С воителем, равным мне!
В преисподнем мире,
В чужой стороне,
Встретился мне наконец
Ратоборец, достойный меня!

Мы в бою с ним сошлись, как друзья,
И ничто нас не разведет,

Покамест он или я,
Покамест один из нас
Гибель свою не найдет.

Ты, невеста-красавица,
Туйаарыма Куо,
Если впрямь тебе суждено
Воротиться в твой Средний мир,
Поселиться на милой земле,
Где долины синеют,
Где поля зеленеют,
Где земля изобильем желта,
Если впрямь твой удел —
В мир живых вернуться опять
И опять человеком стать
На земле, где, словно каймак,
По низинам бел солончак,
Как густой каймак, по колено коню, —
Вот тогда-то я погоню,
Вот тогда-то я вниз лицом повалю,
Играя и хохоча,
Мечом своим порублю
Самых лютых, дюжих бойцов
Трех преисподних миров
За то, что глаза твои ясные
Они омрачили,
Твои светлые лики прекрасные
Они загрязнили.
Я их лютый нрав укрощу,
Никому из них не спущу!
Становые жилы их разорву
И железной, грозной своей рукой,
Смертоносной своей рукой,
Из могучих клеток грудных
Вырву радостно я у них
Многососудистые сердца!
Я широкие груди их рассеку,
Черной крови их я пролью реку,
Чтоб она, гремя, потекла,
Чтоб над нею клубилась мгла,

Чтобы мне в их крови
По колено бродить...

Слушай, девушка
Туйаарыма Куо!
Ты, как только увидишь его,
Похитителя своего,
Громко плача, горько стеня,
Жалуйся ему на меня,
Что, мол, Нюргун Боотур
Стремительный сам,
Скачущий по небесам
На своем гнедом скакуне,
На рожденном стоя коне,
Сам явился сюда невредим...
Что никем еще до сих пор
Не расколото толстое темя его,
Не разрублено дюжее тело его,
Потому что непобедим
В трех мирах только он один!
На позор, мол, на горе мне,
Сам он был вот здесь
Час тому назад.
Омрачил он мой светлый взгляд,
Осрамил он имя мое
Ядовитой зловещей бранью такой,
Какой никто не слыхал,
Он облаял меня,
Словно пестрый пес,
Он облаял меня,
Словно серый пес...

И еще, Туйаарыма Куо,
Вот что ты ему передай,
И при этом громко рыдай:
Нюргун Боотур
Не только, мол, надо мной,
Насмехался, мол, и над тобой,
Над таким великим богатырем!
Уот Усутаакы — он говорил —
Шелудивый, несчастный пес,
Хоть владеет он силою чар

Восьмидесяти восьми
Пробегающих облаков,
Хоть владеет он волшебством
Девяноста и девяти
Лютых гибелей и смертей.
Хоть он ловкий, бывалый вор,
Хоть во всякой плутне хитер,
Да ведь силой-то вовсе слабенький он!
Как его я схвачу —
Закряхтит, запыхтит,
Как скручу —
У него хребет затрещит!

Ты еще ему вот что скажи:
Нюргун Боотур, мол,
Хвалился, грозил, —
Как заарканю, мол, я его
На развилье восьми дорог,
Сяду я верхом на него,
Буду гнать его, как коня,
Если, мол, поймаю его
На кресте девяти дорог,
Я в оглобли его загоню,
Я в санях буду ездить на нем,
Многососудистое сердце его
Вырву я у него из клетки грудной,
Я заставлю его стоять
На коленях передо мной,
Уши я ему оторву,
Превращу в своего раба,
Чтобы грязь убирал за мной.
Он на брюхе передо мной
Будет ползать, как серый пес,
Он ласкаться будет ко мне
И скулить, словно пестрый пес.

И еще про себя не забудь,
Девушка Туйаарыма Куо,
Как сойдемся мы с ним в смертном бою,
Как настанет тут шум и гром,
Как заблещут в руках мечи —

Ты тогда береги себя,
В угол спрячься, не попади
Под удар стального клинка.

Туйаарыма Куо

(встает и кланяется ему, звеня цепями и серебряными украшениями)

Уруй-айхал!
Уруй-айхал!
Счастья тебе,
Удачи тебе!
Трем твоим темным теням
Тройной мой поклон!
Слава тебе, прославленный сын
Племен небесных айыы
С поводьями за спиной!
Слава тебе, могучий сын
Солнцерожденных племен
С поводьями за спиной!
Как колос, в печали поникла я,
Но, голос громовый твой услыхав,
Из печали восстала я.
Как вначале,
Радостной стала я.
Белоликой выросла я,
Светлоликой выросла я,
Стоязыко по трем мирам
Пролетела слава моя,
Но несчастье мне —
Я народ айыы
В пасть адьарайских бездн привела!
И за этот невольный грех
Здесь в оковах терзаюсь я,
Здесь, во тьме, среди вечных льдов,
Плачу я, убиваюсь я.
Неужели я навсегда,
Несчастная, разлучена
С прекрасным моим женихом,
Предназначенным в древние времена
Мне великой праматерью Иэйэхсит?
Неужели я навсегда,
Несчастная, разлучена

С предопределенным
Супругом моим,
Посланным на землю мне
Праматерью Айыысыт?
О, горе, о, горе мне!

Нюргун Боотур

Не плачь, Туйаарыма Куо!
Плачем не оживить,
Слезами не разбудить
Спящего смертным сном!
Но и всё ж показалось мне,
Что у брата младшего моего,
Юрюнг Уолана,
В недавние дни
Скакавшего по земле
На мотыльково-белом коне,
Взмахивавшем гривой густой,
Вскидывавшем шеей крутой
Над высокой изгородью столбовой,
Где на трех засовах створы ворот, —
Говорю тебе, показалось мне,
Что его могучая грудь
Будто медленно подымалась,
Будто медленно опускалась
И длинные ресницы его
Вздрагивали, как во сне.

Когда врага истребим,
Наша сила возрастет,
Когда недруга сокрушим,
Наше счастье расцветет,
Раздобудем тогда мы живой воды
И разбудим его от смертного сна.
Слушай, девушка
Туйаарыма Куо!
Когда вернется сюда
Хозяин огненномутного моря,
Ледовитого, бездонного моря —
Уот Усутаакы, злодей,
Летающий на Огненном Змее,
В силе восьмидесяти восьми

Нерасторжимых чар,
Когда он придет сюда
В огне девяноста и девяти
Страшных волхвований своих —
Ты плачь перед ним, рыдай перед ним,
Пока не разжалобишь душу его,
Пока не расплавишь сердце его
Так, чтоб колени его затряслись.

Если бы он пред тобой
В истинном виде предстал,
Потеряли бы силу тогда
Восемьдесят восемь его
Улетающих чар,
Ослабели б тогда
Девяносто девять его
Ускользающих чар, —
Тут бы не дал я увернуться ему,
Тут бы нечем было укрыться ему,
Тут пронзил бы его я мечом,
Поразил бы насмерть его!
И тогда бы, красавица ты моя,
Обрела бы ты счастье свое,
И детей, рожденных тобой,
Наделила б доброй судьбой,
И воздвигла бы ты изобильный дом
На четырех могучих столбах.
В том обширном дому,
В том мирном дому
Хозяйкой бы ты была!

Здесь решается наша судьба.
Будь смела, умна,
Будь в ночи без сна:
Если я росой обернусь,
Если инеем наземь паду,
Ты не вздумай меня призывать,
Ты не вздумай кликать меня.
Сам решу я,
Когда появиться мне
Или не появиться мне.

Туйаарыма Куо

Жители неба,
Хозяева Верхнего мира,
Нюргун Боотур,
Тебя послали сюда,
Чтобы ты мечом защитил
Добрых людей айыы,
Чтобы ты от беды оградил
Солнцерожденных детей.
Заклинаю силы небес —
Пусть помогут тебе
Уничтожить врагов,
И спасти всех людей айыы,
И невредимым выйти на свет
Из трех преисподних бездн!
Я хочу, чтоб вернулся ты в Средний мир,
Счастьем, удачею окружен
По самые плечи твои,
Ликованьем и торжеством окружен
По самые бедра твои,
Чтоб имя сияло твое,
Чтоб слава гремела твоя!

Пусть летит впереди тебя,
Пусть сопровождает тебя
Явно зримая всем очам,
Резвая, на могучих крылах
Твоя старшая прославленная сестра —
Духа браней кровавых дочь!
Пусть на шлеме высоком твоем,
На макушке твоей стальной,
Громко, радостно,
Протяжно поет
Старший твой прославленный брат —
Сын кровавого духа битв!
Пусть сопровождает тебя
Праматерь древняя
Айсыт —
Чадородия благодатная мать!
Пусть идет по твоим следам
Праматерь Иэйэхсит!

Пусть всегда
Твоя светлая радость цветет!
В благоденствии вечном живи!
В ликованье,
В блаженстве беспечном живи!
Уруй-айхал тебе!
Уруй-туску тебе!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Нюргун Боотур, отвесив ей низкий поклон, кружится по ходу солнца и, превратившись в дым, исчезает. Туйаарыма Куо, удивленная, опускается на свое место. Раздается оглушительный шум, подобный ударам грома. По полу кругом сверкает синее пламя, и из-под нары высовывается Огненный Змей, который, понюхав воздух, пошарив по полу, выдыхает пламя и исчезает. Опять раздается оглушительный треск, подобный раскатам грома, и из-под западной нары высовывается красный, как огонь, Медведь. Рассмотрев всё и понюхав воздух, он исчезает с пронзительным ревом. Вслед за оглушительным треском, раздавшимся в третий раз, вырывается пламя из-под середины пола; полыхая и кружась, оно брызжет искрами.

Туйаарыма Куо

(в смятении)

Горько мне, страшно мне!
Дольше я не в силах терпеть!
В глазах от слез туман у меня,
Ноют руки и ноги мои!
Сюда на муки брошена я,
В темный, подземный мир.
Видно, сам меня продал
Дьылга Тойон
Адьараю-владыке во власть!
Всё же горько мне видеть,
Нестерпимо мне, горько смотреть,
Как унижен, как изобижен
Добрый народ айыы!
Трудно мне, нестерпимо мне
Поношенья такие терпеть!
Как над серой собачкой, здесь
Издеваются надо мной,
Хоть по воле владыки судьбы,

Несчастная, брошена я
В эту бездонную глубину
Ненасытного моря, покрытого льдом.

Пусть мне доля такая была,
Но опоры и мира я здесь не нашла.
Хоть предназначено быть мне женой
Адьараю-богатырю,
Но на убыль муки мои не идут.
В жены я взята, —
Где же он, мой муж?
Не видала я ласки его,
Не узнала его любви!
Словно дерево в сухостойном лесу,
Одиноко иссохла я,
Супружеского ложа не зная,
Друга желанного не обнимая,
Которого мне
Суждено любить,
У которого мне
За пазухой быть,
В объятьях его засыпать.
Видно, мне детей не рожать,
Видно, сильных мне
Сыновей не вскормить,
Видно, свой изобильный дом
Мне потомством не населить!
Горько было мне, что утратила я
Возлюбленного моего,
Именитого человека айыы.
Что ж теперь недоступен мне
Владыка адьарайских племен,
Хозяин бездонных глубин,
Морских ненасытных глубин?
О, как нежно теперь
Целовала бы я
Одутловатые щеки его,
Обвислые губы его!

Чем в таком унижении жить,
Одинокой, плакать, тужить,

Лучше я умру,
Грудь ножом распорю!
Нет отсюда спасенья мне,
Принеси избавленье мне,
Прекрати мученье мое,
Смертоносное острие!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Вскакивает с места Туйаарыма Куо. В ее руке поблескивает лезвие ножа. Гремят кандальные цепи, и побрякивают и звенят ее украшения. Огонь еще ярче вспыхивает, еще сильнее побрызгивает искрами и с оглушительным треском превращается в Уота Усутаакы. Он схватывает Туйаарыму Куо за руку, в которой она держит нож.

Уот Усутаакы
(улыбается, скаля зубы)

Вот чего не ждал,
Вот не думал я!
Ах ты, желтогрудая,
Медная пташка моя,
Золотогрудая,
Бедная пташка моя!
Ты досаду свою
Утиши, усмири,
На отраду свою
От души посмотри.
Да и как не сердиться тебе,
Как не гневиться тебе —
Такой молодой,
С такой золотой красотой,
Как тебе, супруге моей,
Дорогой подруге моей,
Не тосковать одной, не скучать!
Я и сам-то
День ото дня
Думал: ждет она
Не дождется меня.
Я и сам нетерпеньем горел,
Я спешил к тебе,

Я скакал и летел,
Да в пути задержаться пришлось.

Нюкэн Буурая сынки,
У которых на макушке глаза,
Выродки, Хапса Буурая щенки,
У которых под глотками рты,
Отдавать не хотели добром
Мне того, что требовал я.
И пришлось мне их погонять,
И пришлось мне их в пот вогнать,
Разбивать им шейные позвонки;
Потому задержался я,
Потому запоздал в пути.
Когда я летел, скакал,
По дороге я увидал
Юрюнг Уолана, твоего женишка,
На мотыльково-белом коне
Скачущего по земле
Выше изгороди столбовой,
Где ворота на трех жердях.
Он, играючи, меня обманул,
В жены взять он пообещал
Любимую сестрицу мою,
Красавицу Кыыс Кыскыйдаан,
Девушку с дымным хвостом,
С когтями острее кос-горбуш.
Обольстил он ее и убил.
Как ударил я оземь его,
Оскорбителя моего,
Слушать стал,
Как испустит он
Три выдоха последних своих,
Три выдоха белых своих.
Да нагрянул вдруг
Воин из высокой страны,
Равный силою мне
Воин из далекой страны —
Нюргун Боотур Стремительный сам,
Ратоборец, достойный меня,
Скачущий на гнедом скакуне
По кручам

Гладких бегущих небес,
По тучам
Белых ревущих небес.

Тут мы поиграли с ним,
Силы мы испытали с ним,
Бились тридцать дней и тридцать ночей,
Гулко воющих
Тридцать дней и ночей.
Плечи мы в бою истомили
И такой уговор положили —
Лечь, отоспаться,
Силы набраться,
Отдых дать
Изнуренным телам,
А потом опять на бой выходить,
Палицей черепа разбивать,
Мечом рубить.
В том мы клятву друг другу крепкую
дали,
Клятву кровью
На Черной скале написали.
И спали мы,
Отдыхали мы.

Туйаарыма Куо
(делает вид, что сердится)

Ох, злодей окаянный ты!
Ох, страшилище! За тебя
Доброй волей я замуж иду,
А тебя я ждала,
Ночей не спала.
От ожидания у меня
Окоченела спина!

А явился ты —
Подумала я:
Это смерть настала моя.
На полу распластавшись,
Огненный Змей,
До полусмерти
Ты меня напугал!

А когда обернулся медведем ты,
Да как встал на дыбы, да взревел —
Помутился рассудок мой.
А как синим огнем запылал,
А как красным огнем засверкал —
Встали дыбом волосы у меня,
Кости и жилы мои
Судорога свела...
И теперь еще вся я дрожу.
Ох ты страшный какой,
Ох и страшно с тобой!

Уот Усутаакы

Ты не бойся, дорогая моя!
Успокойся, золотая моя!
Весельчак я, с доброй душой.
В шутку я хотел попугать тебя.
Я хороший, с доброй душой.
Я хотел испытать тебя.
Я из лучших лучший, с доброй душой.
Я хотел получше узнать тебя.

Туйаарыма Куо

Хоть прославленный, сильный ты богатырь,
Хоть в боях над противником верх берешь,
Ты по глупости своей пропадешь.
Нет! Печальна участь моя.
Непомерна глупость твоя.
Когда ненавистника твоего,
Скачущего на гнедом скакуне,
На рожденном стоя коне,
Нюргун Боотура ты повстречал —
Почему его ты не растоптал
На крутых девяти холмах,
Да еще отпустил отдыхать,
Силу новую набирать?
Новый бой тебе предстоит,
А я в ожиданье сижу —
Скоро ль мужа в тебе найду,
Скоро ль сына тебе рожу,
Скоро ль выкормлю я его,

Чтобы он хозяином рос,
Чтобы он защитником рос
Дома обильного твоего?

Нюргун Боотур сам
Здесь недавно был,
Издевался, глумился он над тобой,
Обидные слова говорил:
Мол, Уот Усутаакы
Силен на словах,
Хоть бездонного моря владыка он,
Хоть хвастает мощью великой он,
Назывался он воином до сих пор,
А на деле он — не воин, а вор.
Колдовством своим он морочил людей,
А на деле он — самых слабых слабей.
За кушак не успеешь схватить его —
Он уж охает и кряхтит,
Не успеешь руками сдавить его —
Весь костяк у него трещит,
И качается он, и шатается он,
Как гнилушка, в прах рассыпается он.
Хоть и много он колдовства напустил,
Нет в нем мощи и сил,
Телом тощ он и хил!

Уот Усутаакы

(похлопывая себя по бедрам)

Ах он дрянь, ах он рвань!
Ах он ползучая тварь!
Летал, скакал,
Наконец отыскал,
Над кем издеваться,
Над кем измываться.
Надо мной? Хо-хо-о!

Туйаарыма Куо

А когда я сказала ему,
Что, мол, попусту ты кричишь,
Что, мол, издали ты грозишь,
Погоди, прилетит мой муж,

Он тебя научит уму, —
Рассердился он, крикнул мне:
«Как тебе, адьарайской жене,
Не вступаться за него,
За страшилища своего.
Только если бы мне довелось
Повстречаться с ним хоть разок
На развилье восьми дорог —
Сел бы я на него верхом,
Как коня бы его гонял,
Душу бы я вытряс ему,
Уши бы я вырвал ему,
Превратил бы его в раба своего,
Стал бы его плеткою драть,
Грязь велел бы за мной убирать,
Чтоб скулил, увивался он,
Словно серый пес,
Чтоб хвостом вилял и ласкался он,
Словно пестрый пес».
Так Нюргун меня поносил,
Так позорил меня,
Что мне от стыда
Провалиться сквозь землю хотелось тогда,
Вот какую обиду нанес он мне,
Нареченной твоей жене!

Уот Усутаакы

Ах, злодей! Ах, вор! Ну и ну!
Светлолицая ты моя,
Был бы дома в ту пору я,
Я расправился б с ним, со щенком,
Не грозил бы он кулаком,
Не срамил бы мою жену!

(Подходит к Туйаарыме Куо, неуклюже сгибая колени.)

Ах ты, пташечка золотая моя,
Ты вступаешься за меня!

Туйаарыма Куо
(подавшись к нему)

За кого же еще заступаться мне,
Если не за тебя, мой супруг!

Повелела мне твоею стать
Мать любовных желаний Айыысыт,
За пазухой у тебя лежать,
Быть в дому твоем госпожой, женой.
Великая чадородия мать
Мне велела детей для тебя рожать.
Ты так долго прийти ко мне не хотел,
Я так долго ждала без сна,
Что окоченела моя спина,
От тоски затылок одеревенел!

Уот Усутаакы
(прикрыв рот рукой, хохочет)

А-арт-татай!!!
Ну, братцы богатыри!
Вот не ждал, не гадал!
Ах ты, медногрудая пташка моя!
Я-то думал — я гадок тебе,
А ты скучала тут без меня,
Ждала, тосковала тут без меня.

(Отбрасывает в сторону меч и копье.)

Ну-ка, ну-ка, дай поцелую тебя,
Золотую птичку мою,
В личико беленькое твое!
Ну-ка, ну-ка, дай обнюхаю я
Личико тепленькое твое!
Кровь во мне кипит,
Кровь в ушах стучит,
Многожильное сердце в моей груди
Раздувается от страсти к тебе,
Колени мои, подгибаясь, дрожат,
Всё нутро во мне начало гореть,
Не могу я больше терпеть!

(Разгоряченный, вне себя, он расстегивает свой железный блестящий пояс и трехслойную железную кольчугу, которая расходится по швам.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Неожиданно появившийся Нюргун Боотур, представ перед Уотом Усутаакы, вонзает в него меч. «Хо-о! Что со мной?» — заревев, пораженный внезапным ударом Нюргуна, Уот Усутаакы валится на пол и, стараясь вырваться, хватаясь за рукоятку меча Нюргуна, бьется и кружится. Разрушив половину огромного жилища, они вываливаются наружу.

Нюргун Боотур

(наступив на Уота Усутаакы)

Тут и смерть тебе, и конец тебе!
Ну, лиходей, ну, чародей,
Вор, подкрадывавшийся в ночах
На косматых своих ступнях,
На коленях кривых,
Хватавший людей живых,
Добрых людей айыы,
Поддерживаемых силой небес!

Ну, выходец из преисподних бездн,
Твое рыло сажи черней,
Ты восьмьюдесятью восьмью
Заклинаньями, издалека
Налетавшими, как облака,
Светлый мир земной разорял,
Мирный люд живой истреблял;
Ты хоботом длинным своим
Обвивал и утаскивал лучших людей
Из улуса дневных лучей;
Ты, как вор, ночною порой,
Ты обманной своей маро́й
Девяноста и девяти
Волхвований черных твоих
Походя людей похищал,
С хохотом ты их умерщвлял!

Злодеяний твоих бадья
Переполнилась через край.
Срок настал за всё
Расплатиться тебе.
Вот я навзничь тебя повалил,
Становую жилу твою ухватил
Смертоносной рукой,

Я толстую кожу твою распорол
Боевым мечом,
Огневым мечом!
Последний твой час настал,
Последнее слово свое скажи,
Последние мысли свои сообщи.
Прощайся, пока ты жив,
Прощайся с темной своей страной,
Прощайся с ущербной своей луной,
Со щербатым солнцем своим.
Пришла мне пора
Тебя разрубить
Мечом, проклятого, распластать!

Уот Усутаакы

(бьется, изрыгая кровь и пламя)

Больно мне! Тошно мне!
Жжет, горит...
Тяжко погибать,
Страшно умирать!
Тяжело, нестерпимо мне!
Победил ты, перехитрил!
Ох, постыдно мне!
Одолел ты меня, свалил,
Ох, обидно мне!
Грозной я поражен рукой,
Поздно мне тягаться с тобой.
У тебя, победитель мой,
Слава до неба возрастет,
У тебя, погубитель мой,
Счастье буйное расцветет.

(Обращаясь к Туйаарыме Куо.)

Белокожая, по твоим следам
Я ходил и себя сгубил,
И могилу вырыл себе.
Кожей бледной твоей обольщен,
Кости дюжие свои сокрушил.
И рассыплется мой могучий костяк,
И забудется слава моя!
Я, как видно, разум свой потерял,
Я коварства вашего не разглядел —

И убит за то, и погиб...

(Обращается к морю.)

Эй, бездонное море мое,
Огнемутное, льдистое море мое!
Эй, мой сумрачный Нижний мир,
Темная отчизна моя,
Где щербато солнце,
Где месяц щербат!
Эй, владыка заклятий и чар,
Меченный огневою стрелой,
Бог мой — Кочай Кэрэх!
Эй вы, матери и отцы
Волхвований великих моих,
Адьарайские племена,
Лютые родственники мои,
Сидящие на кошмах
Из запекшейся крови убитых врагов,
Прародители кровопролитья и зла,
Зачинатели войн и смут,
Родичи удалые мои,
Живущие в трех преисподних мирах,
Улусов заплесневелых богатыри,
Каждый в глыбу навозную величиной,
Все прощайте, все —
На долгие времена,
На вечные времена!

Пусть ваших туловищ верхняя часть
Сузится, отощав,
Покроется белым льдом!
Пусть ваших туловищ нижняя часть
Взбухнет, распучится, обрастет
Сосульками застарелого льда!
Пусть покроет вас плесень и гниль
Со всех четырех сторон!..

Ох, как рана моя болит,
Будто жаром, нутро палит!..

(Обращаясь к Нюргуну.)

Слушай, великодушный муж!
Умоляю тебя, заклинаю тебя,
Поклоняюсь трем твоим темным теням,

Если есть еще сила в плечах у тебя,
Ты еще удар нанеси,
Поскорее меня добей,
Муки мои прекрати,
Жизнь мою укороти.
Видишь ты — я еле дышу,
Как на паутинке вишу...

Нюргун Боотур

Ну, друзья, поглядели бы вы
На проклятого сына тьмы,
На черномазую харю его,
На согнутые колени его.
Еле жив лежит,
А какую обиду еще изрыгает,
Какой ядовитый смрад испускает!
Я тебя сейчас,
Невидимкин сын,
Раскромсаю, мечом разрублю,
Сердце лютое копьем проколю,
По ветру тебя я пущу,
Во славу солнца,
Во славу луны!

(заносит копье для удара.)

Туйаарыма Куо
(встрепенувшись)

Погоди, господин мой, брат,
Удержи свой второй удар!
От второго удара
Колдун-адьарай
От ран исцеляется, говорят,
На бой подымается, говорят,
Полный несокрушимых сил.
И великая будет беда —
Не спасемся мы никогда!

Нюргун Боотур
(отступает)

Ну, спасибо, сестра,
Отвела напасть.
Чуть не влез я сам
К погибели в пасть.

Уот Усутаакы

(поднатужившись, изо всех сил вопит)

О-оо, мученье!
О-оо, горе мне!
Эх, когда бы копьем ты меня пронзил —
Стал бы полон я новых сил,
Мы бы снова начали бой,
Мы руками бы за пояса взялись...
Да уж поздно теперь сожалеть!
Так и быть...
Ты останешься жить,
А мне — умереть.

(Тяжело вздохнув, умирает.)

Поднимается черное, как сгусток крови, пламя и рассеивается.

Нюргун Боотур

(рвет кандальные цепи с Туйаарымы Куо)

Ну, моя дорогая сестра,
Светлолицая Туйаарыма Куо,
Вот оковы с тебя я сбил,
Вот освободил я тебя
Из железной темницы твоей,
Из адьарайских когтей!
Ты, дитя народа айыы,
Возвращайся в страну айыы,
Разжигай великий огонь,
Чтоб пылал огонь в очаге,
Чтоб твой изобильный дом
Освещал огонь в очаге.
Ты, солнечных улусов дитя,
Возвращайся в солнечную страну,
Свей себе золотое гнездо,
Чтоб сияло то золотое гнездо
На расстоянье дневного пути!

Уничтожен извечный враг.
Нужно нам теперь поспешать
Погибающих наших спасать.

Туйаарыма Куо приветствует Нюргуна восклицанием: «Уруй! Уруй! Уруй!» — и ему низко трижды кланяется. Потом направляется к Юрюнг Уолану. Юрюнг Уолан не дышит, не двигается, лежит как мертвый.

Туйаарыма Куо
(испуганно)

Господин мой, старший брат,
Подойди сюда, погляди —
Юрюнг Уолан,
Супруг нареченный мой,
Бездыханным трупом лежит,
Не шевелятся ресницы его,
Веками взгляд закрыт.
Едва от неволи освобождена,
Неужель я навеки разлучена
С сыном солнца, другом моим,
С дорогим супругом моим?!

Нюргун Боотур

Если спит — разбудим его,
Если мертв — мы его оживим.
Рано плакать тебе,
Горевать над ним.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Как бы устыдившись, Туйаарыма Куо молчит. Нюргун Боотур кружится против хода солнца, обращается в Уота Усутаакы и подбегает к двери чулана, что находится на левой стороне.

Нюргун Боотур
(голосом Уота Усутаакы)

Ой, беда! Ой, гибель моя!
Моя рана горит,
Распорота толстая кожа моя,
Хлещет черная кровь моя!
Наступила, видно, пора
Трем могучим черным душам моим
Рассеяться, словно дым...

Эй, хозяйка железного потолка
Хохочущих трех преисподних моих,
Медная Дьэс Эмэгэт,
Кружащаяся всегда,
Вертящаяся всегда,
Отмыкай живей

Косматый засов
Гулкой крышки моих кладовых!

Если выпью глоток я живой воды,
У грозного Дьесегея
Похищенной в былые года, —
То не обрушится никогда
Балка, держащая потолок
Хохочущих трех преисподних моих!

Ох, как рана моя болит,
Вся утроба моя горит...

Высовывается дух верхней матицы трех хохочущих преисподних — Медная Идолица. Тихо хихикая: «Ээ-хэ-хэ», кружится. Потом раздается сильный гул, и железный чулан со стуком открывается настежь. Нюргун Боотур спускается в открывшуюся пасть преисподней.

Туйаарыма Куо

Пусть сопровождают тебя
Пожелания благие
Твоих друзей,
Людей народов айыы
С поводьями на хребте!
Пусть охраняют тебя
В подземной той темноте
Пожелания добрые братьев твоих,
Солнечных богатырей
С поводьями на спине!
Пусть защищают тебя
Мысли их — подобно броне!
Уруй-айхал!
Уруй-айхал!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Держа в руке череп соболя с сверкающей живой водой, выходит из преисподней Нюргун Боотур.

Нюргун Боотур

(опускается на колени рядом с Юрюнг Уоланом, склонив голову)

Ну вот, дорогой мой брат,
Солнечного улуса дитя

С поводьями на спине,
Юрюнг Уолан, младший мой брат,
Летающий над землей
На мотыльково-белом коне,
Видимый высоко,
Над высокой изгородью столбовой
О трех засовах больших!
Если спишь — проснись,
Если мертв — подымись!
Пусть дрогнут ресницы твои,
Пусть откроются зеницы твои!
Пусть жизнью тело твое расцветет,
Бессмертие обретет!
Пусть настанет радость у нас,
Пусть пойдет ликованье у нас,
Уруй-айхал!
Уруй-айхал!

(Он капельками вливает в рот Юрюнг Уолана живую воду и обрызгивает ею его тело.)

Юрюнг Уолан

(удивленный, быстро садится)

Что за чудо!
Как долго я спал,
Будто смертью сражен, лежал.
Если мертв я был,
То как будто во сне,
Если спал я,
Смерть, видно, снилась мне.

(Увидев Туйаарыму Куо и брата, вскакивает на ноги и кланяется.)

Повелитель мой, старший брат,
По моим простывшим следам
Прискакавший за мною сюда,
«Уруй!» — восклицаю тебе.
Суженая подруга моя,
Хотун — супруга моя,
«Айхал!» — восклицаю тебе!

Все целуются и радостно трижды восклицают: «Уруй!» Два богатыря, кружась по ходу солнца, кличут своих лошадей криком: «Хоруу! Хоруу!»

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Наверху слышен прерывистый гул и топот двух коней. Этот гул усиливается, приближается. Друг за другом опускаются два коня, один гнедой, фыркая и выдыхая пламя, другой — белый, сверкая и белея. Н ю р г у н Б о о т у р, открутив голову Уота Усутаакы, вытаскивает сердце и печень его, насаживает их на острие своего копья и, подняв высоко над головой, вызывает дочь духа войны Илбиса.

Н ю р г у н Б о о т у р
(опускаясь на колени)

Ну вот! Ну, добро, добро!
Наконец одолел я врага!
Слушай, слушай меня,
Грозная, страшная наша сестра,
Свирепая Холбонньой Куо,
Черная сила, кровавая пасть,
Ростом ты в вековую ель,
Дочь высокого неба, душа войны,
Махающая черным крылом,
Держащая в лапах кровавый черпак,
Сталкивающая племена
На поле жестоких битв!
Давнего врага я убил,
И счастье мое возросло,
Кровного врага я убил,
И судьба моя высока!

Кланяюсь я тебе
Печенью черной врага,
Кланяюсь я тебе
Головой и сердцем врага,
Подымаю свой дар на высоком копье,
Чтобы бросить его в твою пасть.
Сойди, приди!
На развилье восьми путей,
На кресте девяти путей
Я стою, подняв на копье
Боевую добычу свою.
Поклоняюсь тебе, сгибая спину свою.
Приведи великого духа войны,
С полосатым пятном на лбу,

С кровожадной пастью,
Полной зубов.
Радость я вам возглашу,
Дар богатый вам приношу!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Откинув на затылок шапку с серебряными рогами, Нюргун Боотур трижды приподымает над головой насаженный на острие копья свой подарок. Со стороны северного неба слышны резкий шум крыльев, алчное клохтанье глотки, свирепое царапанье когтей спускающегося вниз небесного Белоголового Ворона, с колючим железным оперением, с черными скрюченными когтями, с длинным заостренным клювом. Он, каркая, проносится так, что только показываются его открытый, с красным нёбом, клюв да ноги с растопыренными когтями.

ПЕСНЯ ДУХА ВОЙНЫ

Хорошо, хорошо!
Эй, дитя айыы!
Счастья не знай никогда,
Детей не рожай никогда,
Не ведай объятий жены,
С миром не знайся, в битвах живи,
Век свой купайся в крови!
Черной печенью врагов угощай,
Сердцем с крепкими жилами их встречай
Всю свою долгую жизнь,
Не падай от черных стрел,
От копий не умирай,
Покуда не захлебнешься в крови!
Мира не жди, счастья не жди,
До старости войны веди!

Нюргун Боотур

Смотрите, смотрите все —
Нет его, теснившего нас,
Улуса солнечного сыновей,
Улуса солнечного дочерей
С поводьями за спиной!
Уот Усутаакы убит,
Хозяин бездонных бездн
Огнемутного, ненасытного моря,

Летавший с незапамятных лет
На огненном змее, как на коне, —
Мертв, никогда не подымется он.
Раздроблены длинные кости его!
Пусть западный шумный проход
Нижнего бедоносного мира
Завалится на девять веков,
Дебрями зарастет...
Я — Нюргун Боотур сам,
Скачущий на могучем коне
По верхним стремительным небесам,
Я — Нижнего мира гроза,
Славою прогремел,
Громом подвигов наполнил я мир,
Средний, на глине основанный мир,
Я — Нюргун Боотур, не знавший ярма,
Победил врага и заклял!
В дом врага пускаю стрелу,
Вывожу вас в сияющий Средний мир.
И пусть над речью моей
Раздумывают потомки мои,
Люди с каменным теменем гладким,
Мудрецы с глубоким умом.

(Пускает стрелу в стену.)

Юрюнг Уолан

(подбегая к очагу)

Заклятье изречено, стрелою пригвождено!
Не будет горя, не будет зла!
Давно ведь предрешено,
Что разрушим мы жилище врага,
Что потушим мы вражий очаг
И развеем пепел дотла.
Мы потушим очаг, смеясь,
Мы разрушим дом, хохоча!

(Развеивает пепел и разрушает очаг сильным толчком.)

Занавес

1930

46. НЮРГУН БООТУР СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ

Заключительные подвиги

1. ‹МАТЬ-ЗЕМЛЯ ИЗНАЧАЛЬНАЯ›

Далеко за дальним хребтом
Давних незапамятных лет,
Где всё дальше уходит грань
Грозных, гибельных, бранных лет,
За туманной дальней чертой
Несказанных бедственных лет,
Когда тридцать пять племен,
Населяющих Средний мир,
Тридцать пять улусов людских
Не появились еще на земле;
Задолго до той поры,
Как родился Арсан Дуолай,
Злодействами возмутивший миры,
Что отроду был в преисподней своей
В облезлую доху облачен,
Великан с клыками, как остроги;
Задолго еще до того,
Как отродий своих народила ему
Старуха Ала Буурай,
С деревянной колодкою на ногах
Появившаяся на свет;
В те года, когда тридцать шесть
Порожденных ими родов,
Тридцать шесть имен и племен
Еще были неведомы сыновьям
Солнечного улуса айыы
С поводьями за спиной,

Поддерживаемым силой небес,
Провидящим будущий день;
И задолго до тех времен,
Когда великий Улуу Тойон
И гремящая Куохтуйа Хотун
Еще не жили на хребте
Яростью объятых небес,
Когда еще не породили они
Тридцать девять свирепых племен,
Когда еще не закляли их
Словами, разящими, словно копье,
Люди из рода айыы аймага
С поводьями за спиной —
В те времена
Была создана
Изначальная Мать-Земля.

Прикреплена ли она к полосе
Стремительно-гладких, белых небес —
Это неведомо нам;
Иль на плавно вертящихся в высоте
Трех небесных ключах
Держится нерушимо она —
Это еще неизвестно нам;
Иль над гибельной бездной глухой,
Сгущенным воздушным смерчем взметена,
Летает на крыльях она —
Это не видно нам;
Или кружится на вертлюге своем
С песней жалобной, словно стон, —
Этого не разгадать...

Но ни края нет, ни конца,
Ни пристанища для пловца
Средь пучины неистово-грозовой
Моря, дышащего бедой,
Кипящего соленой водой,
Моря гибели, моря Одун,
Бушующего в седловине своей...

Плещет в грохоте грозовом,
Дышит яростью, полыхает огнем

Древнее ложе Земли —
Грозное море Сюнг,
С неколебимым дном,
Тучами заваленное кругом,
Кипящее соленой водой,
Мглой закрывающее окоем,
Сонма лютых смертей притон,
Море горечи, море мук,
Убаюканное песнями вьюг,
Берега оковавшее льдом.

С хрустом, свистом
Взлетает красный песок
Над материковой грядой;
Жароцветами прорастает весной
Желтоглинистая земля
С прослойкою золотой;
Пронизанная осокой густой
Белоглинистая земля
С оттаявшею корой,
С поперечной балкой столовых гор,
Где вечен солнечный зной,
В широких уступах глинистых гор,
Объятых клубящейся голубизной,
С высоким гребнем утесистых гор,
Перегородивших простор...

С такой твердынею под пятой,
Нажимай — не колыхнется она!
С такой высоченной хребтиной крутой,
Наступай — не прогнется она!
С широченной основой такой,
Ударяй — не шатнется она!
Осьмикрайняя, на восьми ободах,
На шести незыблемых обручах,
Убранная в роскошный наряд,
Обильная щедростью золотой,
Гладко-широкая, в ярком цвету,
С восходяще-пляшущим солнцем своим,
Взлетающим над землей;
С деревами, роняющими листву,
Падающими, умирая;

С шумом убегающих вод,
Убывающих, высыхая;
Расточающимся изобильем полна,
Возрождающимся изобильем полна,
Бурями обуянная —
Зародилась она,
Появилась она
В незапамятные времена —
Изначальная Мать-Земля...

2. ⟨ПРАРОДИНА ЛЮДЕЙ КЫЛАДЫКЫ⟩

Там, на теплом, лучшем месте ее,
Возле печени золотой,
В средоточье светлом ее,
Где белое солнце
Летом встает,
Сверкая, как медный меч,
Где над горбатым хребтом,
Над покатым теменем гор
Белое зимнее солнце встает,
Сверкая, как медный меч,
Вырванный из ножон,
Там — без края и без конца —
Необъятная долина лежит.
Девяносто девять
Могучих рек
Бурливо текут
По долине той;
На обширных аласах ее
Восемьдесят восемь
Кипучих рек
Сливаются в величавый поток;
Там семьдесят семь
Говорливых рек
В зеленеющих берегах,
Словно дети — веселой гурьбой,
За руки схватившись, бегут.

Там бураны
Бывают порой,
Катящие с грохотом

Глыбы камней
С трехлетнюю телку величиной;
Там ураганы бушуют порой,
Катящие камни — величиной
С четырехлетка-быка.
Там обвалы гремят в горах,
Вихри вздымают до облаков
Глинистую белую пыль;
Там россыпи
Красных и желтых песков
Вскипают, клокоча...
Деревья такие огромные там,
Что древняя с них
Спадает кора,
Темные, дремучие там леса,
Заросли непроходимых чащоб...
А далеко — на солнечной стороне —
Высокие сопки стоят,
Каменные горы за облака
Заносят острые скалы свои...
Так необъятен этот простор,
Что птица журавль
И за девять дней
До края долины не долетит,
Даже быстрая птица стерх
На блестящих, белых крыльях своих
Эту ширь не в силах перелететь,
Заунывно кричит: «Кы-кыы!»
Сокровенно таится в долине той
Красно-тлеющий камень сата,
Завывая зловеще, там
Летает, кружится
Дух Илбис.

Необозрим кругозор,
Неизмерим простор
Великой долины той —
Широкой равнины той;
Прославленное имя ее —
Праматерь Кыладыкы.
Там степная трава зелена,
По траве будто волны бегут;

Там деревья густо цветут;
Крупной дичи там счета нет,
Мелкой дичи там сметы нет.
В изобильной этой стране
Приволье горлицам и сарычам,
Там кукушки звонко поют всегда...
Но до той поры,
Пока с высоты
Белых неколебимых небес
Великий Айынга Сиэр Тойон
Трех своих любимых детей
На облаке не опустил,
Повелев им жить на Средней земле, —
До той поры никто из людей
На просторах праматери Кыладыкы,
На изобильной ее груди
Не построил себе жилья —
Ни берестяной урасы,
Ни дома прочного не воздвиг,
Не зажег в очаге священный огонь;
Никто загона не городил
Для стада своих коров.
Огромная эта страна,
Грозная изобильем своим,
Свирепая безлюдьем своим,
Еще хозяина не нашла;
Сюда богиня Айыысыт
Еще жизни не принесла.
Полчища верхних абаасы
Приходили сюда без помех,
Адьаран, подземные абаасы
Вольно выходили сюда,
Затевали игры свои.

Я радостно вам спою, расскажу
О чудесной, великой этой стране,
О таинственной этой стране.
Далеко на южной ее стороне
Возвышаются девять горбатых гор,
Обрываются девять увалов крутых, —
Будто это девять огромных коней,
Чьи хозяева — Тобурах Бай

И Тогурайа Хотун,
Над пустыней гибели и смертей,
Защищая свои табуны,
Друг против друга взвились на дыбы
И застыли, окаменели навек.
Эти девять хребтистых гор,
Будто девять оленей,
Склонивших рога,
Готовых наброситься на врага;
А если к подножию их подойти —
Эти горы, как девять могучих быков,
Увязших в мерзлой земле,
Провалившихся по самый живот,
Наклонив широкие лбы,
Угрожая друг другу, стоят,
Застывшие навсегда...
Эти девять угрюмых гор,
Словно исполины, лежат,
Простершиеся на боку...
По ущелью обширный лег перевал,
А за перевалом — провал...
Там крутыми уступами горный путь
Опускается в Нижний мир.
Утесы острые там,
Словно зубья гребня, торчат.
По тому обрывистому пути,
По широкому перевалу тому
В древние времена выходил
Прославленный богатырь-адьарай
Алып Хара Аат Могойдоон,
Ездящий на низкорослом быке,
У которого из-под верхней губы
Торчат кривые клыки.
За ним подымались в Средний мир
Полчища абаасы
Грабить добро,
Разорять дома,
Убивать людей
Из рода айыы.
Между этих обрывистых гор
Ветры сильные дуют всегда,
Вихри бушуют всегда,

Каменные обвалы гремят...
Там, бесконечное, пролегло
Ущелье горя и мук —
Урочище Ледяной Хотун;
Как перерезанная гортань,
Там зияет теснина
Хаан Дьаралык,
Там вьется дорога снизу вверх,
Там клубится, дышит
Черный туман.

Если полетим на восток
Великой равнины Кыладыкы,
Где по светлому небосклону бегут
Перистые облака,
Что похожи на пеструю грудь
Тетерева, глухаря,
На востоке откроются нам
Темные глухие леса...
До другого края этих лесов
Никакая птица не долетит.
В том лесу исполины-деревья растут,
Шелестят густою листвой;
С их древних стволов
И толстых ветвей
Сама спадает кора.
Похожи деревья в этом лесу
На шаманок давних времен,
Когда встречали с пляской они,
Буйно прыгая и кружась,
Неистово в бубны гремя,
Идущую к ним наяву
Жизнедарящую Иэйэхсит,
Когда благодатной своей рукой
Поглаживает она
Золотистые щеки свои,
Румяные, как закат и рассвет
На ясном небе весной.

Если на крылатом коне
Дальше полетим на восток,
На открытом просторе увидим мы

Величавое в блеске своем
Озеро с островом среди волн.
В нем вода — как белое молоко,
Желтым маслом сверкает рябь,
Творожные отмели на берегу.
Гоголи с плеском ныряют там,
Турпаны слетаются там...
Еще дальше синее озеро есть;
По белым балкам,
С зеленых гор,
Прыгая по камням, журча,
Сбегают к нему ключи;
Аисты зимуют на нем,
Каменушки-утки зимуют на нем...

И еще чудесное озеро есть, —
Его зеркальная гладь
Не туманится никогда...
Здесь птицы стерхи поют,
У которых граненый клюв,
Красная кайма на глазах;
Сюда слетаются журавли,
Здесь гагары играют, нырки.
Если дальше еще глядеть
Сквозь утреннюю лучистую мглу —
За тремя озерами, вдалеке
Увидим: с неба до самой земли
Опускается изволоком перевал,
Радугой переливаясь, горя...

Когда ходящий на двух ногах,
У кого лицо впереди,
К Юрюнг Аар Тойону
В Верхний мир
Обращаясь, песню поет —
По уступам небесного склона того
Иэйэхсит нисходит к нему,
Айыысыт одаряет его.
Если быстрый брошу отсюда взгляд
В пасмурный низ,
В бездонную щель
Метели кружащего, колдовского

Северного склона небес —
Выступят из мглы вихревой
Восемь свирепых горных вершин...
Там великий Куктуйский пролег перевал,
Там вечно лютует буран,
Будто древний колдун-шаман
Днем и ночью кружится,
Снега подымая,
Громко в бубен свой ударяя,
Камлает неистово —
Правит кыырар,
Косматыми волосами трясет...
А за горами вдали
Светлый открывается дол;
Березы белые там растут,
Похожие на стада лебедей,
На стройных, как стерхи,
Женщин-хотун,
Когда степенно выходят они
На широкий, ровный алас,
Где праздничные игры идут,
И сами, радуясь и смеясь,
Колыхаясь красиво,
Ровно ступая,
Пляску свою ведут...
Серебряные украшения их
Сверкают, брящают в лад,
Алым шелком горят у них
Собольих шапок верхи,
Белеют бляхи на лбу.

А за долиной белых берез
Железные горы ввысь поднялись,
Будто красные жеребцы
Яростно взвились на дыбы,
Грызутся между собой;
Словно могучие лоси-самцы,
Ощетинив шерсть на загривках крутых,
Сшиблись и застыли навек —
Так вот, острые горбя хребты,
Эти горы тесно сошлись.
Между гор теснина лежит,

А по той теснине из-под колдовских
Северных, метельных небес
Хоромнью Хаана орда
Выходила на белый свет
Грабить и убивать людей
Солнечного улуса айыы.
Эта теснина и есть —
Великанша Куктуй Хотун;
Здесь она разевает бездонную пасть,
Здесь — опасные колдовские места.
По этой теснине глухой,
Из бездонно-погибельного жерла
Выходили нижние абаасы,
Истребляя всё, как огонь,
Разрушая всё, что успел собрать,
Что успел создать, взрастить, накопить
Добросердечный народ айыы.

От Сюнг Хаана в былые века,
От племени
Сюнг Дьаасына
Принявший бессмертный дух и судьбу,
Выше этих железных гор
На округло-широких крыльях своих
Носитель смерти парил —
Небесный орел Хотой Хомпоруун,
С металлически-звонким клювом своим,
С клекочуще-каменным нёбом своим,
Медные лапы, хвост острогóй.
По ночам прокрадывался сюда
На волосатых лапах своих
Невидимка Тимир Дьигистэй —
Старейший средь нижних абаасы.
Трижды мог умереть он
И трижды ожить —
Так предначертано было ему...

Далеко, где желтеет склон
Западных холодных небес,
Под грядою клубящихся облаков
Раскинулось широко,
Вздуваясь темной водой,

Разбиваясь о берег пенной волной,
Играет, бушует, гремит
Великое море Араат.
Через просторы моря того
Птица не пролетит.
Восемь заливов его
Вторгаются в грудь земли,
За восемь дней пути
Слышно, как грохочет прибой...
На море волненье всегда,
Леденящим холодом дышит оно,
Не стихают бури на нем никогда,
Не умолкает прибой никогда.
А что лежит за морем Араат?
Там — под нижним краем
Закатных небес —
Подымаются, словно белый дым,
Громоздятся, как облака,
Белые горы в снегу.
На хребте синеющем этих гор
Обрывистые утесы торчат,
Вершины острые их,
Словно копья широкие, поднялись...
Как ступенчатые горловые хрящи,
Громоздятся скаты каменных гор.
Здесь берет начало
Широкий, большой
Перевал Кээхтийэ Хаан,
Чья хозяйка — свирепый дух;
Здесь лютует она,
Здесь колдует она,
Обвалами грохоча...
По страшному перевалу тому,
По обрывам непроходимым его
Спускаются в Средний мир
Свирепые верхние абаасы,
Самые первые богатыри
Ненасытно-буйных небес,
Чей родич — алчный Аан Дархан.

Здесь изрыгает дым и огонь
Таинственное жерло;

Оттуда выходит в ночи на грабеж,
Туда уходит потом,
С награбленным им добром,
Ненавидящий всех людей
Уот Усуму Тонг Дуурай.
На восьминогом огненном змее
Сидя верхом, выезжает он,
Всё живое сжигает он
Смертоносным своим огнем.
Это он истребил племена
Кюксэ Хаадыат
И Кюкэ Хахат;
Это он пожрал их стада,
Ближних соседей их перебил,
К дальним их соседям пришел,
Обездолил их и угнал их скот...

На груди праматери Кыладыкы,
В долине ее золотой,
На широком ее хребте,
На лоне, блистающем белизной,
Вырос некогда сам собой,
Вспучился из-под земли
Глинистый высокий курган;
На округлой вершине его
Поднялись еще три холма.
За девять суток пути
Вершина его отовсюду видна;
За восемь дней пути
Седловина его видна.
На вершине кургана того,
Между тремя холмами его,
Посреди седловины крутой
По велению неба
В начале времен,
Раскинув пышные восемь ветвей,
Выросло древо Аар-Лууп.
Так высоко оно поднялось,
Так широко разрослись
Могучие ветви его,
Что осенили землю они,
Заслонили солнце они.

У прекрасного древа того
Тонкие ветки из серебра
Звонко поют на ветру;
На могучем его стволе
Темная золотая кора...
Круглый год оно
Зеленеет, цветет.
Как огромные кубки для кумыса,
Как большие чороны
С резной каймой,
Золотые орехи зреют на нем,
Срываются с высоких ветвей,
Разбиваются у корней,
От удара паденья своего
Раскалываются они,
Проливая созревшую в них
Желтую благодать.
Широкие листья его,
Словно конские чепраки
Из шкур молодых кобылиц,
Широко под ветром шумят;
Если ветра нет —
Всё равно они,
Как живые,
Колышутся, шелестят...
В древе том обитает
Хозяйка Земли,
Дух великий деревьев и трав,
Аан Алахчын
Манган Мангалын,
Дочь Юрюнг Аар Тойона,
Владыки небес,
Посланная жить на земле,
Одарить щедротами
Средний мир,
Украсить, обогатить
Долину жизни грядущих людей,
Деревом-матерью быть
Племенам уранхай-саха...
Шелестело древо густою листвой,
Будто говорило само с собой:

«Если б вольно я
В высоту росло,
Я до неба
Дорасти бы могло.
Поднялись бы верхние ветви мои
Выше стремительных
Белых небес,
Восемь моих могучих ветвей
Раскинулись бы в высоте,
Как восемь густых лесных островов,
Над становьем,
Где грозный живет
Улуу Суорун Тойон...
Там несметное племя его,
Свирепые верхние абаасы,
Чьи завистливы огневые глаза,
Чьи железные клювы остры,
Отведали бы моих плодов,
Взялись бы хвалить, клевать
Золотые орехи мои,
Стали бы пожирать
Желтую благодать мою,
Стали бы жадно пить
Белую благодать мою;
Привязался б ко мне
Их лютый дух,
Прилипла б ко мне
Их лютая страсть,
Выпила бы соки мои...
И высокие ветви мои
Сохнуть начали бы тогда,
Рухнул бы могучий мой ствол,
Пошатнулось бы счастье Средней земли...
Если бы восемьдесят восемь моих
Могучих толстых корней
Прямо вниз росли,
В глубину земли,
То проникли бы корни мои
В страшный подземный мир;
Через его дождливую пасть
Высунулись бы корни мои
В середине аласа Алып Ньахсаат,

Где владыка Нижнего мира живет —
Родившийся в облезлой дохе
Исполин Арсан Дуолай...
Несметное племя его,
Чьи медные клювы остры,
Припали бы к белым моим корням,
Стали б корни мои сосать,
Высосали бы сок из меня,
Высохли бы корни мои;
И без опоры в земле
Рухнуло бы я с высоты
Грузным своим стволом...
Беззащитным остался бы Средний мир,
Перестала бы к людям сходить
Благодатная Айыысыт;
Некому было бы разводить
Тучный молочный скот,
Запустели бы стойбища мирных людей,
Опустели бы их дома
И пришел бы жизни конец!..»

Вот поэтому, говорят,
Великое древо Аар Лууп,
Широко раскинув ветви свои,
Не проникает верхушками их
За край ненасытных небес,
А простирает зеленую сень
Над простором Средней земли.
Восемьдесят восемь его
Толстых столбов-корней
Не прорастают в Нижний мир,
А распластываются в толще земли;
До далекого острова Сихта они
Тянутся под землей...
Густые ветви его
Куполом высятся над землей
На семьдесят дней пути,
Изгибаются плавно вниз,
Достигая моря с одной стороны,
А с другой до Татты-реки...
Пышно красуется и цветет
Исполинское древо-мать;

Счастье белое падает на него
С трехъярусных белых небес,
Тяжелые золотые плоды,
Как чороны огромные для кумыса,
Срываются с отягченных ветвей,
Раскалываются пополам,
Ударяясь о корни свои,
А могучие корни,
Взрастившие их,
Впитывают все соки земли.
Верхняя древа часть
Орошает долину
Млечной росой,
Нижняя древа часть
Источает щедро вокруг себя
Божественно желтую влагу свою.

Вот какой прекрасной была
Долина Кыладыкы;
Широкие луговины ее —
По триста верст длиной,
Зеленые поймы ее —
По двести верст шириной...
Но не мог там себе построить жилья
Немощным рождающийся человек,
Ходящий на двух ногах;
Только реял там воющий дух Илбис,
Только тлел там
Красным огнем
Волшебный камень сата.

Обступали долину горы вокруг,
Огромные скалы, словно бойцы,
Воплями оглашая даль,
Колотушками боевыми — чомпо
По макушкам друг друга тузя,
Обвалы обрушивали с крутизны...

Была благодатная эта страна
Предназначена в древние времена
Для такого могучего богатыря,

На которого никто на земле
Не смог бы надеть ярма;
А пока налетали сюда
С северных, метельных небес
Сонмища свирепых племен,
У которых рты на груди,
Чей отец был Улуу Тойон,
А мать — грохочущая в высоте,
Неистовая Куохтуйа Хотун.
Огненными глазами они
Оглядывали равнинную ширь;
Им по нраву пришлось
По долине той
Прыгать, скакать, играть;
А от их тяжелых прыжков,
От свирепой игры и возни
Трещинами раскололась земля,
Буераками расползлась,
Раскололась оврагами вдоль и вширь.
Из-под купола вихревых небес
Заваленной тучами стороны
Набегали сюда племена
Подземных абаасы,
Чей отец — Арсан Дуолай,
А мать — старуха Ала Буурай,
Властители страшных
Подземных бездн.
Медными глазами они
Разглядывали равнинную ширь,
Им по нраву долина пришлась.
И вот исполины абаасы,
Как огромные ели, зимой
Покрытые грузным снегом и льдом,
Играли, прыгали тяжело,
Лишь метались темные тени их.
И от их тяжелых прыжков,
От чудовищной их игры
Балками раскололась земля,
Оврагами разорвалась...
Народившиеся от первых людей
Три племени уранхай-саха,

Четыре рода айыы-аймага
Сильных вырастили сыновей,
Отважных богатырей,
Не жалеющих головы своей.
Вставали отважные удальцы,
Выходили давать отпор
Налетавшим сверху врагам,
Нападавшим снизу врагам;
Кистенями размахивая, крича,
Шумно устремлялись они
В погибельный Нижний мир;
С копьями наперевес,
Толпами подымались они
По склону бурных небес
В грохочущий Верхний мир.
От полчищ верхних богатырей
Поражение терпели они;
От полчищ подземных богатырей
Терпели они урон;
А в Среднем мире своем
Укрытья не было им...

3. ‹РАЗРУШИТЕЛЬНАЯ СИЛА БОЯ БОГАТЫРЕЙ›

Налетел Уот Усуму
На Нюргуна-богатыря,
Громовыми голосами крича,
Оглушительным рыком рыча,
Начали биться они...

Закружилась над головами их,
Завизжала Илбис Кыыса,
Заголосил, завыл
Свирепый Осол Уола...

Суматоха великая поднялась,
Чудовищный переполох...
Колдовскую долину Хонгкурутта,

Каменную твердыню ее
В щебень истоптали они.
От тяжкого топота их
Верхний мир
Тревожно плескаться стал,
Словно белое молоко
В посудине берестяной;
Нижний мир,
Как кумыс в турсуке,
Взбуровился, грузно плещась;
Средний глинисто-каменный мир
Всей непомерной толщей своей,
Всей незыблемой ширью своей,
Как трясина, качаться пошел...

Всесветная
Наступила беда,
Несчастья несметные начались.
Проклятия, вопли, плач
Прокатывались по трем мирам;
Отовсюду страшный слышался рев;
Затрещали укрепы
Вселенной всей,
Зашатались опоры миров...

Сидящая на хребте
Зловещих нижних небес
Свирепая Куохтуйа Хотун
От грохота богатырской борьбы,
От великой тряски мира всего
Тошноты унять не могла,
Рвоты удержать не могла.
За сердце хватаясь, она
Заметалась в логове страшном своем,
Задыхаясь, жаловаться начала:
«Ох, сердце болит...
Ох, шею свело...

Темя ломит,
Затылок трещит!
Ой, как страшно дерутся они!

Теплое ложе мое,
Прощай!
Покой, тишина — прощай!»

Так, падая,
Подымаясь, мечась,
Плакала, голосила она.

В гневе просыпающийся ото сна,
Возвеличивающийся на темном хребте
Западных ненасытных небес,
Улуу Суорун Тойон
Почуял спросонья в груди —
Под самой глоткой своей —
Жгучую, нестерпимую боль.
Почувствовал в середине спины
Мучительную жестокую боль,
Почуял, будто ему
По темени кто-то бьет...

Это гул и дрожь
Земли и небес
От грузного топота ног
Дерущихся богатырей
Причинили ему жестокую боль,
Нагнали ему болезнь.
То встанет, то ляжет он,
Стараясь перетерпеть...

Но чем дальше, тем пуще
Драка идет,
Тем хуже чудовищному старику.

Ревмя он ревет,
Невтерпеж ему...
Дух перехватывает у него,
Хрипит несчастный старик.
Вылезли у него из орбит
Налитые кровью белки.
Всем нутром содрогаясь,
Улуу Суорун
Горестно икая, мыча,
Громко начал взывать.

Улуу Суорун Тойон

Ыа... Ыа... Ы-арт-татай!!!
Аа... Аа... Алаатыгар!!!
Оглушил меня
Топот тяжелых ног,
Пропади она пропадом,
Силища их!
Будто по темени моему,
Бухают ногами они...
Трещит затылочный мой позвонок,
Спину ломит,
Сердце щемит...
Посохи огневые мои,
Вертящиеся жезлы —
Опора мощи моей —
Вырвались из рук у меня,
Впились в утробу мою...

Абытай-халахай!
Задыхаюсь я!
Срок мой последний настал,
Рухнуло солнце мое!

Я наказывал — не пускать
Бродягу и вора
Уота Усуму
В Средний мир
Умыкать жену.
Прежде чем накрепко я уснул,
Это настрого я наказал
Тебе — супруге моей...

Ты, видать, нарушила мой запрет,
Ты, видать, подговорила его
Напасть и девку украсть!
Напасть я терплю по вине твоей!
А много ли он приданого взял?
Сколько выкупа тебе притащил?
Честью ли тебя угостил?
Чем до тошноты окормил?

Из-за жадности попавших в беду
По своей вине дураков,

Из-за алчности, не насытимой ничем,
Бедствие терпящих глупцов
До гибели вы меня довели...
В три погибели согнуло меня!
Но пока не вылетел из меня
Выдох последний мой,
Самовольную семейку мою
Сам я угомоню!
Жилы я у вас перерву,
В живых не оставлю ни одного...
Посмотрю, как бы будете околевать,
Прежде чем околею сам!

А пока не поздно еще,
Прежде, чем я слово скажу,
Прежде, чем дух я переведу,
Проклятого выродка твоего,
Противящегося воле моей,
Грабителя Уота Усуму
Скрути
И прочь убери,
И пускай он пропадом пропадет!

Скачущий
На вороном коне,
Стоя рожденном
На грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур,
Нагрянувший сам сюда
На безумствующие небеса,
С пустыми руками от нас не уйдет.
Опустошит он наше гнездо,
Опрокинет он наш очаг,
Затопчет огонь, хохоча,
По ветру развеет золу...

Пусть бы три грозных богатыря,
Три Стража Смерти пришли,
С края света сюда прилетев,
И неукротимых этих бойцов
Скрутили бы арканом своим

И розняли бы наконец,
Ожил бы я тогда! —
Такие слова сказал
Улуу Суорун Тойон,
Так он, охая, простонал;
И, посохи огненные свои
С трудом руками поймав,
Грузно старец налег
Всей грудью на них,
Исступленно вертя в высоте
Сверкающие острия...

Еланью владеющая ледяной
На крутизне бесноватых высот,
Сидящая с закоптелым лицом
На кровавом ложе своем,
Та, которую не перехитрить
Заклинающим по три дня подряд
Восьмидесяти восьми
Черным шаманам и колдунам,
Простирающая, как тучу, обман,
Не смиряющаяся ни перед кем,
Грозная Куохтуйа Хотун,
Увидав, что владыка ее, супруг,
Улуу Суорун Тойон,
Всем туловищем огромным своим
Содрогаясь,
Вот-вот умрет,
Завопила,
Руками всплеснув.
Страха не знавшая никогда,
Устрашилась даже она;
Решила в уме своем,
Что, мол, пусть виновник беды
Пропадает сам за свою вину,
Погибает сам
За свои грехи...
Всполошилась старуха,
Беснуясь, мечась,
В отчаянье зычно крича,
Умолять, взывать начала.

Куохтуйа Хотун

Исиллигим-тасыллыгым!!!
Ой, мука мне!
Ой, беда!
Боль такая в утробе моей,
Будто вспарывают железным рожном
Вздувающиеся почки мои...

Трясется без удержу голова,
Судорога шею свела...
Сердце щемит,
Дыханье теснит...
Ох, жарко!
Ох, больно мне!

Вы, сидящие на верху
Трехъярусных, лучезарных небес,
Творящие справедливый суд —
Престарелый Юрюнг Аар Тойон,
Мощный Одун Биис,
Грозный Чынгыс Хаан,
Властный Дьылга Тойон!

Трех Стражей Смерти
Велите позвать,
Прикажите им
Растащить, унять
Двух исполинов-богатырей,
Ведущих великий бой!
Усмирите вражду,
Уберите их!
Защитите нас!
Нет сил терпеть,
Хоть всем умереть...

Девять высоких небес,
Как вода в посуде берестяной,
Вот-вот расплескиваться начнут...

Бедствие такое пришло,
Что качается преисподняя вся,
Каменные устои трещат...,
Такая драка пошла,

Что всей толщей своей дрожит
Средний незыблемый мир!

Если миром они
Не хотят разойтись,
Драку не хотят прекратить,
Надо их верхом посадить
На вертящийся вихрем
Небесный канат,
Смертоносный Халбас Хара, —
И пусть один из них пропадет,
А другой невредим уйдет!

Убогий старик
Улуу Тойон,
Недавно — могучий
Владыка высот,
За тучами дремавший весь век,
От грохота драки,
От топота ног
Оглох, тяжело занемог...

Пускай мое слово,
Моя мольба,
Медной пластиной звеня,
Великие, до вас долетит!
Взгляните на нас,
Защитите нас!
Ой, жарко... ой, больно мне! —

Так причитала, вопя,
Страшная старуха абаасы...
«Угу!.. Бегу!.. —
Откуда-то позади
Кто-то вымолвил. —
Разумею! Лечу!» —
И размером с дородного малыша,
Вскормленного в богатырской семье,
Медная пластина
Возникла, кружась,
И на вершину белых небес
Полетела, блестя и звеня...

4. ‹БОГИ ПОВЕЛЕВАЮТ БОГАТЫРЯМ ДРАТЬСЯ НА ХАЛБАС ХАРА›

Источающие добро,
Посылающие прохладу и зной,
Седовласый Юрюнг Аар Тойон,
Властный Чынгыс Хаан,
Суровый Дьылга Тойон
И грозный Одун Биис,
Друг против друга сев,
Друг другу упершись в лоб,
Думать стали,
Держали совет,
Как вражде конец положить,
Как дерущихся растащить:

«Из враждующих двух миров
Равные ратоборцы сошлись,
Достойные друг друга бойцы,
И не разойдутся они,
Пока друг другу не разобьют
Крепкие шейные позвонки.

Если теперь их
Силой разнять,
В будущем не перестанут они
Друг другу дорогу перебегать,
Драку вновь и вновь затевать.
Из-за этой
Непримиримой вражды
Невозможно будет
Жить на земле,
В трех мирах разруха пойдет...

И придется нам
Посадить верхом
Обоих богатырей
На погибельный, вихревой
Небесный Халбас Хара,
На огненный волшебный канат,
Натянутый высоко над землей...

И пусть один из богатырей,
Тот, который виною обременен,

Сгинет бесследно,
Совсем пропадет
Со всей своею враждой,
А другой пускай
Остается в живых,
Торжествуя над павшим врагом!
Надо нам
На помощь теперь
Трех Стражей Смерти позвать, —
Пусть они
Огневой петлей
Дерущихся захлестнут,
Растащат их и уймут!»

Так рассудили между собой,
Утвердили волю свою
Верховные владыки судьбы;
Так Одун Биис повелел,
Так Чынгыс Хаан утвердил,
Так Дьылга Тойон приказал...

Кликнули проворно они
Гонца высоких небес,
Крылатого Кюн Эрбийэ
С блестящим копьем в руках;
И велели ему
Немедля лететь
За крайнюю грань
Закатных небес —
Трех Стражей Смерти призвать.

Рассекая молнией высоту,
Громом раскатистым грохоча,
По тучам огненный след чертя,
Могучий Кюн Эрбийэ полетел
Под нижним ярусом ледяным
Западных желтых небес,
Над простором бушующего всегда
Моря Муус Кудулу.

Огромной падающей звездой
С оглушительным треском летя,

Ослепительно ярко блестя,
Полыхая белым огнем,
Всполошив растревоженный
Нижний мир,
Оглушив мятущийся
Средний мир,
Заставив вопить, орать
Обезумевший Верхний мир,
Примчался небесный гонец
На крайнюю грань земли
К последнему пределу тому,
Где земля и небо связаны швом,
Где ночь и день
Различить нельзя,
Где не брезжит солнечный свет;
В сумеречную страну
Прилетел, сверкая,
Кюн Эрбийэ...

Там, куда не доходят вовек
Мира Верхнего голоса,
Куда не дохнет никогда
Нижнего мира дух ледяной,
Куда отголосок не долетит
Бедственной Средней земли,
За безбрежным простором морским,
За бескрайней пустыней глухой,
На самом краю
Закатных небес
Возникла в сумрачной высоте
Мелькающая, огромная тень,
Послышался грохот и гул
Наопрокидь от начала времен
Вертящейся Железной горы,
Не опирающейся ни на что
Ни на небе, ни на земле.

За десять переходов дневных
Стужей повеяло от нее,
За девять переходов дневных
Гром от горы долетел,

За восемь переходов дневных
Сквозняком ледяным понесло...

Гора, к которой
Прикован был
Буйный нравом
Кулут Туйгун удалой;
Гора, где намертво связан был
Храбрый духом
Хаан Сабыдал-богатырь,
Гора, к которой был пригвожден
Трехлетний Еркён Боотур,
Грозивший время остановить, —
Такая перед небесным гонцом
В клубящихся облаках
Вихрем вертящаяся вознеслась
Чудовищная гора...

Три Стража Смерти
Стояли там
На пути к Железной горе,
Размахивая широко
Огненным арканом своим,
Так, что белая пуночка бы не смогла
Гору перелететь.
С трех сторон
Простирая в длинных руках
Огненные мечи,
Три исполина-богатыря
Всякого, кто приблизится к ним,
Изрубили бы на куски,
Всякого смельчака,
Захотевшего пробиться к горе,
Вмиг бы истребили они...

Услыхав громовые голоса
Трех исполинов-богатырей,
Не знавший трепета никогда,
Невольно от ужаса задрожал
Кюн Эрбийэ,
Приближаясь к ним...
Гулкие окрики богатырей

Раскатывались, грохоча,
Под сумрачным сводом небес...

Три Стража Смерти

А-арт-татай!!! Алаатыгар!!!
Древних заклятий
Путы на нас
Не разомкнутся никак.
Мы бессменно стоим и стоим
С незапамятных тех времен,
Как великая утихла вражда,
Сотрясавшая над необъятной землей
Гулко-широкую высь.
С той поры никаких вестей
Не дошло оттуда до нас...

Не подуло ли сквозняком
С бесноватых бурных небес,
Не повеяло ли опять
Смертной стужею
Из подземных бездн,
Не дохнуло ли прежней враждой
От несчастной Средней земли?

Если бы Нижний мир
Заплескался вновь,
Как вода в турсуке,
Развлеклись бы немного мы!
Если бы Верхний мир,
Всеми ярусами плещась,
Взбултыхался вновь,
Как кумыс в мешке,
Мы, в праздности вечной здесь
Томящиеся мощью своей,
Позабавились бы, поглядев!
Если бы Средний мир
Всей непомерной толщей своей
Закачался бы, затрещав,
То всем своим глубоким нутром
Посвободней вздохнули бы мы! —

Так перекликаясь между собой,
Замелькали в летящей мгле

Огромные тени богатырей,
Скучающих на краю земли...

У могучего Кюн Эрбийэ,
Величайшего исполина небес,
Нежданно-негаданно для себя
Попавшего в гиблые эти места,
Прежде не испытанный им
В сердце родился страх.
Дрожь свою
Он едва унял;
С расстоянья
Трех дней пути,
Блестящим размахивая копьем,
Стражей Смерти
Окликнул он,
Звонким голосом им пропел.

Кюн Эрбийэ

Кёёр-даа-бу-у! Кёёр-даа-бу-у!
Видите ли меня?
Слышите ли меня?
Как Одун Хаан
Великий велел,
Как Чынгыс Хаан пожелал,
Как могучий
Дьылга Тойон приказал,
Прибыл я к вам —
Небесный гонец,
Кюн Эрбийэ-богатырь —
Волю владык объявить!

Нижний бедственный мир,
Как вода в туеске,
Расплескивается, говорят;
Девять ярусов
Блестящих небес
Плещутся, как вода в турсуке,
Три опорные балки их
Качаются и трещат;
Средний несчастный мир

Колеблется всею толщей своей,
Вспучивается, дрожит,
Рвутся восемь ободьев его...

Скачущий на вороном коне,
Стоя рожденном на грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур,
Величайший Средней земли богатырь,
Нескончаемый бой ведет
С таким же отчаянным удальцом,
Сошедшим с вихрастых круч
Южных бесноватых небес.
От неутихающей брани их,
От неслыханной драки их,
От страшного топота
Грузных ног
Бессчетные бедствия произошли
В трех великих мирах...

А всё началось с того,
А всё стряслось оттого,
Что неуемный разбойник и вор,
Неба южного исполин,
Змея огненного, как коня,
Объездивший богатырь,
Уот Усуму Тонг Дуурай
Прекрасную Туйаарыму Куо
Умыкнул, унес воровски
У племени айыы-аймага.

Поэтому владыки судьбы
Повелели всем вам троим
Поскорее лететь за мной
И дерущихся богатырей,
Заарканив крепко и усмирив,
Посадить верхом
На канат вихревой,
На небесный Халбас Хара
Над бездною Энгсэли Кулахай,
Над бешеным водоворотом ее,
Где открывает алчную пасть

Страшная дочь бесноватых небес
Ытык Иэрэгэй Удаган;
И пусть утонет один из них,
А другой останется жив! —
Так выговорил духом одним
Богатырь — небесный гонец.

Три исполина-богатыря,
Три Стража Смерти,
Услышав его,
Всей утробой гулкой своей
Широко, свободно вздохнув,
Испустили радостный вопль;
И по колдовской стороне
Западных буйных небес,
По взвихренной стороне
Клубящихся южных небес,
По горловине
Грозных пространств —
Все трое,
Вслед за гонцом,
С грохотом понеслись...

Не задерживаясь ни на миг,
Не мешкая на пути,
Быстро пересекли они
Необъятную, необозримую даль
И очутились в той стороне,
Где простирается широко
Колдовское поле Хонгкурутта,
Где, вечно бушуя, стонет прибой
Моря Энгсэли Кулахай.

Три Стража Смерти,
На облаке став,
С вихревого свода небес
Крюками своих багров
С треском сорвали
Три балки стальных;
Тут же их растянули в струну,
Скрутили проворно

Аркан колдовской,
Вихрем вертящийся, огневой
Небесный Халбас Хара,
И над вздымающимся, кипя,
Морем Энгсэли Кулахай
Крепко натянули его,
К двум небесным горам
Концы пригвоздив.

Чародейный Халбас Хара,
Кровью рдея,
Вихрем крутясь,
Синим пламенем вспыхивая в высоте,
Угрожающе заблестел,
Красным загораясь огнем,
Грозно светиться стал,
Вытянулся, страшно шипя,
На расстоянье трех дней пути,
Яростно мечась в высоту,
То напрягался,
Туго дрожа,
То растягивался,
Тяжко хлеща.

Не промедлив часа, потом
Не внемлющих уговорам добра,
Не приемлющих между собой,
Не помнящих ни о чем,
Кроме неуемной вражды,
Не смыслящих ничего,
Кроме лютой драки своей,
Ввергших в бедствие
Средний мир,
Потрясающих Нижний мир,
Колеблющих Верхний мир
Двух исполинов-богатырей,
Арканами огненными запетлив,
Три Стража Смерти,
Грозно крича,
Растаскивать, разнимать принялись;

Заметались бешено
Все впятером,
Замелькали,
Затопали, суетясь...

Три Стража Смерти,
Три дня подряд,
В три глотки зычно вопя,
Напрягая всю свою мощь,
Еле розняли, выбиваясь из сил,
Двух дерущихся богатырей,
С трудом растащили их.

Тут защитник Средней земли,
Непомерно дюжий Нюргун Боотур,
Трижды во всё горло взревев
На трех великанов с края земли,
Напрягши всю свою мощь,
Верхнюю силу их перегнул,
Нижнюю силу перетянул
И на девять перегонов дневных
Протащил троих за собой,
На противника своего устремясь;
Три Стража Смерти тогда,
В три голоса загремев,
Молвили слово ему.

Три Стража Смерти

А-арт-татай! Алаатыгар!
Оказывается, и в роду айыы
Рождаются богатыри!
Однако, детина,
Хоть и силен,
Постой
И выслушай нас!

Из-за того что ты
Всей непомерной силою мышц
И нервущихся сухожилий своих
Три великих мира
Начал трясти,

По приказу верхних владык
Прибыли мы сюда.
Коротко говоря,
Три Стража Смерти —
Вот кто мы!

Толку нет от долгих речей,
Только если вы не хотите сейчас
По-мирному разойтись,
Попробуем вас
Посадить верхом
На крутящийся над бездной, как вихрь,
Небесный Халбас Хара.

Кто высидит на вервии огневом,
Кто вытерпит испытание огнем,
Тот и станет торжествовать.
А кто не выдержит,
Кто упадет,
Тот и гибель свою найдет.
Халбас Хара вихревой,
Полоснув огнем на лету,
Пополам его рассечет...

Никакая кровная
Ваша родня,
Никакая крепкая связь
Не сумеет вас защитить!
Мы ветру дохнуть
На вас не дадим,
Духам неба
Путь преградим!
Ну вы, чудовища-драчуны,
Поскорей объявите нам
Последнюю волю свою! —

Так раскатисто грянули голоса
Трех Стражей края земли.

5. ‹БОЙ НА НЕБЕСНОМ ХАЛБАС ХАРА›

Удивились дерущиеся богатыри,
Ударили по бедрам себя;
Дух прерывисто переводя,
Испуганно озирались они...

Не признающийся в воровстве,
Хоть за руку его ухвати,
Отпирающийся от явной вины
Ста очевидцам наперекор,
Прожорливый хищник,
Увертливый вор,
В девяноста и девяти
Уловках не уличен,
В восьмидесяти восьми
Обманах не обличен,
Проворный в плутнях Уот Усуму
Пятиться, изгибаться стал;
Потрескавшиеся губы кривя,
Скаля зубастую пасть,
Дитятей, обиженным без вины,
Прикидываться пошел;
Рожу черную
Жалобно исказив,
Семисаженный синий язык
Высунув, облизнулся он;
Начал оправдываться, хитрить,
Тихим голосом
Вкрадчиво говорить.

Уот Усуму

Вот — напраслина на меня!
Вот беда на голову мне!
Вольно гулявший
По Средней земле,
От дому отбившийся своего
Непутевый бродяга,
Злой озорник,
Отъявленный грабитель и вор,
Силой отнять

Решив у меня
Светильник зеницы моей,
Десну моих крепких зубов,
Супругу мою
Туйаарыму Куо,
Начал меня было одолевать,
Насмерть нещадно бить,
Да, к счастью, могучие, вы пришли,
Защитили душу мою...

С ложа супружеского моего,
Возлежавшую рядом со мной,
Обещанную судьбой
Достойную супругу мою
Дерзко украв у меня,
Брату он ее подарил;
А тот осквернил,
Обрюхатил ее!
После обиды такой,
Преследуя всюду меня,
В доме моем на меня он напал,
Бить и мучить начал меня...

Ямы из-под столба не нашлось —
Негде было спрятаться мне;
Берестяной бадьи не нашлось,
Ступы худой не нашлось —
Негде было укрыться мне...

Поневоле драться пришлось,
Отстаивать жизнь свою,
Защищать дыхание свое!
Коль отступится он от моей жены,
То зачем еще драться мне?
Ничего хуже драки нет,
Никогда я в драку не лез! —
Промолвив это, абаасы
В сторону взгляд отвел,
Голову покорно склонил,

Будто не было преступления на нем,
Будто без вины пострадал...

Богатырь уранхай-саха,
Слыша такую ложь,
На мгновение онемел...

Закипела в нем
Свирепая кровь,
Загудела в висках
Горячая кровь,
Словно туча, он потемнел.
Слетали с лица его
Серного огня языки,
Искры, как из кремня,
Сыпались из-под ресниц...

Вниз его правый глаз
Судорогою повело,
Левый глаз его
Оттянуло под бровь...
Как упругого дерева ствол,
Выпрямилась хребтина его,
Как скрученного дерева ствол,
Всем туловищем напружился он.
Грозным сделался облик его;
Как разящее лезвие
Рогатины боевой,
Смертоносно взгляд его заблестел.
Как огромная земляная гора,
Стал он вспучиваться,
Расти на глазах...
Не страшащийся ничего,
Не кривящий душой никогда,
Стражам Смерти Нюргун Боотур
Сказал такие слова.

Нюргун Боотур

Кёёр-даа-бу-у! Кёёр-даа-бу-у!
Каково бесстыдство его?!

Какова его черная ложь?!
Как над вами смеется он!

Чем оставить навек в плену
У выродка абаасы
Чистую дочь айыы,
Пусть лучше погибну я,
Посаженный вами верхом
На огненный, вихревой
Небесный Халбас Хара!
Пусть один из нас пропадет,
Пусть другой живет,
Как решит судьба!

Я его почти одолел,
Я бы скоро его ничком повалил,
Я бы спесь-то с него посбил,
Близко было мое торжество...
Да, к великой досаде моей,
Вы пришли —
Помешали мне!
Если справедливости суждено
На судилище у вас победить,
Испытание выдержу я,
Так ли, этак ли —
Одолею его...
Я за правду
Вышел на бой,
Не дали вы мне победить,
Силой остановили меня.
Я от этого сына абаасы
Миром не отстану вовек!
Вот последнее слово мое,
Вот мой нерушимый обет. —

Молвив это, Нюргун Боотур
Так рванулся в петле огневой,
Что три Стража Смерти,
Державших его,
Зашатались, едва устояв на ногах.
Три Стража Смерти в ответ
В три глотки, словно гром, грохоча,

Завопили во всю свою мочь:
«Наши мысли ты угадал,
Правильное слово сказал!
Говорящий умно
Богатырь-удалец
Родился, видать, на земле...
Да и впрямь,
Так долго борясь,
Так упорно дерясь
За правду свою,
Не добившись победы,
Бой прекратить
Любому досадно поди!..»

И, рассудивши между собой,
Трое богатырей
Изрекли решенье свое.

Три Стража Смерти

Алаатыгар! Алаата!
Ты — рода айыы
Отважный сын,
Солнечных, добросердечных племен
Доблестное дитя!
Если сам ты решил,
Что за правду свою
К последнему испытанью готов,
Если ты не боишься сесть
На вертящийся вихрем
Халбас Хара,
То первый ты и садись!
Много слов — претит,
Мало слов — добро.
Нашему благословенью внимай:
Если нет на тебе вины,
Наше доброе слово
Пойдет тебе впрок!
И, кто бы ни проклял тебя,
В испытанье ты победишь...

В бездонной выращенная глубине,
Грозная владычица-дух

Бушующего всегда
Моря Энгсэли Кулахай,
Ты — свирепая дочь бесноватых небес,
Ытык Иэрэгэй Удаган!
Из бездонной пасти своей,
Из ядовитой глотки своей
Высунь длинный свой,
На ящерицу похожий язык!
Челюсти зубастые распахни,
Шире пасть свою разевай!
Алчущий свой пищевод
К тучному куску приготовь!
Прожорливую утробу свою,
Ненасытный желудок свой,
Бездонную глотку свою,
Как подземный темный провал,
Для кровавой жертвы открой!

По заклятию древних лет,
По обету былых времен,
Осуждена ты была
Всякого заживо пожирать,
Кто бы в пасть твою ни попал,
Даже родичей кровных своих...

Пища готова —
Пасть разевай!
Жирный кус бросаем —
Хватай, глотай!

Думая о сытном куске,
Чмокая неистово, приседай!
Думая о кровавом куске,
Запрокинув голову, ожидай!
Что зубами ухватишь —
Не упусти!
Что заглотишь —
Не возвращай! —
Так три свирепых богатыря
Заклинанье пропели свое...

Увидав, что настал
Испытания час,

Что нельзя отсрочить его,
Устрашился невольно
Нюргун Боотур...
Некогда было ему размышлять,
Некуда было укрыться ему.
Гибель солнца,
Месяца смерть
Вплотную надвинулись, подошли,
На душу ужас нагнав...
Даже ему пришлось
Последнее слово свое,
Прощальное слово сказать...

Нюргун Боотур

Кёёр-даа-бу-у! Кёёр-даа-бу-у!
Кровные вы мои,
Солнечные племена!
Изобилием полная золотым
Изначальная Мать-Земля!
На долгие времена,
Навсегда расстаемся мы!

Надеюсь я,
Что Одун Хаан
Не обрек на гибель мою судьбу,
Предначертанную на небесном столбе,
На восьмигранном прозрачном столбе,
Крепко надеюсь я,
Что Чынгыс Хаан
И Дьылга Тойон
Справедливо будут судить.
Поэтому без трепета я
Взлечу и сяду сейчас
На проклятый Халбас Хара,
Испытанье огнем и кровью приму
С крепкой верой,
С твердой душой...

Заклинаю вас, владыки айыы!
Если погибну я,
Вы одну
Не бросайте — в муках, в плену —

Беспомощную, слабую дочь
Племени уранхай-саха,
Прекрасную лучезарным лицом,
Несчастную Туйаарыму Куо!
По холодным ее следам,
По горячим ее следам
Найдите и защитите ее,
В Средний мир воротите ее!

Словом добра
Заклинаю вас!
Враждебно не думайте обо мне,
Не готовьте зла впереди!
Чтобы до неба слава моя возросла,
Чтобы правое дело
Горой поднялось,
Иду — куда посылаете вы! —

Перекувырнулся Нюргун Боотур
И обернулся в единый миг
Огромным соколом
В белом пере,
С бубенчиком на хвосте...
Стрелою сокол
К тучам взлетел,
Пал на аркан огневой,
Когтями в него вцепясь,
Сел на летающий, вихревой,
Небесный Халбас Хара.

Зашипел зловеще
Халбас Хара,
Красною кровью
Ярко зардел,
Синим огнем блеснул,
Стремительно вверх и вниз
Со свистом качаться стал,
Высоко к завихряющейся стороне
Южного неба
Грозно взлетел...

У бедного сокола
В белом пере,

С бубенчиком на хвосте,
Огневые круги
Поплыли в глазах,
Оглушительный звон
Поднялся в ушах;
Кожу лап
Ему обожгло,
Стало мясо на лапах гореть,
Белые сухожилья его
Обнажились на крепких ногах...

А огненное вервие
Туго натянулось, дрожа,
Снова взлетело вверх
И резко, с визгом
Метнулось вниз,
Чтобы сокола сбросить
В бурлящую пасть
Моря Энгсэли Кӱлахай...

У бедного сокола
В белом пере,
С бубенчиком на хвосте,
Медные расплавились коготки,
Каплями огненными стекли.
Остатками обгорелых лап
Опершись
О жгучее вервие,
Высоко над бездной
Сокол взлетел,
Каменным нёбом своим
Трижды звонко проклекотал,
Трижды радостно прокричал
О великом своем торжестве,
О победе славной своей.

Скрученный из трех колдовских
Смертных опор
Черных небес,
Огненно-синий канат
Туго напрягся
Со звоном стальным

И, визжа, взлетел в высоту...
Снизу сокола
Хлестнул на лету
И отсек ему кончик хвоста
С бубенчиком золотым.
В пасть клокочущую
Бубенчик упал.
Алчные челюсти
Духа глубин
Впустую ляскнули, упустив
Близкую добычу свою,
Только синий семисаженный язык
В водовороте мелькнул
И пропал...

Защищенный силой айыы,
Солнечного племени сын,
Высоко над бездной взлетев,
Упал на темя горы;
На девять сажен
Землю пробив,
До бедер в камне увяз.
Там лежал он,
Едва дыша,
В человеческом виде своем,
Ударом о землю оглушен,
Еле-еле ресницами шевеля.
Тяжело гудело
Темя его,
Горело его лицо;
Из трещин кожи
Брызгала кровь,
Звон не смолкал в ушах;
Ныли все суставы его,
Но был он жив, невредим.

Три исполина-богатыря,
Три Стража Смерти, как гром,
Из трех могучих глоток своих
Испустили радостный крик:
«Чист он, сын небесных айыы,
Ни в чем не повинен, видать!

Этот парень
На всей земле
Равного себе не найдет...

А как только отдышится он,
Да как с духом опять соберется он,
Да если опустится он
В пропасть, в подземный мир,
Где племя гнездится
Ап Салбаныкы,
Да если без робости он
Потягаться силой решит
С чародеем Алып Хара,
Да если его в бою победит,
То навеки в трех великих мирах
Утвердит он доброе имя свое!
Подымется выше каменных гор
Толстая слава его!»

Так три Стража,
Между собой рассудив,
Нюргуна Боотура кругом оправдав,
Обратились грозно
К Уоту Усуму,
Молвили сурово ему:
«Теперь твой черед
Садиться верхом
На Халбас Хара вихревой,
Очищать себя от грехов!»

Самый отчаянный удалец
В племени абаасы,
Обманщик и клеветник,
Не боящийся ничего,
Хоть и пойманный в воровстве,
Умеющий отпереться всегда,
Самый матерый в злобном роду
Адьараев-богатырей,
Самый лютый среди врагов
Солнечного рода айыы,
Видя, что час испытанья настал,

Попятился невольно назад,
Всем огромным телом своим задрожал.
Судорожно у него
Дюжая изогнулась спина;
Как от простуды, заныли вдруг
Толстые кости его...
Мороз от страха
По коже подрал,
Дух его в расстройство пришел,
Ужас его охватил,
Когда со свистом над ним пронеслось
Вихревое увертливое вервие
Огненного Халбас Хара,
Когда вскипело грозной волной
Бескрайнее перед ним
Море Энгсэли Кулахай.
Величественно вздымалось, гремя,
Ненасытное лоно его;
Высокой волной взлетал
Кипящий бурный прибой,
Играя вспышками синих огней,
Алея кровавой пеной своей...

Неистово ломится в берега,
Неустанно о скалы бьет,
Яростно крушит крутизну,
Прыжками могучими высоко
Взлетает над береговою грядой
Море Энгсэли Кулахай...

Нераскаянный вор и злодей,
Всеми проклятый негодяй,
Даже злобной своей родней
Изгнанный Уот Усуму
От ужаса изменился лицом,
Так вспотел, что испарина от него
Облаком поднялась...

Опечалился он, головой поник,
Тяжко начал,
Трудно вздыхать,
Начал, как перед смертью, икать;

Широко разинул
Черную пасть,
Завопил,
Разразился мольбой.

Уот Усуму

А-арт-татай! Вот оно!
Посмотрите-ка, богатыри!
Буйа-буйа-буйакам!
Дайа-дайа-дайакам!
Видите или не видите вы,
Какая мучительная предстоит
Тяжкая участь мне?
Я, обиженный родом айыы,
С чистой совестью,
Не повинный ни в чем,
Должен очиститься от греха,
От неведомой мне вины.
Только за то, что оговорен,
Что оклеветан я,
Должен муки великие перенести,
На гибель должен пойти,
Кровью заплатить за вину,
Хоть не знаю вины на себе!

Медногрудую птичку мою,
Златогрудую синичку мою,
Солнцеликую подругу мою,
Бедненькую Туйаарыму Куо
Я в трехлетнем возрасте увидал,
В пятилетнем облюбовал,
В десятилетнем решил,
Что в жены ее возьму...

А непутевый бродяга и вор,
Неуемный злой озорник,
Каких до сей поры не видал
Средний серо-пятнистый мир,
Где солнце пляшущее поутру,
На востоке взлетая, встает,
Где деревья падают сами собой,
Где мелеют потоки вод,

Скачущий на вороном коне,
Стоя рожденном
На грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур,
Великий разбойник,
Отъявленный лжец,
Перед тремя мирами меня
Бесстыдно оклеветал,
Бесчестно оговорил!

Я не искал поединка с ним,
Я убегал от него...
А когда он меня ограбить решил,
А когда он меня убить захотел,
Защищал я дом свой от грабежа,
Защищал от гибели
Душу свою...

Нет на мне никакой вины!
Так пускай решает участь мою
Владыка судьбы Одун,
А добром я врагу не отдам,
На глазах своих
Не хочу потерять
Среброгрудого
Жаворонка моего,
Медногрудого
Птенчика моего,
Дорогую супругу мою...

Ты, прославленная сестрица моя,
Уот Кутаалай Удаган,
Бряцающая полыми бубенцами
На дырявом бубне своем,
Заносящая высоко
Щербатую колотушку свою,
Могучим владеющая колдовством,
Не ведомым никому,
Чуткие уши насторожи,
Слушай меня!
Страшная наступила пора,
Надвинулся грозный час!

Вот-вот оборвется мое
Сверкающее кюнгэсэ,
Погибнет солнце мое!
С неожиданной стороны
Налетела беда на меня!..
Где бы ты ни была,
Немедля явись!
Если ты далеко —
Будь близко сейчас!

Дочь бесноватых небес,
Бушующей бездны
Владычица-дух,
Ытык Иэрэгэй Удаган!
Коль сорвусь я с каната
Халбас Хара,
Ты зубами мимо хвати,
Вервие вихревое
Ты придержи,
Попытайся меня спасти!
Вспомни кровное наше родство!..
В последний мой день,
В погибельный день —
Хоть ты меня пожалей! —

Так тревожно,
Истошно вопя,
Заклинал Уот Усуму...
Через голову перекувырнулся он,
Черным вороном обернулся он —
Стервятником о трех головах;
Грузно взлетел, как копна,
Тяжело, неуклюже взлетел
К удушливым облакам
Черного свода небес
И, каркая громко, сел
На крутящийся вихрем
Халбас Хара,
Когтями в него вцепясь.

Грозно летящий аркан вихревой,
Свежею кровью шипя,

Пламенем красным зардел,
Брызнул синим огнем...
С пронзительным звуком — «сырр»,
Будто в кузнице плеснули водой
На раскаленный железный брус,
Резко Халбас Хара зашипел;
Раскачиваясь широко,
Извиваясь, с запада на восток
С визгом понесся он;
Молнией в высоте полоснув,
С севера на юг улетел
И пропал вдали —
В непроглядной тьме,
Где пасмурные кручи встают
Обратной глухой стороны
Бесновато-буйных небес.
И опять прилетел,
Крутясь, как вихрь,
Небесный Халбас Хара...

У ворона Уота Усуму
Страшно зашумело в ушах;
Градом сыпались
Искры из глаз у него,
Помутились мысли его;
Горло сдавило ему,
Сперло дыханье в груди;
Ослабели, изнемогли
Верхние силы его,
Изнурились
Нижние силы его,
Обгорели когти
На лапах кривых,
Обуглилось мясо его,
Истлели мускулы на ногах,
Сухожилья остались одни...
Хрипло черный ворон дышал,
Три головы
Бессильно склонив...

Три исполина-богатыря,
Три Стража Смерти

Крикнули враз,
Грянули, как трехраскатистый гром:
«Сбывается! Вот оно —
Стариковское слово-то каково!
Роковым оказалось оно —
Наше слово, сказанное не зря,
Вещим оказалось оно!
У этого богатыря,
Что змея огненного оседлал,
Видно, и впрямь
Вина велика!
Видно, грехи Уота Усуму
Выросли выше глаз его!..
Вздеты они теперь
На безобманный безмен,
До последнего взвешены золотника!

Видно, уж близок час,
Когда Халбас Хара огневой
Сбросит его
И перешибет,
Как черноголовник-траву!»
Так возглас богатырей прозвучал,
Заглушая шум пучины морской.

Огненный чародейный аркан,
Черный Халбас Хара,
То натягивался, звеня,
То растягивался, крутясь...

Вот он засвистел, загудел,
С бешеной вихревой быстротой
Вращаясь, ринулся вниз,
Неуследимо взлетел в высоту;
И тут же —
От южного неба тьмы,
От проклятых ущелий его,
С бесноватой кручи его,
Со зловещим визгом
Стрелы боевой,
Перенесся Халбас Хара
Под ущербный гибельный склон

Северных колдовских небес,
Подхватил потерявшего цепкость свою,
Вовсе лишенного сил
Ворона о трех головах,
У которого уже давно
Солнце почернело в глазах;
И, туго напрягшись вдруг,
Над бушующей пастью вод
Моря Энгсэли Кулахай
Ворона рассек пополам,
Посередине его перешиб,
Словно корневище быты,
И сбросил его с высоты
В кипение, в толкотню
Беспредельной зыби морской,
Только брызнула красная кровь,
Только пух полетел, кружась...

Как сорвавшийся с крутизны
Падает обломок скалы,
Так несчастный ворон
Камнем упал —
Стремглав, словно тень мелькнув,
Канул в кипящий водоворот,
В распахнутую глубину.

6. ‹БОГАТЫРСКИЙ ПОХОД›

«Одержимая жаждой битв,
Отчаянно храбрая девка-бой,
Сидящая на крови
Убитых ею врагов,
Скачущая по бранным полям
На красно-чалом коне,
Прекрасная Кыыс Нюргун
Задумала, говорят,
Преследовать всюду меня
По моим широким следам,
Чтобы, толстую кожу мою разрубив,
Суставы мои сокрушив,
Надеть мне на шею ярмо,

Уши у меня оторвать,
Сделать меня рабом...

Пока не треснули у меня
Крепкие шейные позвонки,
Доблестного племени сын —
С дороги своей не сойду,
Добром не отъеду я.
Чтоб не обесславилось имя мое,
Я, прославленного племени сын,
Собрался, тронулся в путь,
Обратно не поверну...»

Так, задумав думу свою,
Не раздумывая в пути,
Избранник Средней земли
Прославленный Нюргун Боотур
Поехал жену добывать...

Тридцать дней и ночей подряд,
Волю давая коню
Споро ногами перебирать,
Копытами грохотать,
Девять ревущих смерчей закрутив
Бешеной скачкой своей,
Обрушивая с высоты
Буйный ливень,
Летящий снег,
Тучами до белых небес
Черную пыль клубя,
Песчаную подымая метель,
Каменную взметая пургу,
Заставляя молнии полыхать,
Заставляя по следу греметь
Четырехраскатистый гром,
Прямиком летел Нюргун Боотур...
Над вершинами кучевых облаков
Слышался крик его,
Над хребтинами
Грозовых облаков
Раздавался голос его.

Разрывая грудью коня
Черные облака,
Взбаламучивая
Белые облака,
Как проносящийся ураган,
С треском валя
Деревья в тайге,
Голосящие вслед ему,
Хрипящие позади,
Миновал он великий путь,
Пересек необъятный простор
И увидел окраины
Чуждой земли,
На светлое лоно вступил
Неведомой стороны.

7. ‹СТРАНА НЕВЕСТЫ КЫЫС НЮРГУН›

Страна Томоон Имээн
Привольная открылась ему,
Страна Кимээн Имээн
Засияла в его глазах,
Страна Хамаан Имээн
Раскинулась широко.

Не знающая ни зимы, ни снегов,
Покрытая, будто шелком цветным,
Бегущей волнами травой,
Ветрам открытая степь,
С бескрайней далью такой,
Что невидимы очертанья ее, —
Даже быстрая птица стерх
Семь дней и ночей подряд
Крыльями в полете свистя,
Эту ширь не перелетит;
Такой безбрежный простор,
Что даже птица журавль,
Восемь дней и ночей летя,
Не достигнет предела его,
Не опустится на крайнем мысу, —
Вот такая диво-страна,

Сверкающая, в ярком цвету,
Простерлась у ног его...

Будто поставленные на пиру
Круговые кубки для кумыса
О семи разных поясах,
Грядами заоблачными громоздясь,
Утесы вдали поднялись;
Будто выставленные вокруг
Кумысные кубки на славном пиру,
Узорные — о девяти поясах,
Горы столовые поднялись,
Окружив голубой простор.

Словно жертвенные хвосты
Зарезанных для пира коней,
Словно конская грива, густы,
Темнеют леса окрест —
Крупная густая тайга;
Будто рослые люди-богатыри,
На празднике веселясь,
Приплясывая, стоят
Могучие дерева...
Золотой сверкающей
Почвой лучась,
Серебряным белым
Лоном блестя,
С турухтанами, от синих озер
Не улетающими никогда,
Со стаями голубей,
Не умолкающими никогда,
С кукушками, звонко окрест
Кукующими всегда,
С журавлями белыми в синеве,
Со стадами уток и лебедей,
Не улетающими никогда,
Со стаями синих синиц,
С порхающим множеством
Пестрых птиц,
Изобильная в совершенстве своем,
Лучшая на земле,

Утвердилась и расцвела
Благодатная эта страна,
Средоточье мира всего...

В прекрасной этой стране,
Посреди лучезарной равнины ее,
На блистающем пупе ее,
На возвышенном затылке ее,
На вздувшемся загривке ее,
На высоком лоне ее,
На вздымающейся груди,
Макушку под облака занося,
Восьмиветвистое возросло
Священное древо
Аар Лууп...
На развилье восьми
Могучих ветвей
Просторное скрыто в тени
Узорчатое гнездо
Величиною со стог сенной,
Вышиною в семь саженей.

Тяжело свисая с ветвей,
В изобилье на дереве том
Золотые шишки растут
С кумысные кубки величиной;
Серебряные листья на нем,
Широкие, как чепраки,
Покачиваясь, шумят...
С верхних ветвей его
Каплет белая, как молоко,
Небесная благодать;
С нижних ветвей его,
Сквозь трещины толстой коры,
Просачиваясь, течет
Желтая благодать...
От этих капель и струй
Вкруг дерева у толстых корней
Возникло на белом солончаке
Девять молочных озер...

8. ‹ЖИЛИЩЕ НЕВЕСТЫ-БОГАТЫРКИ›

Думал сперва
Нюргун Боотур,
Что громадные становья людей,
Населяющих этот край,
За день пути
Заблестят перед ним;
Что прекрасный их главный дом,
С длинным дымом,
Стелющимся вдали
Маревом голубым,
С искрами, взлетающими высоко
Из широкого дымохода его,
Радугой переливаясь, блестя,
Покажется наконец вдалеке;
Думал, что дома этого дверь
Трудно будет ему открыть,
Семь дней и ночей
Налегая плечом,
Напрягая все силы свои;
Думал, что крепкий
Дверной засов
Девять суток придется ему
Через силу отодвигать...
А поехав дальше,
Он увидал
Средь зеленой равнины той
Огромный курган ледяной,
Сверкающий вдалеке
За девять суток пути.

У огромного кургана того,
У диковинного ледяного жилья
Ни окон не было, ни дверей;
Только на макушке его
Широкий зиял проем.
Каменная лестница там
В глубину кургана вела.
По этой лестнице вниз,
Грузной поступью грохоча
По каменным ступеням ее,

Сбежал Нюргун Боотур,
Видит — дома нет никого,
Никто не встретил,
Никто не спросил —
Кто, мол, явился к нам?

Домочадцами скудный дом,
Просторный жилой покой
Открылся богатырю.
У правой стены жилья,
Широкого, как поляна-алас,
Девять выпуклых оронов стоят —
Девять высоких лож,
Словно мысы возвышенных берегов...
Грузно сел Нюргун Боотур
На почетный первый орон,
На покров из медвежьих шкур,
И внимательно огляделся вокруг.
На каменном блестящем полу
Круглый проем зиял,
Железная лестница там
Низвергалась куда-то вниз...
У задней стены жилья
Восемь роскошных лож
В покрывалах из пестрых мехов
Высились чередой.
В левой стене жилья
Виднелась открытая широко
В опочивальню ведущая дверь
В подвесках и брякунцах.

9. ‹БОГАТЫРСКИЙ СОН›

Одержимая жаждой битв,
Скачущая по бранным полям
На красно-чалом коне,
С волшебной плетью-копьем,
Прекрасная Кыыс Нюргун
Беспечно, крепко спала
В темной опочивальне своей.
Кто осмелится коснуться ее?
Кто насильно иль воровски

Посягнет на нее,
Когда она спит?

Шестислойную кованую броню
Бросила она у дверей,
Трехслойный серебряный свой доспех
Кинула небрежно в ногах,
Рогатую шапку свою
Из огнистого речного бобра,
С маковкой, алеющей, как огонь,
С чеканной серебряной тусахтой,
Сверкающей надо лбом,
Положила возле себя;
Пышные навески свои,
Сшитые из камчатских лис,
Бросила сбоку она;
Меч ее —
Под левым плечом,
Боевое копье —
Под правым плечом.
Девушка невиданной красоты
Мирно спала
На ложе своем.
Красным отблеском
Заходящего дня
Горел румянец ее;
Белым отблеском
Восходящего дня
Светилось ее лицо.
Словно выложенные в ряд
Шерстинки блестящие из хребта
Отборного соболя-одинца,
Блестели, сквозя,
Ресницы ее;
Словно выложенные в ряд
Огнистые волоски
Черного морского бобра,
Выгнулись
Длинные брови ее.
Как брусники осенней сок,
Губы у ней красны.
Екнет сердце в любом,

Кто увидит ее,
Затоскует,
Займется огнем.
Такая
Невиданная дотоль,
Сверкающая, как день,
Непомерною красотой,
Отменно прекрасная
Дева-краса
Покоилась в боковухе своей,
Сияя, блестя в тени.

Подобная стреле боевой,
С виду резвая и во сне,
Богатырского склада,
Во всем соразмерна,
Станом тонка,
В поясу она
В три обхвата была.
Были примерно
Обхватов в пять
Выпуклые бедра ее.
Будто выточены целиком
Из лиственничных стволов
Могучие руки ее...
Вот такая,
Сверкающая красотой,
Телом огромна,
Видом грозна,
Беспечно дверь распахнув,
Красавица в боковухе спала,
Раскатистым храпом
Во сне храпя.
«Если, пока она спит,
Лягу с нею по-воровски,
Силой попробую
Сладить с ней,
Разгневается она,
Не даст потом согласия мне;
Поднимет переполох,
По-доброму не поедет со мной,

В мой дом женой не войдет...
Долго пробыл в пути,
Давно я не спал;
Лягу пока, посплю,
Пока не проснется она!»

На большом ороне
Нюргун Боотур
Навзничь раскинулся и захрапел,
Будто кузнечный мех зашумел
Над горном великого кузнеца...
От могучего храпа его
Ходуном заходило жилье
Воинственной Кыыс Нюргун;
Вспучиваться пошел потолок,
Грузно приподыматься стал;
Толстый каменный пол
Тяжело прогибаться стал...

10 ‹ЖЕНИХ ДЕЛАЕТ ПРЕДЛОЖЕНИЕ›

Долго ль спал,
Того он не знал;
Проснулся и видит —
Хозяйка сама
Стоит перед очагом,
Глядит на него и ждет,
Когда же проснется он —
Дорогое дитя айыы
С поводьями за спиной,
Исполин великий Средней земли,
Защитник племен уранхай-саха.

Стоит хозяйка и ждет,
Как перед боем, надев
Шестислойную кованую броню,
Плотно поверх нее натянув
Серебряный трехслойный доспех;
Кушаком боевым
Опоясан стан,
На бедрах кольчуга блестит.
Вверх острием держа

Грозное боевое копье,
Левой рукой она
Опирается на него.
Вниз острием держа
Огромный свой черный меч,
Вспыхивающий красным огнем,
Правой рукой на него опершись,
Надменно грозна лицом,
Сурово ждала она.

Удивился Нюргун Боотур,
С нею себя сравнив:
Великанша ростом — она
Пальца на три примерно
Повыше его,
Пальцев на пять
Пошире его.
Не ведавший страха перед врагом
Неистовый исполин
Опасливо глядел на нее,
Оторопел,
Оробел,
Слова не мог сказать.

Такое не снилось
Ему и во сне, —
Невероятной казалась ему
Яркая красота ее.
Дивной была для него
Воинственная внешность ее.
Тонко улыбнувшись ему,
Темные ресницы подняв,
Круглыми глазами в упор
Трехлучистыми поглядев,
Губы красные приоткрыв,
Зубы ровные обнажив,
Голосом звучным она
Молвила такие слова.

Кыыс Нюргун

Кёёр-даа-бу-у! Кёёр-даа-бу-у!
Кажется, повстречала я,

Кого не чаяла повстречать,
Кажется, увидала я,
Кого не чаяла увидать...
Доброй славой моей привлечен,
Именем высоким моим,
Славный отпрыск
Рода айыы
С поводьями на заплечьях своих,
Исполин могучий
Племен айыы
С чембурами солнечными за спиной,
Скачущий
На вороном коне,
Стоя рожденном
На грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур,
Восемь перевалов перевалив,
Прибыл, что ли, сюда?
Властелин далекой страны,
Здравствуй, когда ты здесь!
Дальнего аласа тойон,
Слава тебе, коль ты сам пришел!

Скажи теперь,
С чем приехал ты?
Уж не думал ли ты, что я
Побреду по далеким путям твоим,
Что преследовать буду тебя
По широким путям твоим?
Разомкни уста,
Что молчали всю ночь,
Открой свой рот,
Что молчал весь день, —
О цели прибытия своего
Ты, приезжий,
Немедля поведай мне! —
Так вопрошала она
Гостя грозного своего.

Бросающийся из беды в беду,
Великий воин земли,
Защитник племен уранхай-саха

Цель своего приезда открыл,
Такое слово сказал.

Нюргун Боотур

Кёёр-даа-бу-у! Кёёр-даа-бу-у!
Кюрюё Дьагыл Уорда Могола дитя,
Кюсэнгэ Дьагыл Кус Хангыл
Прекрасная дочь,
Хаан Дьаргыстая-богатыря,
Скачущего на вихре-коне,
Прославленная сестра,
Летающая по бранным полям
На красно-чалом своем скакуне,
С волшебной плетью-копьем,
Прекрасная Кыыс Нюргун!
Имени твоему —
Айхал!
Громкой славе твоей —
Уруй!

Сверстница дорогая моя,
Добрая соседка моя!
Слух дошел до меня:
Наказала ты,
Чтобы я поспешил сюда
Поклониться имени твоему,
Поклониться славе твоей.
Вот поэтому прибыл я,
Вот поэтому тут и сижу...
По-доброму проводишь меня —
По-доброму и уйду.
По зову далекому твоему
Прискакал я гостем сюда!
Потому что сама вспоминала ты
Славное имя мое,
Спешил я, летел к тебе!

Постель из камысов
Постыла мне,
Опротивел мне
Одинокий орон...
Чтобы с милой подругой

Рядом лежать,
Желанную
В объятьях держать,
Достойную в жены взять —
Вот зачем я прибыл сюда...

Будешь ли женою моей?
Согласна иль нет?
Отвечай, да скорей!
Не было между нами вражды,
Незачем биться нам...
Коль не согласна пойти за меня,
То и не о чем говорить.

Человек дорожный —
Поеду я
По делам неотложным своим!
Весь свой век проводя в пути,
Быстро всё я решать люблю!

11. ‹ОТВЕТ НЕВЕСТЫ›

Так о цели прибытия своего
Прямо поведал он...
Удалью прославленная своей
Прекрасная Кыыс Нюргун
Передернулась от обиды такой,
Гневно отвечала ему.

Кыыс Нюргун

Приезжавших свататься
Прежде ко мне
По темени била я наповал,
Говорившим, бывало, мне,
Что гожусь я ложе с ними делить,
Я проламывала виски!
Тем, кто осмеливался меня
Равною себе называть,
Достойной быть хозяйкой-женой,
Откручивала голову я!

Все они, с которыми я
Билась, потехи ради дразня:

«Попробуйте-ка, женитесь на мне!» —
Все прославленные богатыри,
Которых я помню по именам:
Ардьамаан-Дьардьамаана сын —
Бохсоголлой Боотур,
И взращенный в годы вражды
Есёх Харбыыр Юс Кюлюк,
Разбойник ночной
Тимир Дьигистэй,
И могучий дух-властелин
Ледовитого моря Муус Кудулу,
Уот Усутаакы удалой,
И объездивший, как коня,
Змея огненного
Уот Усуму —
Все бесследно пропали они,
Ты один их
На поединках побил.

О подвигах твоих услыхав,
Вызвала я тебя,
Чтобы гостем моим ты был;
Думая, что равен ты мне,
Богатырь из дальней страны,
Что достоин ты будешь меня,
Племени достойного сын,
Захотела я сразиться с тобой,
Помериться силой с тобой!

Попробуем-ка, могучий мой гость,
Испытаем друг друга в борьбе,
Поспорим силою рук
На открытом холодным ветрам
Просторном поле моем,
Вымощенном глыбами валунов!
Если навзничь я тебя повалю,
Спиной тебя к земле придавлю,
Тогда уж — не обессудь. . .
Покамест тебя
Вылететь в дверь
Не заставила я

Затылком вперед,
Разумей, где дорога твоя,
Загодя уходи!
Если равен ты силой мне,
Будет особый у нас разговор;
Если ты пересилишь меня,
Тоже будет особый
Тогда разговор!

12. ‹ПЕРВЫЙ БОЙ ЖЕНИХА И НЕВЕСТЫ›

Тут хозяйка,
Проворно дверь распахнув,
Вихрем выскочила
На широкий двор,
На звонкое надворье свое.
И на привольном поле они,
На поверхности из каменных глыб
С брюховину коровью величиной,
Поперек поясниц схватясь,
Громко вскрикивая, принялись
Друг друга крутить, бросать,
Словно иву гибкую, гнуть.
Три дня и три ночи
Боролись они.
Зычные крики их донеслись
До гребня Верхних небес;
В Нижнем мире слышался
Топот их;
Всей непомерной толщей своей
Дрогнул Средний мир...

Поле каменное
Истоптали они,
До колен
Изрыли его,
По самые бедра
Вязли в нем.
Так свирепо топтались они,
Что метелью щебень
Взлетал из-под ног,

Буря брякотливых камней
Бешено грохотала вокруг...

Удалью прославленная своей
Прекрасная Кыыс Нюргун
Достойного ратоборца, видать,
Встретила наконец.
Так и этак пробуя нападать,
Натуживаясь, пыталась она
Противника на воздух поднять
И бросить через себя,
Да и с места сдвинуть его не могла;
Рывком пыталась она
Через бедро его повалить,
Да не дрогнули суставы его,
Даже не шелохнулся он.
Рассердилась Кыыс Нюргун,
Досада ее взяла.
Все свои силы собрав,
Девяносто девять
Вихрей взметнув,
Обретя все семьдесят семь
Неистовых уверток своих,
Восемьдесят восемь
Ухваток своих,
Заставив вопить, орать
Встревоженный Верхний мир,
Всколыхнув по хребтине
Средний мир,
Взбудоражив до днища
Подземный мир,
Свирепо вздыбясь,
Как пороз-бык,
Яростно налетела она
На могучего богатыря,
Чтобы опрокинуть его,
Чтобы оземь ударить его.
Да не упал Нюргун Боотур,
Твердо на ногах стоял.
Тут он по-медвежьи взревел,
По-львиному зарычал,

Вихрем черную пыль взметя,
Крепко Кыыс Нюргун обхватил,
Вскинул в воздух
И оземь ударил ее.

На девять вытянутых сэлэ
По полю покатилась она,
По-журавлиному заковыляв,
И встала, надвое расчеркнув,
С треском пополам расколов
Кончиками пальцев левой руки
Огромный камень-валун.

Прославленная в боях
Прекрасная Кыыс Нюргун,
Разъяренная неудачей своей,
Распаленная борьбой,
Белый пот
Смахнула со лба
Тыльной стороною руки,
Вздохнула отрывисто, тяжело,
Взглянула дерзко и озорно,
Повернулась, полами взмахнув,
К Нюргуну в упор подошла,
Будто бросится вот-вот на него,
И говорить, укорять начала.

Кыыс Нюргун

Смотрите, богатыри!
Глядите — вот он каков!
Племя нечистых
Привыкший бить,
Род адьaраев
Привыкший громить,
Из-за непомерной силы своей
Не ужившийся на отцовском дворе,
Из-за нрава шалого своего
Не усидевший на месте одном,
Кроваворукий
Черный злодей,
Да разве уважишь ты

Громкое имя мое,
Добрую славу мою?!

Только что собралась было я
Отправиться в преисподний мир
Покарать чародея
Алып Хара,
Брата из плена спасти —
Хаан Дьаргыстая-богатыря,
Да некстати ты подоспел,
Обесславил имя мое,
Расплескал удачу мою,
Опрокинул счастье мое!

Вот досада мне,
Вот беда так беда!
Не о чем толковать...
Разве не сможет
Такой удалец
Девушку уломать,
Женщину слабую одолеть?!
А ну-ка, попробуй,
Меня укроти,
Омой меня кровью моей!
Поглядим — что возьмешь с меня,
Как насильно с собой
Увезешь меня! —

Тут неистово Кыыс Нюргун
Со свистом пустила в него
Грозное боевое копье
И размахнулась
Огромным мечом.
Исполин
Нюргун Боотур
Ее копье,
Своим отразив,
На лету в обломки разбил,
Выбил своим мечом
Меч у нее из рук
И заветное слово
Без гнева сказал.

Нюргун Боотур

Ну, добро!
Ну, добро, добро!
Не успели встретиться мы,
И что это вдруг с тобой?
Добрая подруга моя,
Сверстница дорогая моя,
Опамятуйся, постой!
Непонятны мне поступки твои,
Странно гостя встречаешь ты,
Не учили меня обижать
Светлых детей айыы,
Не велели мне притеснять
Родичей далеких своих. . .
Так забудь вражду,
Усмири свой гнев,
Злобу свою
Прочь прогони!
Думал я —
Если дам побороть себя,
Ты с презреньем прогонишь меня;
Думал — если я упаду,
Ты меня осмеешь,
За меня не пойдешь, —
Поэтому и не упал.

Ровней тебе почитая себя,
Думая,
Что достоин тебя,
Я приехал миром к тебе;
Быть моею женою тебя прошу!
Драться я с тобой не хочу!
Грех великий бы я совершил,
Отягчился бы непомерной виной,
Если бы разгромил, растоптал
Желтую благодать
Отчизны изначальной твоей,
Которую благословляет сама
Великая Иэйэхсит,
Где милость являет сама
Светлая Айыысыт. . .
Неколебимый дай мне ответ,

Живо скажи —
Согласна иль нет? —

Молвив это,
Нюргун Боотур
Протянул ей обе руки,
Десять пальцев подал своих...

Отпрянула Кыыс Нюргун:
«Это ты ли хвастаешь передо мной,
Что мог бы,
Владенья мои растоптав,
Великолепие разгромив
Отчизны изначальной моей,
Безнаказанно прочь уйти?
Чем за такого злодея, как ты,
Замуж выйти мне ни с того ни с сего,
Лучше броситься в воду или в огонь...
Вот тебе
Мой твердый ответ!»

Молвив такие слова,
Удалью прославленная своей
Прекрасная Кыыс Нюргун
По макушке бить принялась,
По темени колотить
Исполина Средней земли.

Разразилась беда,
Неслыханная беда,
Сумятица поднялась...
Вспучилась под ногами у них
Истоптанная земля;
Бешеный вихрь
Взлетел, заревел,
Черной тучей
Пыль поднялась...

Ветер западный налетел,
Дождь со снегом

Хлынул, шумя, с высоты,
Буря начала бушевать...

Восходящий месяц
Померк,
Солнечный луч
Пробиться не мог,
Непроглядная на землю
Пала тьма.

Вот налетел,
Завыл, заревел
Свирепый Осол Уола;
Неистовую песню свою
Затянула Илбис Кыыса,
Заливисто хохоча...

Тридцать дней и ночей они,
Тяжело сшибаясь, дрались;
Тридцать дней и ночей подряд
Не стихала
Неслыханная кутерьма,
Песчаную завируху клубя,
Бешеный подымая буран,
Несущий по воздуху над землей
Камни с теленка величиной,
Вспыхивая синим огнем,
Полыхая красным огнем.
Наконец Нюргун Боотур
Понемногу сердиться стал;
Неукротимую Кыыс Нюргун
Он крутить пошел,
Словно иву гнуть,
По буграм
Заставляя ее
По-журавлиному ковылять,
Спотыкаясь по буеракам и рвам,
О землю опираться рукой,
По оврагам
На четвереньки вставать...
Наконец он противницу ухватил,

Рвущуюся из рук, приподняв,
О могучее ударил бедро
И бросил ничком ее
С силой такой,
Что выбила яму она в земле
Сажен на девять в глубину
Широкой спиной своей.
До неба черная пыль
Взлетела из-под нее.

С победным криком
Нюргун Боотур
Навалился было на нее.

13. ‹ГЕРОЙ, ПРЕСЛЕДУЯ НЕВЕСТУ, ПРИБЫВАЕТ В ПОДЗЕМНЫЙ МИР›

Но вдруг неуемная
Кыыс Нюргун
С грохотом разорвалась,
Превратилась в неосязаемый дым,
Полетела по ветру вдаль
И пропала в северной стороне.

Голос Кыыс Нюргун

Эй ты, нойон-богдо!
Хоть со слабой девушкой сладил ты,
Хоть бедняжку женщину повалил,
Поглядим, как догонишь ее!
Покуда не разорвешь
Становую жилу мою,
Я не дам подняться тебе
На высокое лоно свое!
Под землю я уйду,
К исполину Алып Хара,
За спину его западу.
Посмотрю я там, посмеюсь,
Как вытащишь ты оттуда меня,
Как в жены меня возьмешь! —
Так, замирая, вдали
Голос ее прозвучал.

Стремительный Нюргун Боотур,
Как с поляны взлетающий
Черный косач,
Махом одним вскочил
На сверкающее седло;
Как орел на заоблачную скалу,
Сел на коня своего
И на север погнал, поскакал,
Разрывая серый туман.

До вершины белых небес
Доносился окрик его;
Отгулом в подземной тьме
Отзывался топот коня;
Заклубились белые облака,
Завертелись черные облака,
Взбаламученные
Полетом его.
Дождь со снегом шумели
По его следам,
Вихрь свистящий
Всадника сопровождал,
Грозовые тучи
Летели за ним,
Били молнии с высоты,
Гром раскатами грохотал...

Над просторами нелюдимых равнин
Развевался хвост
Вороного коня,
Над окраинами Срединной земли
Распластывалась грива его,
Над гладью синих озер
Мелькала челка его.
Ретивым скоком
Летел скакун,
Девятиизлучистый
Путь пробил;
О восьми отрогах
Крутой перевал,

Распахнутый широко,
Рассекая копытом скалу,
Рассыпая искры огня,
Стремительно конь миновал...

Удалился Нюргун
От земли айыы,
Опустился в пределы абаасы,
Где скудная поросль ползла
По тундрам среди болот,
Где разная нечисть, киша,
Убегала с дороги его,
Приседая, скакала по сторонам,
Растопыристо прыгала из-под копыт...

Красно-ржавые горы вдали,
Расступаясь, мимо прошли,
Дымно-огненные холмы,
Полыхая, мимо прошли.
Всё дальше всадник спешил;
Достиг он сумрачных мест,
Где травы ревут,
Хлеща по ногам,
Где деревья, хрипя,
Тянулись к нему,
Сучьями норовя ухватить.

По ущелью,
Где ошалело летел
Кроваво-черный поток,
Мимо горных зловещих круч,
Пред которыми
Девять шаманов седых,
Неистово вверх и вниз мечась,
Заклинали девять суток подряд;
Мимо осыпей крутизны,
Где восемь шаманок,
Вопя, голося,
Восемь суток подряд
Заклинали, буйно кружась;
Мимо сопок,

Где семь разъяренных псов
Лаяли, злобно мечась, —
Опускался всё ниже
Нюргун Боотур
В сумрачный Нижний мир;
По встревоженной темной стране
Мчался он, летел прямиком.

Конь вороной,
Счастливый скакун,
Друг и советчик его,
Вдруг остановился
На всем скаку,
Замер на крутизне,
На самом краю жерла
Алчного зева
Подземных бездн.
Огляделся Нюргун Боотур —
В черном густом дыму перед ним
Смоляное море горит,
Затапливая жерло
Пропасти Ап Салбаныкы,
Не пропускающее никого,
Чье дыханье — белый туман,
Не пропускающее никого,
Чье дыханье —
Волшебно-черный туман,
Не дающее никому —
Ни людям, ни абаасы —
Берега другого достичь.

Синим переливаясь огнем,
Красным пламенем
Вспыхивая широко,
Тяжело вздуваясь, течет
Смоляной кипящий поток.
Бушуя, взлетает огонь
С бурного лона его,
Вихрями рея ввысь,
Полымя полощет над ним,
Проносятся вихри искр. . .

Мечутся на крутом берегу,
Беснуются, всё круша,
Две дочери духа зла,
Воют закатисто голоса
Невидимок,
Оберегающих путь.

Голоса Невидимок

Алаатанг! Улаатанг!
Абытай-халахай!
Кровожадные сестры, сюда, сюда!
Пришел ходящий на двух ногах,
Глядящий перед собой,
Человек уранхай-саха...
Молочное дыхание его
До сердца проняло нас,
В нос ударил нам
Дух его земляной...
Налетайте, оборотни, на него,
Раскрывайте пасти свои!
Скоро мы перебрасываться начнем
Толстым жиром его брюшным,
Мясом его
Глотки набьем...

Когда уранхайские молодцы,
Разбухшие телом
От белых яств,
Выросшие на пище мясной,
На густой похлебке тар юёрэ,
Попадали в ловушку к нам,
Падали вниз головой
В матушку огневую смолу,
Наши ложки кровавые
Сами на пир
Прилетали, стуча-бренча.
Сами прибегали торчмя
Ржавые наши рожны...
Будем толстые кости
Глодать, смоктать,
Тук нутряной
Хватать, глотать!

Стук-бряк, стук-бряк,
Судьба-ворожба!

А по берегу смоляного потока
Громоздились, словно плавник,
Длинные кости богатырей,
Плыли, шугой шелестя,
Короткие кости богатырей...
Бедренные кости
Погибших шаманов
Подпрыгивали,
Друг о друга стуча;
Черепа погибших шаманов
Подкатывались,
Бубнами грохоча.

Вот на том проклятом
Крутом берегу
Задержался Нюргун Боотур.
Преданный друг его —
Вороной скакун,
Шумно фыркнув
Парой гремучих ноздрей,
Горячо, протяжно заржав,
Человеческим голосом заговорил,
Уранхайской речью сказал.

Вороной конь

Анньаса-анньаса!
В небесах назначенный мне,
Судьбой мне посланный друг,
Дорогой хозяин-тойон!
К задушевным речам
Коня своего
Прислушайся ты сейча́с
Парой чутких своих ушей!
Через околдованную черту
Провала Ап Салбаныкы,
Через балку трех
Преисподних бездн,
Какой дорогой,
С какой стороны

Ты хочешь перескочить,
Надеешься перелететь?

Бывало, сестра твоя,
Айыы Умсуур Удаган,
Превратясь в огонь,
Пробегала вмиг
По волнам смоляным
На берег другой;
Оборотни-абаасы
Восьминогими кошками, я слыхал,
По морю горящей смолы
Перебегали не раз;
Расплавлялись на этом пути
Медные ко́гти их...

Если б сумел обернуться ты
Длинным железным копьем
И, вытягиваясь без конца,
Уперся бы острием
О далекий берег другой
И выбрался бы на него,
Наша громкая слава тогда
Еще выше бы поднялась! —

Такие слова
Богатырский конь
Громко сказал-проржал.

Только успел
Это вымолвить конь,
Мигом слетел
Богатырь-исполин
С крутого его хребта,
Скакуна своего повернул
В сторону Средней земли,
Хлопнул по крутому бедру
И послал в пределы айыы.

Перекувырнулся Нюргун Боотур,
Обернулся звонким

Стальным копьем
Длиною в три дня пути,
Перекинулся через поток смоляной,
Звякнув, брякнув,
Уткнулся в берег другой...
Очутясь на том берегу,
Превратился Нюргун в пчелу
Величиною с мешок
Из шкуры оленьей ноги,
В котором скупая старуха подчас
Прячет пожитки свои;
Загудел Нюргун Боотур,
Залетел в глубокий провал,
К подземному логовищу тому
О тридцати просторных норах,
Где Алып Хара обитал,
Аат Могойдоон-исполин...
Словно прорубь, на крыше жилья
Глубокий зиял проем,
На край его сел Нюргун Боотур,
В логовище заглянул.

14. ‹ПОДЗЕМНЫЙ ВОЛШЕБНИК АЛЫП ХАРА ААТ МОГОЙДООН›

Обладатель восьмидесяти восьми
Хитростей колдовских,
Оборотень,
Матерый главарь
Злобных адьарайских племен,
Огромный Алып Хара восседал
Посреди жилья своего...

Не сравнимый ни с чем
В безобразье своем,
О трех, словно щупальцы, головах,
О шести долбежках-ногах,
О шести крутящихся вихрем руках,
Ржавчиной корявой покрыт,
Железный сплошь человек
Важно сидел, развалясь.

На восьми подпорках сиденье его,
Чтоб не подломилось под ним;
На семи укрепах сиденье его,
Чтоб не развалилось под ним, —
Вот на крепком стуле каком
Восседал Аат Могойдоон.

Две ручищи его —
Два чомпо-топора,
Две ручищи его —
Два меча боевых,
Две ручищи —
С когтями на пальцах кривых;
Две ноги у него —
Два железных багра,
Две ноги —
С копытами вместо ступни,
Две ноги —
Для опоры ему.

Нижнего мира богатыри —
Матерые главари,
Верхнего мира богатыри —
Отборные удальцы,
Как по горло объевшиеся глухари,
Гордо выпятив груди свои,
Расселись вокруг него.
Шумный, крикливый спор,
Осуждение, брань, хула
Были в разгаре у них...

Дух-владыка провала
Ап Салбаныкы,
Алып Хара
Аат Могойдоон,
Повелитель верхних и нижних племен,
Восседая внушительно во главе
Буйного сборища абаасы,
Гнева не сдерживая своего,
Поминутно рявкал на них;
А когда он рявкал на них,
От страха у богатырей

Пища, проглоченная вчера,
Извергалась из глоток, свистя и гремя;
С перепугу у богатырей
Пища, проглоченная позавчера,
Вылетала за день пути
Из ровдужных могучих задов.

Аат Могойдоон

А-а, черные плуты,
Кровавые рты!
Если тресну любого из вас,
Разорвется печень в утробе его. . .
Так не раздражайте меня,
Старейшину своего!
Только правду одну
Говорите мне!
Чертовы дети,
Слышали вы?
Проклятые, поняли вы? —
Так орал Аат Могойдоон.

Головами понятливо закивав,
Угодливо отвечали они:
«Поняли, поняли все!
Только спрашивай,
Правду расскажем тебе!
Если хоть слово
Мы соврем,
Пусть тогда у любого из нас
Лопнет единственный глаз,
Пусть семисаженные языки
Пересохнут в глотках у нас,
У корня перегниют!» —
Так адьараи-богатыри
Клялись главарю своему.

Аат Могойдоон

Ты отвечай сперва,
Обитающий на широком хребте,
Словно черного дятла перо
Блистающих черных небес,
Кэкэ Суоруна сын,

Детина свирепых высот
Юс Кюлюк Бэкийэ Суорун!
В прославленном роде твоем,
В племени материнском твоем,
В потомстве, что породил
Косоглазый Кылар Бэргэн,
Появился ли богатырь,
Чьей мощи не одолеть,
Чьей силы не побороть?

Бэкийэ Суорун

Повелитель мой,
Великий тойон!
О чем вопрошаешь ты?
После того как родился ты,
Вскормился и в силу вошел,
Кто еще появиться мог?
Кто сильнее родиться мог?
Извелась порода богатырей!
Не осталось в нашем роду никого,
Кроме только меня одного! —
Так отвечал Бэкийэ Суорун,
Хлопнув по колену себя,
Выпятив горбатую грудь,
В сторону отворотясь. . .

Алып Хара-богатырь,
Аат Могойдоон удалой
Удивленно взглянул на него,
Ухмыльнулся, оскалив клыки,
И зычно захохотал.

Аат Могойдоон

А-ай, досада!
А-ай, какая беда!
От женщины прекрасной такой,
От матери достойной такой,
От Харанга Нюёрэлдьин самой,
Уродился такой урод!
Выродился, видать,
Ваш знаменитый род. . .
А ведь как о себе говорит —

Никого не осталось, кроме него,
Только он один знаменит!

Ну а ты,
Буор Мангалая сын,
Рожденный с ярмом на шее своей,
Последыш в бесценном роду
Кривобоких выродков-сыновей,
Чудовищных потаскух-дочерей
Старого Арсан Дуолая
И старой Ала Буурай,
Ты, горластый силач
Мёгюрюр Бёгё!
В воровато-прожорливой вашей семье
Родился ли исполин,
Появился ли богатырь,
Чью силу не одолеть?
Не слыхал ли ты,
Не узнал ли ты?

Мёгюрюр Бёгё

Повелитель ты мой, тойон!
Странно слышать мне
Твой вопрос! . .
Удальцы у нас извелись,
Молодцы у нас
Никуда не годны. . .
Такая настала пора,
Что могут нас притеснять
Подсолнечные племена,
Что могут нас обижать
Потомки рода айыы.
Худо нам!
Не осталось у нас
Из богатырей никого,
Кроме только меня одного! —

Могучий Алып Хара
Аат Могойдоон-исполин
Удивленно взглянул,
Откачнулся слегка,
Крякнул, хмыкнул,

Прикрывши рот,
Повернулся к нему спиной,
Хлопнул по колену себя.

Аат Могойдоон

Ай, досада!
Ай, какая беда!
От женщины прекрасной такой,
От матери достойной такой,
От самой Мунаах Суналыкы,
Не давшей узнать никому
Предела мощи своей,
К вырожденью рода, видать,
Уродился ты, несчастный урод!
И врет еще. . .
Будто он — богатырь,
Будто кроме него
И нет никого!

Ну а вы что скажете мне,
Ты, Кырбыйа Боотур,
Проклятого неба сын,
Ты, Хаан Чабыргий,
Бурно-студеного неба сын,
Ты, Есёх Суодуйа,
Кровавого неба сын!
Ну-ка, вы, отвечайте живей:
Появился ли где-нибудь в трех мирах
Подлинно исполин-богатырь?
О том не слыхали вы?

Трое абаасы

В Верхнем мире
Не народился никто,
В Нижнем мире
Не появился никто;
Только в Среднем мире, слыхать,
На бескрайней ровной земле,
Скачущий
На вороном коне
Стремительный Нюргун Боотур
Славен стал
В недавние времена! —

Так ответили главарю своему
Трое богатырей.

Алып Хара
Аат Могойдоон,
Раздосадованный,
Отвернулся от них,
Хлопнул по колену себя,
Злобно захохотал.

Аат Могойдоон

Ах вы нечисть,
Ах вы червивая дрянь,
Тоже, думают меня удивить,
То да се болтают сидят!
Кто же в трех мирах не слыхал
О Нюргуне-богатыре?
Кому вы рассказываете о нем?
Ничего, видать, не узнали вы,
Ничего не слыхали вы. . .
Ну так слушайте,
Что я расскажу:
Кто отец ее —
Не ведаю я,
Кто мать ее —
Тоже не знаю я;
Но есть у нее старший брат,
Черный злодей,
Хаан Дьаргыстай;
А звать ее самое —
Прекрасная Кыыс Нюргун,
Отважная девка-бой,
Знается только со мной она,
Лишь со мной выходит на бой;
Раз в три года
По тридцать суток подряд
Дракой с нею
Тешимся мы. . .

Даже такого, как я,
Дюжего богатыря
Заставляет она порой

Упираться в землю рукой,
Зарываться по уши в грязь!..—
Так рассказывал
Аат Могойдоон,
Гордо поглядывая на гостей...

Исполины абаасы,
Дивным рассказом изумлены,
Хлопнули по коленям себя
И отвернулись прочь от него,
Головами в сомнении покачав...

Богатыри абаасы

Девка, говоришь?
Ну и ну!..
Да пропади она!
Баба! Ну и дела!
Да провались она!
Да и кто поверит тебе,
Что девка с ног сбивает тебя,
Что баба одолевает тебя? —
Так отвечали ему,
Ухмыляясь, богатыри.

Аат Могойдоон

Да если я перед вами вру —
Пускай щербатый бубен Хоро
Опрокинет меня ничком!
Пускай неистовая Дьэс Чуонах
Опрокинет навзничь меня!
Правду, правду я говорю! —
Так сидел и клялся
Аат Могойдоон.

15. ‹КЫЫС НЮРГУН И АЛЫП ХАРА ААТ МОГОЙДООН›

Только он это сказал,
Тут же,
Звеня и гремя, с высоты
Прилетело сверкающее копье
И в черную землю

Торчком впилось
Среди логова абаасы.
Раскатился грохот и гром,
Разлетелось дымом копье,
И в собственном виде своем
Прекрасная Кыыс Нюргун
Предстала
Сборищу удалых
Адьяраев-богатырей.
Словно крупные
Русские жемчуга,
Градом слезы из глаз ее
Падали, говорят,
По каменным плитам катясь...
Отчаянные удальцы,
Удалые абаасы
Всполошились, увидя ее,
Повалились навзничь, вопя:
«Басах-тасах!
Бабат-татат!
Горе нам!
Отломились, видать,
Головы девяти журавлей!»
Сильно перепугались они,
По логову заметались они,
Разбежались, попрятались кто куда...

Кыыс Нюргун

Смотри, смотри на меня!
Настал последний мой день!
Солнечных айыы богатырь
С поводьями за спиной
Гонит меня, теснит!
Племени айыы исполин
С чембурами на плечах
Налетел, обидел меня,
Опрокинул доброе имя мое,
Растоптал высокую славу мою,
Толстую кожу мою разорвал,
Пролил мою черную кровь,
Свернул мою шею,
Скрутил мой нос!

Где укрыться мне от него?
Я бы спряталась
В яму из-под столба,
В ступу забилась бы я...

В трех мирах не вижу я никого,
Кто бы мне
Защитою толстой был,
Кроме тебя одного,
Алып Хара
Аат Могойдоон,
Властелин провала
Ап Салбаныкы!
Укрой, огради меня,
Защити дыханье мое!

Нюргуну Боотуру ты не давай
Подмять меня под себя!
Если ты не сумеешь
Меня защитить,
Обесславится имя твое,
Полетит повсюду молва,
Что, мол, бедняга Алып Хара,
Перед исполином Средней земли
От страха всеми костьми задрожав,
Без боя женщину уступил,
Прибежавшую защиты искать...
Где тогда
Ты скроешься от стыда?
Пестрые псы
Тебя засмеют,
Серые псы
Облают тебя! —

Так вот бойко проговорила она,
Проворно молвила слово свое...
Алып Хара
Аат Могойдоон,
Чудовище-адьарай
Расхохотался в ответ.

Аат Могойдоон

Покуда три мои головы
Не слетели с могучих плеч,
Покуда шесть моих
Рук и ног
Не оторвались еще
От железного туловища моего,
Я тебя,
Медногрудую пташку мою,
Златогрудого жаворонка моего,
Никакому Нюргуну не уступлю,
Из виду не упущу! —
Молвив это,
Алып Хара
Шестью ручищами
Обнял ее,
Шестью ножищами обхватил,
Тремя головами
С трех сторон
Нюхать начал с присвистом,
Целовать
Прекрасную Кыыс Нюргун.

16. ‹НЮРГУН БООТУР СПАСАЕТ ХААН ДЬАРГЫСТАЯ И УБИВАЕТ ААТ МОГОЙДООНА›

Гневом объят
С головы до пят,
Смотрел Нюргун Боотур,
Как в обиталище абаасы
Влетела Кыыс Нюргун,
Защиты прося у врага.
Голову приподняв,
Огляделся Нюргун Боотур,
Увидал болотную черную топь,
Полыхающую огнем.
В черной трясине той,
В засасывающей тине густой
Завязнув по самую грудь,
Тонул богатырь
Хаан Дьаргыстай.

Скрученный по рукам и ногам,
Запутавшись в девяноста петлях
Аркана волшебного Ап Чарай,
То всплывая,
То погружаясь опять,
Отрывисто он запел...
Парой чутких своих ушей
Вслушиваясь, Нюргун Боотур
Голос его уловил,
Горькую жалобу различил.

Хаан Дьаргыстай

Посмотри, посмотри на меня,
Прославленный сын айыы
С поводьями за спиной,
Скачущий на вороном коне,
Стоя рожденном на грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур!
Я слыхал,
Что волей владык судьбы
Племена айыы
Послан ты защитить,
От гибели оградить
Людей айыы-аймага...

Ты один лишь
Можешь меня
Из трясины этой спасти...
Поспеши, Нюргун Боотур!
Широкая прежде —
Спина моя
Суживаться начала,
Зоркие зеницы мои
Застилает смертная мгла.
Видно, пора пришла
Оборваться моему кюсэнгэ,
Солнцу моему
Кануть во тьму...
Гнева священного твоего
Не стоит девчонка,
Чья мысль коротка,
На ноги мочащееся дитя...

Гибнущему
Помоги!
Тонущего спаси!
Расстающегося с душой
Не бросай в беде,
Выручай! —

Так, увязая
В топи огневой,
Задыхаясь, о помощи умолял
Богатырь Хаан Дьаргыстай.

«Если сына айыы
Покину в беде,
Грех великий приму на себя,
Обесславлю имя свое. . .
Если я пришел,
Неужель отступлю?
От гибнущего
Неужель отвернусь?
Во имя чего
Юноша смелый
И конь его
Навстречу смерти летят,
Жизнью не дорожат?!
Где не пропадала
Одна голова?
Пусть решает участь мою
Незыблемая судьба!» —
Так подумал Нюргун Боотур
И такие молвил слова.

Нюргун Боотур

Посмотри-ка ты, посмотри,
Прославленный сын айыы
С поводьями солнечными за спиной,
Богатырь Хаан Дьаргыстай!
Одержимая жаждой битв,
Скачущая по бранным полям
На красно-буланом коне,
Прекрасная Кыыс Нюргун,
Удалая сестра твоя

По воле своей залетела сама
В логово абаасы,
Убежища просит она
У Алыпа Хара,
Врага твоего. . .
Прежде я хотел
Жениться на ней,
А теперь мне
Мерзко глядеть на нее.
Но и всё же
Я, сам потомок айыы,
Видя тебя в беде,
Неужто мимо пройду?
Видя гибнущего,
Неужель не спасу?

Как стрела боевая,
В полет устремлюсь,
Как рогатина,
К тебе я метнусь.
А как только я
На куски рассеку
Роковой аркан Ап Чарай,
Ты со всею силою соберись,
Из горящей топи взметнись,
Руками, ногами взмахни,
Вырваться попробуй
Сильным рывком,
Выпрыгнуть могучим прыжком!
Собери всю ухватку и ловкость свою,
Смотри — не сгуби себя!

Заклинательница
Девяти небес,
Врачевательница
Восьми небес,
Айыы Умсуур Удаган,
Дорогая старшая
Наша сестра!
Если ты наверху,
Опустись!

Если ты внизу,
Подымись!

В трясину подземную брошусь я,
В тину огненную окунусь,
В бездну черную погружусь,
Откуда не возвращался никто...
Покровительница моя,
Айыы Умсуур Удаган,
На помощь сюда явись!
Брось мне волшебную плеть
О восьми хвостах,
Чтобы восемь ее хвостов
Превратились в восемь мечей,
Чтоб ударом одним
На восемь частей
Сумел я рассечь
Аркан Ап Чарай,
Чтобы в крошево его превратил!
В подвиге меня поддержи,
В полете силу пошли!
Дай мне удачу!
Уруй-айхал! —

Так воскликнул Нюргун Боотур
И, в белого сокола превратясь,
Взлетел на кручу скалы,
Изготовясь броситься
В черную топь.

Старшая могучая его сестра,
Айыы Умсуур Удаган,
Услыхала его призыв:
Обернувшись чудовищной —
В пегом пере —
Огромной птицею Бар Дьагыл,
Прилетела, крыльями грозно шумя,
Села с треском,
Грузная, как гора,
На вершины мерзлые девяти
Древних елей в густом снегу,
Бросила брату

Волшебную плеть,
Звенящую, о восьми хвостах;
Выдохнула густой туман,
Оделась облаком белой мглы,
Чтобы никто ее видеть не мог;
Взгляд ее немигающих глаз,
В две огненные полосы превратясь,
В две сверкающие вожжи,
Протянулся к Нюргуну-богатырю,
Захлестнулся под крыльями у него,
Как поводья тугие, окреп. . .

Светлых айыы
Прославленный сын
Стремительно ринулся,
Крылья сложив,
В крутящуюся черную топь,
Где тонет даже
Паук водяной;
Врезался
В гибельную глубину,
Ударом небесной плети рассек
Неразрывный аркан Ап Чарай,
На куски его разрубил,
В крошево искрошил.
С треском лопнул волшебный аркан,
Вздыбилась бездонная зыбь,
Вспучилась черная топь,
Выбросила из себя
Пленника своего.
Тут освобожденный от пут
Хаан Дьаргыстай-богатырь,
Одним прыжком очутясь
На каменном берегу,
С криком свой меч обнажил
И бросился на Алыпа Хара,
Как кобыла с мерином, с ним
Крутиться, играть пошел.

Огненная преисподняя топь
Взвыла,
Выдохнула кровавую муть,

Захлестывая с головой
Нюргуна Боотура богатыря,
Концами обрубленными Ап Чарай
Заарканил ноги его.

Вырвался Нюргун Боотур,
Держась на поводьях тугих
Старшей своей сестры,
По аркану волшебному еще раз
Небесной плетью хлестнул,
Восемь петель его рассек
И взлетел на берег крутой,
Твердо стал на мерзлой земле.

Чудовище Алып Хара
Аат Могойдоон-исполин,
Не подпуская к себе
Хаан Дьаргыстая-богатыря,
Шестью ручищами колотя,
Отпихивался от него,
Шестью ногами
Лягался, пинал,
Подножки ставил ему...
Да неужто Нюргун Боотур
На месте будет стоять,
Не бросится помогать
Светлому сыну айыы
С поводьями за спиной?

Главарю адьарайских сил
Аат Могойдоону-богатырю
Напрочь Нюргун
Отсек, изловчась,
Одну извивающуюся башку,
У исполина подземной тьмы
Две могучих руки,
Две дюжих ноги
Повисли,
Бессильно поволоклись,
Словно ровдужные ремни...

Тут оба сына айыы,
Оба славных богатыря,

Накинулись на Алыпа Хара;
За срок, в который могли бы вскипеть
Три чана,
Один за другим,
С чудовищем абаасы
Справились еле-еле они...

Три его смоляных головы,
От огромного тулова отрубив,
На три жертвенных заостренных столба
На дне жерла
Подземной страны
Насадили богатыри.
Мигая глазами,
Пасти кривя,
Дергались головы на столбах,
Соскочить норовили, да не могли...
Руки, ноги чудовища отрубив,
Туловище врага растоптав,
Труп его бросили богатыри
В огненную подземную топь.
Просторное логовище его,
О тридцати глубоких норах,
Со смехом разрушили богатыри,
Растоптали в пыль, хохоча,
Развеяли, как туман на ветру,
Радуясь, как на кумысном пиру
Солнца и Месяца по весне.
Говоря: «Одолели мы
Страшного недруга своего!
Наше счастье нам помогло!» —
Двое богатырей айыы
Радостно обнялись,
Верхнюю друг у друга губу
Троекратно поцеловали они,
Так что по три ложки крови у них
Выступило на нежных губах;
Нижнюю друг у друга губу
Обнюхали шестикратно они,
Так что крови по шесть черпаков
Выступило на нежных губах.

17. ‹ВТОРОЙ БОЙ ЖЕНИХА И НЕВЕСТЫ›

Покамест, как брата брат обретя,
Радовались друг другу они,
Вдруг, отколь ни возьмись,
Полы заткнув за кушак,
Угрожая копьем,
Сверкая мечом,
Вихрем налетела на них
Одержимая жаждой битв,
Скачущая по бранным полям
На красно-буланом коне
Прекрасная Кыыс Нюргун.
С лица ее
Будто слетал огонь,
Вырывалось пламя из глаз.
Казалось, будто великий кузнец,
Раскаленную добела
Железную полосу из огня
Бросив на наковальню свою,
Начал яростно
Молотом бить,
И вихрем искры летят
Из-под молота у него, —
Так вот ненавистью,
Что ничем не смирить,
Пламенела Кыыс Нюргун.
Кажется, хоть убьешь ее —
Не отступится от вражды,
Хоть разрубишь толстую кожу ее
И прольешь ее черную кровь —
Не остынет злоба
В сердце ее.
Грозно, в упор смотря
Нюргуну Боотуру в глаза,
Гневно закричала она.

Кыыс Нюргун

Посмотрите-ка на него!
Вот он —
Бродяга и озорник,
Не уживщийся в доме своем!

Вот он — непутевый глупец,
Не прижившийся на месте своем!
Мало было тебе уронить
Высокое имя мое,
Мало было тебе очернить
Мое блистающее лицо,
Ты славу мою
Поносишь теперь?
Прежде ты жениться
Хотел на мне,
А теперь тебе
Мерзко глядеть на меня?
А теперь ты
Брезгуешь мной?
Не дитя я,
Чтоб ты надо мной
Посмеяться мог,
Не девчонка, чтоб ты от меня
С презрением отвернуться мог!
Я сейчас
Могучим ударом своим
Девять толстых ребер твоих перебью,
Не дав тебе
Ни на пядь отступить!
Я толстую кожу твою разрублю,
Черную кровь твою
Лужею разолью,
Длинные кости твои сокрушу!

Опозорю
Громкое имя твое,
Опрокину
Зычную славу твою,
Убегать заставлю тебя!
С дюжей твоей спины
Толстую кожу сдеру,
Переломаю кости твои,
Уши твои оторву,
Превращу тебя
В раба своего,

Грязь велю
Убирать за собой!

Чем женою стать
Такого, как ты,
Лучше пусть разорвется
Кожа моя,
Прольется
Черная кровь моя,
Сокрушатся
Длинные кости мои!
Чем такого презренного
Мужем назвать,
Чем позволить взбираться ему
На высокое лоно свое,
Лучше мне
Навеки проклятой быть,
Лучше девкою век прожить,
Радости материнской не знать,
Дома обильного не заводить,
Крепких сыновей не растить,
Загоны просторные для скота
Городьбою не обносить! . .

Кто бы ни встречался с тобой,
Того ты в яму валил,
Кто бы ни дрался с тобой,
Ты всех убивал, —
Такая молва о тебе!
Я не отступлю от тебя,
Пока не разрубишь ты
Толстую кожу мою,
Покамест грудою плавника
Не рухнут кости мои! —
С криком Кыыс Нюргун
Размахнулась длинным
Мечом-пальмой,
Ударить по голове норовя,
Темя Нюргуну рассечь.

Проворно Нюргун Боотур
В сторону отскочил,

Примерно на девять саженей.
Одержимая жаждой битв
Отважная Кыыс Нюргун
Обрушила страшный удар
На черный камень-валун.
Загрохотал, загремел,
Раскололся камень-валун,
Молнии, засверкав,
Брызнули из-под меча,
Загремело гулкое дно
Пропасти Ап Салбаныкы...

Летающий на вихре-коне
Хаан Дьаргыстай удалой
Громко вскрикнул,
Крепко схватил сестру
За обе руки ее.
Вспыхнув гневом,
Грозно глазами блестя,
Он заговорил горячо,
Слово твердое произнес;
Веско, как старший брат,
Образумливать начал он
Обезумевшую от гнева сестру.

Хаан Дьаргыстай

Стой, ты, девка!
Опомнись, уймись!
Это я говорю —
Твой старший брат!
Прославленного племени сын,
Силой и доблестью
Равный нам,
Только он достоин
Быть мужем твоим,
Только он подходит тебе!
Если не его,
То кого же еще
Выберешь ты в мужья?
Он меня от гибели спас!..
Покуда мир не порушен у нас,

Покуда худом не стало добро,
Замуж за него выходи!
В гнев меня не вводи!

Кыыс Нюргун

Пускай ты не в меру телом могуч,
Пустая у тебя голова!
Распирает силища плечи твои,
А разумом ты — глупец!
Гневом своим
Пугаешь меня?
Старшинством попрекаешь меня?
Замуж идти
Заставляешь меня?

Я надеялась, я ждала,
Что, если на волю вырвется брат,
Он поддержкою будет мне,
Если навзничь я упаду,
На ноги поднимет меня...
Чтоб тебя из огненной топи спасти,
Я околдовала врага,
Восемьюдесятью восемью
Чарами глаза отвела
Чудовищу Алып Хара
Аат Могойдоону-богатырю.
Вот почему без помех
Непутевый этот бродяга сумел
Разрубить колдовской
Аркан Ап Чарай.
Он победу присвоил себе
И пуще прославил имя свое,
И возвеличил славу свою!
Не досадно ли это мне?

Старшим братом моим
Иль кем хочешь будь,
Гневись или не гневись на меня,
Посмотрю еще, как сладит со мной
Пожелавший жениться на мне.
Если нужен будет мне муж,

Сама я мужа найду,
Это дело — мое, не твое.
Прочь отойди! Не мешай,
Старший мой брат-тойон! —

Так запальчиво крикнула Кыыс Нюргун
И яростно начала
Удары свирепые наносить
Нюргуну Боотуру-богатырю...

Успевая едва-едва
Увертываться от ударов ее,
Вспылил наконец
Нюргун Боотур.
Золотыми опилками он
Ощетинился, засверкал,
Железными опилками побагровел,
Медными опилками позеленел.

Как в степи табун лошадей,
Шарахнувшись, кидается вскачь,
Всё топча на своем пути,
Так кровавый сгусток гнева его
Яростно вздулся в нем...
Как раскатывается гром
По тучам из края в край,
Бешеный, неукротимый гнев
Раскатился по жилам его...
Вздыбясь, как боевое копье,
Страшен видом,
Темен лицом,
«Не такое я видел — и жив!» —
Воскликнул Нюргун Боотур
И ринулся на Кыыс Нюргун.

С треском брызнул
Камень-дресвяк
У дерущихся
Из-под грузных ног.

Черный западный ветер взвыл,
Мокрый снег
Полетел, зашумел,

Днище бездны Ап Салбаныкы
Закачалось, расплескиваться начало,
Как вода в посудине берестяной.
Погибельная подземная топь
Полыхнула тусклым огнем,
Перехлестываясь через край:
Покачнулось,
Сдвинулось лоно ее...

Взвыл, заревел
Осол Уола;
Налетела, неистово хохоча,
Завизжала Илбис Кыыса;
Девять вихрей
Взметнулись, кружа...
Топот, грохот,
И гул, и гром —
Не молкнущие
Ни ночью, ни днем...
Тревога великая поднялась,
Суматоха, переполох...
Взбудоражился воплями
Верхний мир,
Дрогнул ревом
Средний мир,
Всполошился
Подземный мир.
Над бедственным лоном
Средней земли
Вихрем красный песок взлетел,
Мглой багровой в небе повис;
С трехъярусных
Необъятных небес
Градом иглистый лед
С грохотом низвергаться стал,
В Нижнем мире
Промерзшая толща земли,
Растрескавшись,
Разлетаться пошла...

Под бурею на полях
Телята начали умирать,

Коровы начали околевать,
Не стало защиты им...
Стали кони падать
В отгонных лугах,
Стали звери гибнуть в лесах,
Всюду рушиться жизнь начала...
Будущего потомства судьба
Опрокинулась,
Гибель пришла,
Нагрянула роковая беда...
Крики женщин слышались на земле;
Беременные в половине поры,
Корчась, падали на орон,
Выкидывали недоношенный плод...

А великанша и богатырь,
Не помня, кроме вражды, ни о чем,
Тридцать дней и ночей подряд
Грозный поединок вели...

18. ‹ЖАЛОБЫ ВСЕХ МИРОВ И ПОВЕЛЕНИЕ ЮРЮНГ ААР ТОЙОНА›

Властелин подземных глубин
Исполин Арсан Дуолай,
Прародитель свирепых абаасы,
Населяющих Нижний мир,
Древний старец
Луогайар Луо Хаан
Глухо, тяжело простонал
В логове дремучем своем.

Арсан Дуолай

Ай, беда! Ай, какая жуть!
Ох, больно,.. Ох, тяжко мне...
Грузный топот тяжелых пят
Сотрясает толщу земли!
Через каменное темя мое
Топот ног
Проникает в мозг,

Отдается болью в висках,
Отдается гулко в спине,
Перехватывает дыханье мое!
Мутит и тошнит меня!

Отчаянные головы Средней земли,
Буйные чада айыы
Опять будоражат мир,
Рушат лоно
Трех преисподних бездн!
Было мало им разгромить
Силу адьарайских племен?!
Наших лучших богатырей
В битвах перебили они,
Сокрушили длинные кости их,
Разбросали грудами, как плавник,
По берегам подземных морей!..
Сына любимого моего,
Исполина Уота Усутаакы,
Убили они...
Я плачу о нем...
Ох, слезищи — слезы мои!
Рожденного в бранный век
Есёх Харбыыра-богатыря
Тоже погубили они....
Сгинул мой дорогой сынок!
Горюю о нем, скорблю,
Утешиться не могу...

Светоч ока зрящего моего,
Десну моих крепких зубов,
Сына третьего моего,
Исполина Алыпа Хара
Безжалостно истребили они!
Отрубили шесть его рук,
Отрубили шесть его ног,
Отсекли три его головы,
Насадили на три шеста!
И качаются, как живые, они
На жертвенных кровавых шестах...

Ох, беда!
Ох, горе мое!

Эти исполины айыы,
Убийцы моих детей,
Пусть дадут мне покой,
Пусть уйдут скорей!
Пусть великий Юрюнг Аар Тойон
Милость нам явит свою,
Могучих потомков рода айыы
Отсюда перенесет
На дальний край
Владений своих!
Но если пройдет три дня,
А эти двое
Останутся здесь
Нескончаемый бой продолжать,
Пусть не обижается на меня
Белый владыка небес, —
Лопнет тогда терпенье мое!
Я проклятием страшным
Их прокляну!
Скачущего на вороном коне,
Стоя рожденном на грани небес,
И одержимую жаждой битв
Прекрасную Кыыс Нюргун
Двум илбисам я прикажу
В спины меж лопатками поразить
Двумя рогатинами атара
И бросить их вниз головой
В огненную бездонную топь! —

Так вопил, угрожал
Арсан Дуолай.

Прародитель верхних абаасы,
Восседающий на хребте
Завихряющихся южных небес,
В гневе просыпающийся ото сна
Вспыльчиво-грозный Улуу Тойон
Вскинулся на ложе своем,
Встревоженно заговорил.

Улуу Тойон

Ыарт-татай! Алаатыгар!
Опять тревога, опять беда!..
Ох, когда ж, когда ж
Посветлеет в глазах?
Грохот боя,
Топот тяжелых ног
Сквозь толстые подошвы мои
Прожигает меня огнем,
Отдается колотьем
В хребте спинном...
В пояснице такая резь,
Будто внутри у меня
Вздеваются на острый рожон
Вздувающиеся почки мои!
Эй, сыновья,
Эй, дочки мои,
Поживей взгляните
С облачных круч —
Крутится ли внизу
Мой колдовской аркан?
Вихрится ли над землей
Огненный посох мой?
Для этих озорников
Час расплаты, видать, настал...
Через край переполнилась, вижу я,
Чаша их непомерной вины!
Недостаточно было им
Недругов своих растоптать,
Собственную судьбу
Растаптывают они,
Вселенную разрушить хотят!
Он ведь должен был
Жениться на ней,
А гляди-ка —
Тешится дракой вовсю
С предназначенной подругой своей...
Есть ли что на свете святей,
Чем жениться по воле судьбы?!
А он ее лупит, гневом дыша.
Да и девка тоже, видать, хороша!

Вместо того чтобы замуж идти
За суженого своего,
Тумаками она встречает его,
Пинками угощает его!
Если их разнять, помирить,
Миром не уймутся они.
Если буйных таких поженить,
Норовом не сойдутся они...
Если их теперь не унять,
Всем нам несдобровать.

Этих чудовищ придется нам
Страшным заклятьем заклясть,
На месте окаменить
И к незыблемому черному дну
Бездны Ап Салбаныкы
Трижды заклиненной острогой
Наглухо пригвоздить,
Чтоб три века с места они
Сдвинуться не могли.
Толково, по-моему, слово мое,
Другого исхода нет! —

Так великий Улуу Тойон,
Выдохнув облако огненной мглы,
Вымолвил решенье свое...
А старейшины-мудрецы
Племен уранхай-саха,
Угнездившихся на широкой груди
Обильной бедами Средней земли,
В напастях испытанные старики,
Зашептались между собой:
«За что такое несчастье нам?
За какие наши грехи?!
Средний мир всей толщей своей
Трескается, дрожит...
Теперь того и гляди —
Рухнут кровли наших домов,
Потухнет огонь в очагах...
Где пристанище мы найдем?

Все погибнем,
Все пропадем...

Исполины-богатыри,
На которых надеялись мы,
Что в беде придут, защитят,
Сами нам беду принесли,
Опрокинули судьбы
Наших детей!
Неуемной своей враждой,
Непомерной тяжестью ног своих
Трех миров опоры поколебав,
Рушат они
Наши дома,
Губят наши бесчисленные стада...
Опрокинула наш удел,
Будто ударом хвоста,
Прихотью злобной своей,
Одержимая жаждой битв,
Скачущая по бранным полям
На красно-буланом коне
Прекрасная Кыыс Нюргун!

Да неужто
И впрямь она
Думает одолеть
Величайшего в мире богатыря,
Который бросил вниз головой
В огненный водоворот
Есёх Харбыыра-абаасы,
Великана подземных бездн,
Не знавшего равных себе?!
Неужель забыла она,
Что могучий дух-властелин
Ледяного моря Муус Кудулу
Уот Усутаакы
Нюргуном был побежден?
Неужель не помнит она,
Что им в поединке убит
Ардьамаан-Дьардьамаана сын,

Удалой Сортол-богатырь,
Бохсоголлой Боотур?

Неужель в своем безумье она
Надеется одолеть
Нюргуна-богатыря,
Который в недавние дни победил
Уота Усуму самого,
В испытании роковом
Усидев на вервии огневом,
На небесном Халбас Хара?
Неужель в гордыне своей
Думает она обломать
Исполина, который спас,
Из трясины вытащил огневой
Хаан Дьаргыстая-богатыря?
А ведь сам Хаан Дьаргыстай
Силой невиданной наделен!

На блистающем высоком хребте
Трехъярусных белых небес,
Перед чертогом владыки айыы
Поставлен в древние времена
Восьмигранный прозрачный
Каменный столб;
Тяжесть его равна
Четверти веса
Мира всего, —
Бывало, Хаан Дьаргыстай
Этот огромный каменный столб,
Приподняв сперва на бедро,
А потом — на грудь,
А потом — на плечо,
Трижды его обносил
Вокруг серебряного жилья
Юрюнг Аар Тойона,
Владыки небес!
Вот какого богатыря
Из трясины огненной спас
Исполин Нюргун Боотур...

Если б смог Нюргун
Ей шею скрутить,

Если б лютость ее
Сумел укротить,
Если бы позабыла вражду,
Очеловечилась бы она,
Добросердечной стала женой,
Вечный бы мир настал на земле,
Не о чем бы стало тужить!» —
Так старейшины уранхайских племен
Говорили между собой...

На вздымающейся груди,
На крутом высоком хребте
Трехъярусных
Беломолочных небес,
В белой сияющей седине,
Нежным зноем дыша,
В высокой шапке из трех соболей,
Престарелый Юрюнг Аар Тойон
С белокаменного своего
Сиденья сверкающего поднялся,
Поддерживаемый с трех сторон
Тремя служителями-айыы,
Медленно ступая
По медным полам,
Из серебряного дворца своего,
Из-под кровли его золотой,
Дверь повелев распахнуть,
Вышел на звонко утоптанный двор,
Окруженный белыми восемью
Удаганками высоких небес,
Сопровождаемый девятью
Богатырями небес,
И, опершись на медный костыль,
На звонкий сверкающий посох свой,
В раздумье недолгий срок простоял,
И, выпрямившись, произнес
Заветное слово свое.

Юрюнг Аар Тойон

В Нижнем бедственном мире,
Как я слыхал,
Трещит, колеблется жизнь

Тридцати шести адьарайских племен...
Стонет старый Арсан Дуолай,
Охает старуха Ала Буурай.

На обильной бедами Средней земле
Увядать пошел
Благодатный цвет,
Опрокидываться начала
Счастливая будущая судьба
Тридцати пяти отважных племен
Рода солнечного
Уранхай-саха.

Разладилась,
Гибнет жизнь
Тридцати девяти племен
Верхних абаасы,
Что расплодили Улуу Тойон
И старуха его
Куохтуйа Хотун,
Угнездившиеся на другой стороне
Бесноватых южных небес...

Уйма верхних абаасы
Убита в прежних боях;
Уйма нижних абаасы
В битвах истреблена...
Теперь бы вот мирно жить!
Да нежданная случилась беда:
Два сильнейших чада Средней земли,
Друг у друга
Славу отнять норовя,
Драку затеяли между собой,
Страшный поединок ведут...

Одержимая жаждой битв
Прекрасная Кыыс Нюргун
Ради пущей славы своей
Небывалый затеяла бой
С другом, предназначенным ей
Матерью Айыысыт,

За которого замуж выйти должна
По воле владык судьбы.
Из-за распри их
В трех мирах
Может вспыхнуть опять
Огневая брань...

Как Одун Хаан повелел,
Как Чынгыс Хаан утвердил,
Как Дьылга Тойон приказал,
Вы, шесть удаганок-айыы,
Поспешите, летите,
Пролейте кровь
Одержимой жаждою битв
Прекрасной Кыыс Нюргун.
Восемьдесят восемь
Уловок ее,
Девяносто девять
Чар колдовских
Сожгите в огне костра,
Очистите кровь ее,
Обновите состав ее
И благословите на долгую жизнь,
И устройте ее судьбу,
Чтоб человеком стала она,
Чтобы счастье свое нашла! —

Так Юрюнг Аар Тойон повелел,
Трижды над головой приподняв
Высокую шапку свою
Из трех огузчатых соболей,
Украшенную пером.

19. ‹НЕБЕСНЫЕ ШАМАНКИ УДАЛЯЮТ КОЛДОВСКИЕ ЧАРЫ ОТ КЫЫС НЮРГУН И ОБРАЩАЮТ ЕЕ В КРАСАВИЦУ›

В эту пору
На недостижимом хребте
Трехъярусных белых небес
Загремели неистово

Шесть колдовских
Колотушек
В руках шести
Белых удаганок-сестер;
Заревели огромные бубны их,
Раскатился грохот и гром
Над простором Средней земли,
Три подземных бездны потряс,
Неумолчно гудя,
Устремился вниз.

Увешанный космами жертвенных грив,
Украшенный пышно, пестро,
Белый перевал Сиэги,
По которому ходит сама
Почитаемая Айыысыт,
Перистые облака отогнав,
Раскинулся над землей.

Дочь Солнца
Кюёгэлдьин Удаган,
Дочь Месяца
Ыйбалдьын Удаган,
Дочь звезды Арагас
Айбалдьын Удаган,
Дочь звезды Чолбон
Нуолур Удаган,
Дочь звезды Юргэл
Сэймэлдьин Удаган,
Дочь Сулуса-звезды
Ирбэлдьин Удаган,
Теплый воздух
Неся с собой,
Стаей куропаток
Вниз понеслись;
Белое облако
У них под ногами,
Черное облако — над головами.
Шелковистые кисти одежд
Свисают у них до пят,
Серебряные длинные брякунцы,

Словно камышинки
Великих озер,
Позванивают за плечами у них.
Словно круглые озера в тайге,
Огромные бубны их,
Подвесками бронзовыми бренча,
Бубенчиками звеня,
Стозвучно ревут, гремят;
Каменные колотушки их,
С конскую ногу величиной,
Оглушительно грохоча,
В буланые бубны стучат...

Белые удаганки небес,
Плавно с высоты опустясь
На перевал Сиэги,
Ровным гулом бубнов своих,
Чародейной силою слов
На Средней земле
Уняли бушующий вихрь,
Разогнали клубящиеся облака...
Тут же
Черный западный ветер утих,
Дождь со снегом
Хлестать перестал,
Вихри неистовые улеглись...

Над захлопывающимся ртом
Пропасти Ап Салбаныкы,
Над провалом глотки ее,
На вздыбленных девяти мысах,
У подножья восьми
Полосатых скал
Белые удаганки небес
Медный поставили арангас,
Девять костров зажгли.

Дочь звезды Арагас
Затянула песнь,
Дочь звезды Юргэл

Кружиться пошла,
Дочь Сулуса
Длинные косы свои
Причесывать начала;
Дочь Луны,
Ладони чашкой сложив,
Протянула руки свои;
Дочь прекрасной звезды Чолбон
Звонко причмокивать принялась;
Дочь Солнца
Кюёгэлдьин Удаган,
Вскинув бубен
С озеро величиной,
Дробно в тугую кожу стуча
Каменной колотушкой своей,
Девять раз поклонясь
Девяти кострам,
На колени став
Посреди огней,
Заклинанья петь начала,
Славословить, благословлять...

Кюёгэлдьин Удаган

Доом-эрэ-доом!
Долгую песнь запоем,
Доброе изречем,
Благословенье произнесем...
Удача и слава!
Уруй-айхал!

Вшестером

Кюлюм-мичик...
Кюёгэл-нусхал...
Удача и слава!
Уруй-айхал!
Доом-эрэ-доом!

Кюёгэлдьин Удаган

Доом-эрэ-доом!
Чтоб тебе
Человеком стать,

Чтобы доброй женщиной быть,
Чтобы счастье тебе добыть,
Тело твое
Огнем обмету!
Черную кровь
Очищу твою!
Удача и слава!
Уруй-айхал!

Вшестером

Кюлюм-мичик...
Кюёгэл-нусхал...
Удача и слава!
Уруй-айхал!
Доом-эрэ-доом!

Кюёгэлдьин Удаган

Доом-эрэ-доом!
Летающая по бранным полям
На красно-буланом коне
Прекрасная Кыыс Нюргун!
Как Одун Хаан предопределил,
Как Чынгыс Хаан повелел,
Как Дьылга Тойон приказал,
Прилетели мы за тобой,
Властно заклинаем тебя,
Грозно приказываем тебе:
Пусть расширится
Твоя голова!
Пусть мгновенно сузится
Длинный хвост твой!
Не успеешь дохнуть,
Мы втянем тебя,
Не успеешь моргнуть,
Проворно лети!
Уруй-туску!
Уруй-айхал!

Вшестером

Уруй-туску!
Уруй-айхал!

Чуо-чуо-чууп. . .
Чуо-чуо-чууп! —

Так воскликнув,
Шесть небесных сестер
Чуть откинулись
Головами назад
И втянули с силой
Воздух в себя. . .
У прекрасной Кыыс Нюргун
Голова закружилась вдруг,
Зашумело у ней в ушах;
Взметнулись полы ее,
Мелькнули пятки ее,
Сгинула, улетела она. . .
Ринулся Нюргун Боотур
На противницу удалую свою,
Опрокинуть ее хотел,
Смять, придавить к земле,
Сразу окончить брань,
Но лишь воздух он обхватил,
Обнял черную пустоту,
И сам в потемках упал,
Сажен на девять
Выбил яму в земле
Грузным паденьем своим.

Гневно поднялся он,
Крикнул: «Не уйдешь от меня!» —
Обернулся птицею Ексёкю,
Огромной, о трех головах,
С перьями как стальные мечи,
С грозным клекотом взлетел в высоту,
Крыльями грохоча,
Полетел на огни
Девяти костров,
На голос шести
Небесных сестер.

Услыхала его полет
Айыы Умсуур Удаган,

Метнула она в высоту
Свой аркан о шести петлях,
Захлестнула птицу о трех головах
И бросила ее на лету
На хребет восьми
Острозубых скал.

Раскатился грохот
В подземной тьме,
Брызнул из камня огонь;
И стремительный Нюргун Боотур
В собственном виде своем
Предстал перед старшей сестрой,
Погрузнув до бедер
В мерзлой земле...

Айыы Умсуур Удаган,
Старшая Нюргуна Боотура сестра,
Крикнула, увидев его:
«О дитя дорогое мое,
Младший брат мой!
Уйми свой гнев,
Ярость свою укроти!
Посмотри, как сестры твои
Устраивают для тебя
Невалкую будущую судьбу,
Неколебимое счастье твое!»

И увидел Нюргун Боотур:
Дочь звезды Чолбон
Нуолур Удаган,
Девятирогим железным рожном
Кромсая тело Кыыс Нюргун,
Недвижно лежащее на земле,
Рассекает толстую кожу ее,
Выпуская черную кровь ее
На огонь девяти костров.

Прекрасной Кыыс Нюргун
Порочная злая кровь

Копошащимся множеством
Красных червей
Падала в костерный огонь...
Могучие мышцы ее,
Словно толстые змеи, клубясь,
Сыпались из-под рожна.

Дочь Юргэл Тойона затем
Рогатиною стальной
Вскрыла клетку грудную
Кыыс Нюргун,
Пронзила могучее сердце ее;
Ящерица, свистя,
Выскочила из него.
Дочь Сулус Тойона-звезды,
Сверкающей острогой
Ящерицу пронзив,
Швырнула ее в огонь...

Дочь звезды Арагас,
Заклинанья творя,
Кости белые
Кыыс Нюргун
Сложила на медный лабаз,
Установленный посреди огней
Девяти высоких костров;
Дочь Месяца
Ыйбалдьын Удаган,
Ладонями по костям поводя,
Силой небес
Освятила их;
Дочь Солнца
Кюёгэлдьин Удаган
Желтый сок животворный влила
В уста застывшие Кыыс Нюргун,
Серебряные кости ее
Белой благодатью небес
Щедро окропила она;
А потом живою водой,
Оживляющей мертвых,
Очищающей всё,

Дарующей силу и мощь,
Наполнила сердце Кыыс Нюргун,
Обрызгала суставы ее,
Оросила лицо ее.

Где было мясо на стройных костях —
Мясо новое наросло,
Где прежде кожа была —
Кожа новая наросла,
Кровь живая
По жилам пошла...

Женщиной невиданной красоты
Сделалась Кыыс Нюргун;
Блистая дивною красотой,
Как живая, лежала она;
Хоть и прежде красива была,
Лучше стала,
Чем прежде была...

Шесть небесных белых сестер,
Ложе ее окружив,
Благословенье произнесли,
Освященья пропели песнь.

Шесть сестер

Доом-эрэ-доом...
Доом-эрэ-доом...
Властные врачевать,
Мощные оживлять,
Волею вечных сил
Будим тебя
От смертного сна...
Уруй-уруй!
Уруй-уруй!

Доом-эрэ-доом...
Доом-эрэ-доом...
Властные дыханье возвращать,
Приказываем тебе —

Всею грудью вздохни,
Всеми жилками встрепенись,
Всеми суставами шевельнись!
Благо да будет тебе!
Благословляем тебя...
Айхал-айхал!
Айхал-айхал!

Доом-эрэ-доом...
Доом-эрэ-доом...
Пусть по жилам кровь побежит!
Пусть дрогнут ресницы твои,
Пусть откроются зеницы твои!
В бубны гремим,
Будим тебя
Властью своей,
Словом своим!
Кюлюм-мичик!
Кюёгэл-нусхал!

20. ‹ШАМАНКА АЙЫЫ УМСУУР БЛАГОСЛОВЛЯЕТ ЛЮДЕЙ АЙЫЫ НА СЧАСТЛИВУЮ ЖИЗНЬ›

Только пропели заклятье свое
Белые удаганки небес,
Прекрасная Кыыс Нюргун,
Молвив: «Как я крепко спала!»,
Поднялась на ложе своем.

Возликовали богатыри
Славного рода айыы,
Громко возгласили: «Уруй!» —
Крепко на радостях обнялись,
Трижды поцеловались они.

У прекрасной девы
Кыыс Нюргун
В сердце вражда
Улеглась, видать,
Буйная одержимость прошла,

Страсти к бою
Как будто и не было в ней.

Невиданной на земле красотой
Дивно заблистала она,
Словно ласковый летний день,
Улыбкою засияла она.
Величава как лебедь,
Как стерх стройна,
Словно солнце полдня светла,
Словно полный месяц ясна,
Родичам славным своим
Ласково улыбнулась она.

Старшая их сестра
Айыы Умсуур Удаган,
Когда настала пора
Ей и сестрам ее улететь,
Оставляя богатырей на земле,
Молвила им
Слово свое.

Айыы Умсуур

Устроили мы ваш удел —
Уранхаями быть
На Средней земле,
Счастье дали вам
Стать людьми саха!
Пусть добром ваш дом одарит
Добрая Иэйэхсит!
Пусть потомством вас одарит
Богиня Хоронг Айыы!
Пусть ваших детей судьба
Высокая возрастет!
Пусть множится в загородках у вас
Бесчисленный коровий приплод!
Поддерживая огонь в очагах,
В мире живя, утешаться вам,
Радоваться всегда
В изобильных ваших домах!
Будьте как древо в росту

Десять веков подряд,
Вырастайте вширь, в высоту
Девять веков подряд,
Стойте, не увядая, в цвету
Восемь веков подряд!

Скачущий на вороном коне
Стремительный Нюргун Боотур,
Смотри, не забудь мой наказ:
Не огорчай, не смущай никогда
Добрую подругу свою,
Одаренную благодатью живой
Богини Хоронг Айыы,
Косо на нее не гляди,
Не вспоминай никогда,
Что она сражалась с тобой.
Добро, если муж и жена
Дружно, в любви живут,
Тогда лишь Иэйэхсит
Всегда у них будет гостить,
Тогда лишь Айыысыт
Всегда их будет хранить...

Пусть небесная стужа
На вас не дохнет!
Пусть подземный сквозняк
Не продует вас!
Пусть ваша рука
Не встретит помех,
Пусть ваша нога
Не споткнется нигде!
Долгий век вам!
Уруй-айхал!

Скачущий на вихре-коне
Хаан Дьаргыстай-богатырь,
Дорогое мое дитя!
По воле матери Иэйэхсит
Предназначена стать
Женою твоей,
Подругой твоею быть,

Достойной хозяйкой-хотун
Прекрасная Айталыын Куо,
Красавица с восьмисаженной косой!
Ты на ней женись,
Приехав домой...

Предназначенную подругу твою,
Кроткую Айталыын Куо,
Не обижай ничем, никогда!
А не то отвернется прочь от тебя
Могучая Айыысыт
И опрокинется счастье твое,
Благословенье Иэйэхсит
Рухнет и вспять пойдет...
Без хозяина сиротой
Останется твой изобильный дом,
Ненадежна будет судьба
Порожденных тобою детей...

На десять долгих веков
Теперь породнимся мы,
На девять веков
Мы с вами друзья,
На восемь веков
Мы одна семья...
Будет так, как я говорю!
Да сбудется вещее слово мое,
Да свершится благословенье мое!
Долгий век вам!
Уруй-айхал! —

Трижды поцеловав
Родичей младших своих,
Айыы Умсуур
И сестры ее,
Обитательницы небес,
Улетели в светлую высь;
А посланные жить на земле
Исполины-богатыри,
Зычным криком
Призвав, приманив

Крылатых коней своих,
Не задерживаясь ни на час,
Из пропасти поднялись
И тронулись не спеша
В сторону Средней земли.

21. ‹ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПИРШЕСТВО ЫСЫАХ›

А великие исполины айыы,
Во владенья Нюргуна Боотура придя,
В средоточие восьмикрайней Земли,
На медную вершину ее,
В серебряное обжитое жилье,
Милую Айталыын Куо,
Красавицу с восьмисаженной косой,
И Хаан Дьаргыстая-богатыря,
Тойона дальних земель,
Поженили по воле судьбы,
Как Одун Хаан повелел.
Отпраздновали две свадьбы они,
Справили небывалый пир...
Поставили для гостей
Девяносто девять резных
Почетных коновязей-столбов,
Чтобы память о пире том
Простояла девять веков.

Восемьдесят восемь березок воткнув,
Поставили золотой чэчир,
Чтобы радость людей айыы
Не убывала восемь веков.
Натянули семьдесят семь
Гривами увитых сэлэ,
Чтобы счастье цвело
Семь долгих веков...

На блестящей нежной траве,
На благословенной груди,
На высоком лоне Средней земли,
На крутом загривке ее,

В сияющем средоточье ее,
Где солнце горячие льет лучи,
Где месяц блещет в ночи,
Устроили для пира они
Многозвучно-шумное — на весь мир —
Глубоко щедрое тюсюлгэ.
Отъевшихся на весенних лугах
Молодых кобылиц повалив,
Поставив большие котлы на огонь,
Кусками толстыми жир нарубив,
Обильное для гостей
Угощенье готовили там...

Тридцать дней и ночей подряд
Веселые игры шли;
Объедались обжоры
Густой едой,
Тешились борьбой силачи;
Кукушки весело куковали,
Вяхири ворковали...
Парни пляски вели,
Как серые журавли,
Пели девушки,
Как белые журавли...

Омоллоона жизнь
Прославляли там,
Олонхо запевали там:
«Расцвело заповедное лоно земли;
Взошло, теплом и светом даря,
Солнце счастливой судьбы...
Добрый выпал нам жребий —
В радости жить,
Множиться, расцветать,
Горя былого не знать...»
Так на благодатной
Средней земле,
На медной равнине ее,
На золотой вершине ее,
На тучном лоне ее,
Изобилием всяческим одарен,

Неколебимой судьбой наделен,
Дружною семьей окружен,
Счастливо жил, говорят,
Защитник народа саха,
Богатырь могучий
Нюргун Боотур;
И о нем сложили в былом
Великое олонхо.

1930—1932

ПРИМЕЧАНИЯ

О ранних произведениях П. А. Ойунского известно немного. Сохранился один из номеров рукописного журнала «Юность» за 1916 год с его стихотворением «Л. Н. Толстому» на русском языке. К этому времени, по воспоминаниям современников, относятся еще несколько стихотворений на русском и якутском языках, в том числе перевод на якутский язык басни Крылова «Кот и повар». Сам поэт относил начало своей литературной деятельности к 1917 году (см. его воспоминания «Минувшие дни и годы», в кн.: П. А. Ойунский, Соч., т. 7, Якутск, 1962, с. 21, на якутском языке). В первые годы Советской власти стихи и поэтические переводы Ойунского печатались в различных коллективных сборниках, в большевистских политических листовках, на страницах газеты «Ленский коммунар», журналов «По заветам Ильича», «Ленские зарницы», издававшихся тогда для якутских трудящихся. Эти страницы печатались на якутском языке и назывались «Страницы якутской бедноты». В дальнейшем, в связи с распространением письменности на якутском языке, произведения поэта появляются в газетах «Кыым» («Искра», издается с 1923 г.), «Хотугу ыччат» («Молодежь Севера») и «Эдэр большевик» («Молодой большевик», издается с 1924 г.), в журналах «Чолбон» («Утренняя звезда», издается с 1926 г.) и «Кысыл ыллык» («Красная тропа», издается с 1930 г.).

Первый поэтический сборник П. А. Ойунского издан в 1923 году: «Ырыа-хосоон» («Стихи, песни»). Вскоре один за другим в Якутске выходят сборники поэта: «Ырыа-хосоон, кэпсээн» («Стихи, песни, рассказы», 1925), «Ырыа-хосоон» («Стихи, песни», 1927), «Ырыа-хосоон» («Стихи, песни», 1930), «Ырыа-хосоон кинигэтэ» («Книга стихов и песен», 1934); затем в Москве «Хосооннор» («Стихи», 1936). В 1937 году самим автором в Москве было подготовлено к печати собрание сочинений в шести томах на якутском языке. В 1958—1962 годах в Якутске на основе этого шеститомника издавалось собрание сочинений в семи томах («Айымньылар. Сэттэ томнаах» — «Сочинения. В семи томах»), подготовленное к печати республиканской правительственной комиссией по изданию сочинений П. А. Ойунского. В это наиболее полное издание вошли все основные труды писателя за исключением работ по вопросам языка и истории. Стихи и поэмы составили первый том (1958), в третьем томе («Драмы») были изданы «Туйаарыма Куо Светлолицая» и «Красный Шаман», в тома четвертый, пятый и шестой (1959, 1960) вошло олонхо «Нюргун Боотур Стремительный».

П. А. Ойунский уделял значительное внимание переводу с русского на якутский язык. Кроме революционного гимна пролетариата «Интернационал» им переведены «Туча», «Кинжал», «Пророк» А. С. Пушкина, отрывки из трагедии «Борис Годунов» («Ночь. В саду. Фонтан»); «Кот в сапогах» В. Жуковского; «Ревизор» Н. В. Гоголя (совместно с писателем Н. Д. Неустроевым); «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике», «Макар Чудра», «Челкаш» М. Горького; отрывки из «Фауста» Гете (монолог Маргариты); «На виселицу — королей!» Ш. Петефи; «Партбилет № 224332» А. Безыменского и другие. Поэтические переводы Ойунского вошли в первый том названного издания. В 1975 году группой сотрудников Института языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР под руководством Е. И. Коркиной, Ф. Г. Сафронова и Г. С. Сыромятникова подготовлено и издано двухтомное собрание сочинений П. А. Ойунского на якутском языке с предисловием профессора А. Е. Мординова. Поэтические и драматические произведения писателя составили первый том названного издания, выдержанного в хронологическом порядке.

Знакомство читателей с произведениями П. А. Ойунского на русском языке началось еще при жизни поэта. В 1930 году была издана поэма «Красный Шаман».

В 1934 году в связи с юбилеем общественной и литературной деятельности писателя в Якутске вышел небольшой сборник «О творчестве П. А. Ойунского», куда наряду со статьями о его творчестве и другими материалами вошло несколько стихотворений поэта («Крым», «Да здравствует!», «Заветы орла», «Господин генерал», «Песня якутских красноармейцев», «Власть — Советам!», «На смерть вождя») в переводе П. Н. Черных-Якутского и С. Р. Кулачикова-Элляя.

Наиболее интенсивно поэзия Ойунского стала переводиться на русский язык во второй половине 50-х годов. В журнале «Полярная звезда» (орган правления Союза писателей Якутии) и в местных якутских газетах одно за другим издаются на русском языке произведения поэта в переводах А. Лаврика, И. Тирского, Ю. Шамшурина, С. Шевкова и др. Несколько стихотворений в переводах А. Лаврика опубликованы на страницах шестого номера «Сибирских огней» за 1956 г. («Песня свободы», «Железный скакун», «Я метко стреляю»). В журнале «Новый мир» (1957, № 12) напечатаны стихотворения «Железный конь», «Харачаас», «Власть — Советам!», «Бокал», «Жаворонок пел», «Мимоза», «Море», «Прощай» в переводах А. Лаврика, И. Дремова, Н. Сидоренко. В 1963 году к семидесятилетию со дня рождения писателя в Москве предпринято издание «Избранного», куда вошли шестнадцать стихотворений разных лет, в том числе новые переводы А. Кафанова, Г. Юнакова, А. Сендыка («Не всё ль равно?!», «Господин генерал», «Благословение отца», «Любовь моря», «Подруге моей Феклуше», «Песня о прекрасном грядущем», «Синица распевает», «Аринка, здравствуй, лучшая из лучших!»), а также драматическая поэма «Красный Шаман» и драма «Туйаарыма Куо Светлолицая» в переводах В. Корчагина и В. Державина.

Серьезным вкладом в якутскую национальную литературу явились произведения Ойунского, основанные на народной эпической поэзии якутов. «Красный Шаман» был начат в 1917 г., начерно был закончен в 1918 г. в с. Казанка Томской губернии (куда поэт был

выслан из Якутска белогвардейцами). В дальнейшем он много раз переделывался и был завершен в 1925 г. В том же году «Красный Шаман» впервые издан на якутском языке. С этого издания был перепечатан в т. 3 «Сочинений» (Якутск, 1959, с. 109—147). Первый перевод на русский язык был осуществлен поэтами А. Ф. Бояровым и П. Н. Черных-Якутским и издан отдельной книгой в 1930 г. Перевод имел ряд достоинств, но и показал, насколько сложно передать на языке совсем иного строя смысл и дух произведения, основанного на якутской мифологии и народном творчестве. Ойунский, в целом положительно отозвавшийся о переводе своей поэмы, тогда писал: «„Кысыл Ойун" особенно был труден для перевода, и вот почему: поэма написана разнообразным языком. Вы здесь встретите легкий, блещущий весельем и смехом детский язык, ритмующий с якутскими танцами «дьиэрэнкэй» и «осуохай», с языком подавленных рабов и гордых властителей, с языком духа огня, соответствующего его свойствам. Язык поэмы становится тяжелым и трудным, когда передается экстаз и напряжение шамана. Конечно, ни один перевод не может претендовать на точную передачу каждого слова. То, что красиво и сочно на одном языке, то на другом языке имеет другие красоты и сочности. Все эти красоты и сочности порождаются законами каждого языка, совершенно отличными друг от друга» (П. А. Ойунский, Сочинения, т. 7, с. 117). Второй перевод (принятый и в настоящем издании) осуществлен В. А. Корчагиным и издан в кн.: П. А. Ойунский, Избранное, М., 1963, с. 65—111. С 1927 г. «Красный Шаман» более 400 раз с большим успехом ставился в театре. На основе «Красного Шамана» композитором Г. И. Литинским была создана опера, выдержавшая около 50 постановок (впервые поставлена Якутским музыкально-драматическим театром в 1967 г.).

«Туйаарыма Куо Светлолицая» представляет драматизированную переработку нескольких сюжетов эпоса «Нюргун Боотур Стремительный» (о борьбе героя с богатырем-абаасы Уотом Усутаакы). Пьеса была закончена 29 июля 1930 г. Когда она была начата, точно неизвестно, но еще в феврале 1928 г. отрывки ее ставились в Якутском национальном театре. Отдельным изданием пьеса была выпущена в 1930 г., перепечатана в упомянутом выше семитомном собрании сочинений на якутском языке (т. 3, 1959); с этого издания В. Державиным был сделан перевод на русский язык (см.: П. А. Ойунский, Избранное, М., 1963, с. 112—248). В настоящем издании перепечатывается этот перевод. В 1937—1938 гг. она ставилась в Якутском театре, в 1940 г. ее сюжет был переработан в музыкальную драму «Нюргун Боотур Стремительный» (либретто Суоруна Омоллона при ближайшем участии режиссера-постановщика драмы В. В. Местникова, музыка М. Н. Жиркова). Во второй редакции драма была переработана в оперу М. Н. Жирковым и Г. И. Литинским и продолжает ставиться до сих пор.

Олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» состоит из девяти песен.[1] Первая песня была выпущена отдельным изданием в 1930 г.

---

[1] Народные олонхо не делятся на песни. П. А. Ойунский, разбивая на песни, по-видимому, стремился сделать более доходчивым сложное содержание олонхо.

Вторая и третья песни — в 1931 г. (в одной книге). Полностью все олонхо было напечатано в собрании сочинений Ойунского: первая — третья песни в т. 4 (1959); четвертая, пятая, шестая — в т. 5 (1959), седьмая, восьмая, девятая — в т. 6 (1960). Это самое крупное произведение Ойунского было создано им в чрезвычайно короткий срок: с начала 1930-го (или с конца 1929-го) по 31 августа 1932 г. (дата, указанная самим автором). Это, несомненно, объясняется тем, что он сам был олонхосутом, не раз выступал с исполнением олонхо и, по-видимому, знал основное содержание данного олонхо наизусть. Возможно, в процессе работы были добавлены некоторые описания и мелкие эпизоды из напечатанных олонхо или услышанные от других олонхосутов. Известно, что поэт-олонхосут В. М. Новиков (Кюннюк Урастыров) готовил для него описание снаряжения богатырского коня.

Важным событием литературной жизни нашей страны явилось издание «Нюргуна Боотура» на русском языке. Перевод осуществлен поэтом В. В. Державиным: «Нюргун Боотур Стремительный. Якутский героический эпос олонхо». Воссоздал на основе народных сказаний Платон Ойунский, перевел на русский язык Владимир Державин, иллюстрации Э. Сивцева, В. Карамзина, И. Корякина; под общей редакцией С. В. Михалкова, научный редактор И. В. Пухов, литературные редакторы В. М. Новиков (Кюннюк Урастыров) и Т. Д. Резвова, послесловие («Крылья эпоса») С. В. Михалкова, статья («Олонхо — древний эпос якутов») и примечания И. В. Пухова, Якутск, 1975. Редактор издания поэт Сергей Михалков писал: «Труд Владимира Державина — крупный вклад в сокровищницу нашей многонациональной литературы, еще одно выдающееся достижение советской переводческой школы. Выход в свет якутского эпоса на русском языке — праздник культуры всех советских народов» («Нюргун Боотур Стремительный», 1975, с. 410). За перевод олонхо В. В. Державин удостоен почетного звания лауреата республиканской премии им. П. А. Ойунского по итогам 1975 года.

Рукописные материалы П. А. Ойунского частично хранятся в Центральном Государственном Архиве ЯАССР и в рукописном фонде Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР.

Произведения П. А. Ойунского получили высокую оценку читателей и специалистов еще при жизни писателя. В настоящее время творчество его стало предметом планомерного научного изучения. Для подготовки настоящего издания использованы следующие труды о жизни и творчестве П. А. Ойунского: «Платон Алексеевич Ойунский (1893—1958). Доклады к 65-летию со дня рождения», Якутск, 1959; И. В. Пухов, Якутский эпос олонхо. Основные образы, М., 1962; «Платон Алексеевич Ойунский (1893—1963). Ыстатыйалар уонна ахтыылар», Якутск, 1963 (статьи и воспоминания об Ойунском на якутском языке); «П. А. Ойунский. Статьи и воспоминания (1893—1968)», Якутск, 1969; «Основоположник якутской советской литературы», Якутск, 1974; И. В. Пухов, Олонхо — древний эпос якутов, в кн.: «Нюргун Боотур Стремительный», Якутск, 1975; И. В. Пухов, «„Красный Шаман“ П. А. Ойунского и якутский фольклор», в кн.: «Роль фольклора в развитии литератур народов СССР», М., 1975.

Настоящий однотомник является наиболее полным из русских изданий Ойунского. В том включено значительное количество новых

переводов. Состав данной книги обусловлен задачей показать поэзию Ойунского в характерных чертах и стилевых направлениях ее развития, в идейно-тематическом и жанровом многообразии. Сборник состоит из двух разделов, в каждом из них материал расположен в хронологическом порядке. В первый раздел включены стихотворения, во второй — драматическая поэма «Красный Шаман», драма «Туйаарыма Куо Светлолицая» и отрывок из олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» (отдельные эпизоды его озаглавлены составителем. В примечании для удобства читателей приводится краткий пересказ основных частей олонхо, не включенных в книгу). Датировка стихотворений дается в основном по первому тому семитомника П. А. Ойунского на якутском языке, с внесением необходимых уточнений.

В примечаниях сообщаются необходимые сведения историко-литературного, биографического и бытового характера. К книге приложен Словарь, в котором помещены не переведенные на русский язык якутские слова и понятия, мифологические имена и названия. Имена и названия олонхо труднопереводимы, во многих случаях дается лишь их приблизительный перевод (возможно, спорный); многие слова не поддаются переводу, и они остались в якутском произношении (но в русской транскрипции). В основу составления Словаря положены трехтомный академический «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского (1907—1930 и 1958—1959) и «Якутско-русский словарь», под редакцией П. А. Слепцова, М., 1972.

Примечания к первому разделу составлены Г. Г. Окороковым, ко второму — И. В. Пуховым, ему же принадлежат Словарь, часть статьи, посвященная олонхо, а также общее наблюдение над томом.

I

1. Автором использована и юмористически переосмыслена формула песенного монолога эпоса-олонхо, в котором богатырь, представляясь своему противнику, говорит о своем происхождении, родословной и своих прежних подвигах. *Былатыан* — якутский вариант имени Платон. *Кулаковский* Алексей Елисеевич (1877—1926) — зачинатель якутской письменной литературы, поэт-просветитель, фольклорист, этнограф, лингвист. Просветительские мотивы его творчества Ойунский рассматривал как исходный пункт своей литературной деятельности (просвещение народа, приобщение его к современной культуре, создание литературы на родном языке).

2. Написано на тему русской революционной песни «Рабочая марсельеза» («Отречемся от старого мира...») по совету Ем. Ярославского. Как издание большевистской группы организации РСДРП вместе со статьей Ем. Ярославского «Объединяйтесь!», переведенной на якутский язык П. Ойунским, стих. тогда же распространялось в виде листовки. Впоследствии в статье «Что было в Якутске 9 лет тому назад» Ем. Ярославский указывал: «Мы первые создали социалистическую литературу на якутском языке» (Ем. Ярославский, О Якутии. Статьи, письма, речи, телеграммы, Якутск, 1968, с. 143).

3. Посвящено близкому другу и соратнику поэта Максиму Кировичу *Аммосову* (1897—1939), якутскому революционеру и общественному деятелю. Один из первых якутских коммунистов и организаторов Советской власти в Якутии, он в 1919 г. по поручению сибирских подпольщиков дважды пересекал фронт с риском для жизни и добирался до Москвы, где встречался с Ем. Ярославским и был на приеме у В. И. Ленина. Ойунский в это время находился в колчаковской ссылке, в селе Казанка Ново-Кусковской волости Томского уезда. В своих воспоминаниях «Минувшие дни и годы», где впервые опубликовано это стих., поэт рассказывает об обстоятельствах его создания: «Спустя недели две-три Максим уехал в Россию. А я остался на месте, не имея ни документов, ни денег. Перед выездом Максим оставил письмо, в нем говорилось: «Цени слова, не распыли их пыл, не отступайся от мечты своей». Я тогда уже начинал работу над «Красным Шаманом» и «Большевиком». Тогда же, отвечая на искреннее письмо друга, я написал стихотворение, в которое я вложил то, что накипело в душе в связи со ссылкой и разлукой с другом» (П. А. Ойунский, Соч., т. 7, Якутск, 1962, с. 33).

4. Первоначальное загл. — «Автономия». В 1922 г. в Якутии было разгромлено так называемое «повстанческое движение» белых, потерпевшее не только военный, но и морально-политический крах, а затем была образована Якутская АССР. Стих. скоро сделалось массовой народной песней (обработка Ф. Корнилова). В 1930 г. переведено на эвенкийский язык.

5. Написано в разгар гражданской войны в Якутии, когда П. А. Ойунский работал председателем Якутского губревкома. Впоследствии стало массовой песней якутских трудящихся и включалось почти во все сборники поэта.

9. *Генерал-тойон* — колчаковский генерал А. Н. Пепеляев, ставленник японских и американских империалистов. Очевидец кровавых злодеяний колчаковских карателей в Сибири 1918—1919 гг., Ойунский в статье «Под маской миролюбия» (газета «Автономная Якутия», 26 января 1923 г.) разоблачал новую политическую маскировку колчаковского генерала-карателя, а в статье «Генерал-провокатор» («Автономная Якутия», 22 февраля 1923 г.) раскрыл широко задуманные провокационные планы пепеляевщины.

10. Ойунский явился зачинателем Ленинианы в якутской советской литературе. В дни смерти и похорон В. И. Ленина Ойунский находился в Москве, принимая участие в работе XI Всероссийского съезда Советов. Стих. озаглавлено автором на русском языке. Впечатления тех трагических дней писатель дает и в очерке «В дни смерти Ленина», написанном 28 января 1924 г. (журнал «По заветам Ильича», 1925, № 1). Ойунский неоднократно возвращался к образу любимого вождя. В воспоминаниях «Минувшие дни и годы» Ойунский пишет о работе X съезда, о выступлении Ленина на съезде, о горячей встрече его делегатами съезда.

13. Стихотворение написано в форме народной сатирической скороговорки (чабыргах).

14. *Феклуша* — Фекла Алексеевна Сокольникова, первая жена писателя, умерла в молодые годы.

15. В стихотворении использован сюжет якутской народной сказки.

16. *Доронин* Иван Иванович (р. 1900) — русский советский поэт, многие его стихи посвящены социалистическому преобразованию деревни.

17. Посвящено десятилетию Великой Октябрьской социалистической революции.

20. Написано как отклик на XIV съезд ВКП(б), вошедший в историю как съезд индустриализации страны.

25. Распространено как массовая песня (в обработке Ф. Корнилова).

26—32. Цикл является стилизацией ритмов различных якутских народных танцев (о с у о х а й, к у л у н к у л л у р у с у у, д ь и э р э н к э й и др.), обычно сопровождаемых хоровым пением и исполняемых во время ы с ы а х а. Крупнейший знаток народного творчества, П. А. Ойунский хорошо знал якутские танцы и в молодости сам исполнял их.

35. *Ланчик* — Саргылана Платоновна Ойунская, старшая дочь поэта.

38. *Харачаас* (Чернявый) — прозвище Иннокентия Паисиевича Михайлова, красного партизана, героя гражданской войны, одного из первых кавалеров ордена Боевого Красного Знамени в Якутии.

40. *Акуча* — Акулина Николаевна Борисова-Ойунская, супруга поэта. В 1936 году родилась дочь писателя Сардана Платоновна Ойунская, ныне фольклорист, научный сотрудник Института языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР.

41. Посвящено матери поэта *Евдокии* Ивановне Слепцовой, урожденной Унаровой. К матери поэт питал нежную любовь и привязанность. «Евдокия очень любила Платона, своего первенца, возлагала на него большие надежды и с самоотверженной готовностью шла на все лишения и невзгоды, чтобы сын получил образование» («Основоположник якутской советской литературы», Якутск, 1974, с. 40—41). Первыми из тех, кто пробудил интерес мальчика Платона к устному народному творчеству, кто приобщал его к богатству родного языка, были его мать Евдокия и дед Иван Унаров, которые знали много старинных преданий, сказок, были искусными рассказчиками, жили в соседстве и дружбе с известными олонхосутами и певцами. Евдокия Ивановна подвергалась преследованию белобандитов, когда родной улус поэта был захвачен белыми.

42. По свидетельству автора, написано «в ответ на открытое письмо пионеров Бютяйдяхской школы» Мегино-Кангаласского района Якутской АССР. В основу стихотворения легли действительные события 1927 года, когда боевая дружина, в которую вошли и 17 пионеров, отстояла от бандитов село Абагу Амгинского района Якутской АССР. Пионерский отряд Абагинской школы был награжден Красным знаменем.

43. *Ариша* — Ирина Олесова, колхозница-ударница колхоза «Кыччама» из 2-го Бэрт-Усовского наслега Усть-Алданского района, первая из якутских колхозниц награжденная орденом «Знак Почета».

II

44. *Красный Шаман.* В якутском шаманском культе были «белые» и «черные» шаманы (см. об этом вступ. статью, с. 27), «красных» шаманов не было. П. А. Ойунский придал своему герою эпитет «красный», чтобы подчеркнуть революционный характер произведения и противопоставить своего героя обычным шаманам. *Аммосов* Максим Кирович — см. примеч. 3. *Поет заклинание.* Текст соответствует шаманскому камланию — так называемому заклинанию бубна. Ойунский вложил в форму старинного камлания новое содержание, — это монолог человека, охваченного раздумьями о социальной несправедливости. *Племя одноруких* — абаасы. *Духи деревьев и трав* — в якутской мифологии дети богини земли, появляются в виде маленьких детей, украшенных цветами, танцующих и поющих. *Во сне лежал я на земле.* Далее следует описание обряда посвящения в шаманы, который Ойунский передает в поэтической обработке, не придерживаясь этнографической точности. *Зевает.* Зевота шамана перед камланием является магическим действием: этим он будто бы вбирает в себя могучие силы. *Чучело орла, жертвенное дерево, высохшая лошадиная голова, чорон с кумысом* — символические атрибуты шамана. Например, «в полете» он обращается в какую-нибудь хищную или мифическую птицу. Птица эта представляет эмблему данного шамана, а ее чучело — изображение его шаманского божества. Лошадиная голова — знак того, что принес шаман в жертву своим богам; одновременно — и знак того, что шаман находится (или бывает) «в дальней дороге» — ритуальной поездке в Верхний или Нижний мир к своим покровителям. *Я, бывший в тайниках вселенной.* Имеется в виду, что шаман посвящен в свой сан всевышними божествами. *Три твои темные тени* — это выражение подчеркивает особое уважение. Иногда человеком с тремя тенями называют и жулика, пройдоху. *Свистя и плюясь.* Шаманские магические действия: свист означает призыв особой силы, а плевки якобы укрепляют прочность того, что делается. *Мой дымоход забудьте.* По поверью, шаманские духи появляются через дымоход.

45. *Тридцать пять племен — тридцать пять улусов земных* и т. д. Здесь названо не реальное, а условное, «эпическое» число, показывающее множество. *С поводьями за спиной* — постоянный эпи-

тет людей племени айыы-аймага, которым покровительствуют божества, водя их с помощью поводьев из солнечных лучей, незримо прикрепленных к спинам людей. В дальнейшем с поводьями за спиной (или на хребте) оказываются и небесные шаманы и шаманки. *Восьмикрайняя — на восьми ободах* — традиционный эпитет мифической прародины людей, которая представляется настолько величественной, что не вмещается в рамки обыкновенной страны; при изображении родной страны его нередко употребляют и в современных народных песнях. *Уот Усутаакы кружится против хода солнца.* Древние якуты были солнцепоклонниками, поэтому во время молений, танцев, игр движения людей айыы идут по ходу солнца; чудовища же двигаются наоборот, что расценивается как святотатство. *Развеивая... горячую золу* — это магическое действие, по поверьям якутов, защищало от нечистой силы. *Если ты находишься высоко — на три пальца пониже спустись, если ты внизу, глубоко — на шесть пальцев повыше стань.* Выражение имеет в виду Верхний и Нижний миры и выражает просьбу прибыть незамедлительно. *Трем его темным теням* — см. примеч. 44. *Прицеливаются не туда, куда смотрят люди, а в противоположную сторону, смотрят не в ту сторону* и т. д. У абаасы не так, как у людей, а «все наоборот»; кроме того, они изображаются до такой степени косоглазыми, что предмет представляется им находящимся прямо на противоположной стороне от того места, где он находится в действительности. *Пусть отломятся головы девяти журавлей!* — возглас от неожиданности, приписываемый абаасы; происхождение и смысл его не вполне ясны, по-якутски здесь ритмизованный возглас, произносимый с насмешкой и представляющий идиому. *Прикрывая рот руками, похлопывая себя по бедрам* — признак особой грубости абаасы. *Лучше мир мы с тобой заключим.* По олонхо, мир между людьми айыы и абаасы невозможен, но обычно побежденные богатыри айыы, пытаясь обмануть врага и выиграть время, предлагают мир, который ими не выполняется. *Старшая сестра моя, старший мой брат* — так называют злобных духов войны, чтобы умилостивить их.

46. Содержание обширного эпоса «Нюргун Боотур Стремительный», из которого в настоящем издании публикуются отрывки нескольких песен, вкратце сводится к следующему.

1. Первая песня, как в каждом олонхо, представляет собой пролог, рассказ о предыстории событий — о том далеком времени, когда зарождалась Вселенная и образовалась Земля (Средний мир), на которой еще не было людей, а в мире существовали три высших племени: добрые божества, возглавляемые Юрюнг Аар Тойоном, верхние абаасы, возглавляемые Улуутуйар Улуу Тойоном, и нижние абаасы, возглавляемые Арсан Дуолаем. После длительной вражды происходит великая битва богов, в результате которой верхние абаасы вынуждены уйти на край небес, а нижние — в бездну. После этого боги устраивают жизнь в Среднем мире, прежде всего населяя Землю (а также «соединение неба и земли») различными духами и божествами, задача которых — заботиться о людях (богиня земли, бог скота и лошадей, духи огня, юрты и т. д.). Далее рассказывается об обстоятельствах рождения из цельного куска камня будущего героя Нюргуна Боотура

Стремительного, которого боги заключают в железную гору, чтобы выпустить для защиты людей лишь тогда, когда миру будут угрожать злые силы. Затем боги выбирают среди небожителей первопредков рода человеческого — Саха Саарын Тойона и Сабыйа Баай Хотун, которые производят на свет богатыря Кюн Дьирибинэ и красавицу Туйаарыму Куо. Когда дети подрастают, первых людей постигает несчастье: богатырь абаасы побеждает молодого Кюн Дьирибинэ и похищает его сестру Туйаарыму Куо.

2. Вторая песня начинается с описания прародины людей Кыладыкы, куда боги поселили Нюргуна Боотура (вместе с его сестрой Айталыын Куо и братом Юрюнг Уоланом), чтобы дать Среднему миру надежного защитника. Далее описывается жизнь детей на Земле, возмужание Нюргуна Боотура, получение им коня и богатырского оружия, его вызов врагам.

3. Третья песня повествует о начале похода двух богатырей. Юрюнг Уолан отправляется на спасение своей невесты Туйаарымы Куо, а Нюргун Боотур вступает в борьбу за сестру — Айталыын Куо, похищенную богатырями абаасы Есёх Харбыыр Тимир Дьигистэем, а затем, после его поражения — тунгусским богатырем Вохсоголлой Боотуром.

4. Четвертая песня рассказывает о приключениях Юрюнг Уолана и его поражении в борьбе с Уотом Усутаакы.

5. Пятая песня начинается эпизодом победы Нюргуна Боотура над Бохсоголлой Боотуром и освобождения украденной Айталыын Куо, затем в этой песне и в начале шестой рассказывается о победе Нюргуна Боотура над Уотом Усутаакы и освобождении Юрюнг Уолана, Кюн Дьирибинэ, Туйаарымы Куо и сорока четырех богатырей айыы.

6. Шестая песня в основной своей части посвящена празднествам в стране Саха Саарын Тойона, где происходят состязания женихов Туйаарымы Куо с участием богатырей абаасы. Нюргун Боотур, в образе слуги Суодалба выступивший от имени своего мнимого хозяина Юрюнг Уолана, побеждает в борьбе, беге, прыжках и конских скачках. Сам жених Юрюнг Уолан побеждает в стрельбе, получив таким образом право на Туйаарыму Куо.

7. Седьмая песня описывает вмешательство в борьбу сильнейшего богатыря абаасы Уота Усуму Тонг Дуурая, который ускользает во время боя от Нюргуна Боотура, обернувшись двуглавым крылатым змеем. Юрюнг Уолан и Туйаарыма Куо после свадебного ысыаха отправляются домой.

8. Восьмая песня начинается с того, что Уот Усуму Тонг Дуурай выкрадывает Туйаарыму Куо, которая находится на девятом месяце беременности, Юрюнг Уолан с горя теряет рассудок и отправляется бродить по свету. Туйаарыма Куо в стране Уота Усуму рожает сына, которого выкрадывает старуха абаасы Дьиэгэликэн. Подросший мальчик уходит от нее и бродит один. Небесные белые шаманки рассказывают ему о его происхождении и дают ему богатырское имя: Ого Тулаайах Эр Соготох Эриэдэл Бэргэн, а Кыыс Нюргун выпрашивает для него у богов одежду и богатырского коня и указывает путь к матери и ее брату Нюргуну Боотуру. Тем временем Нюргун Боотур сброшен в глубокую

пропасть злыми силами. С помощью белых шаманок Нюргун Боотур выбирается из пропасти и купается в мертвой воде, делающей героя непобедимым. Ого Тулаайах находит дядю и дает ему целительную желтую влагу, освобождает мать, которая дает Нюргуну Боотуру испить молока из своей груди. Ого Тулаайах рассказывает дяде о встрече с Кыыс Нюргун, которая оказывается невестой Нюргуна Боотура.

9. Девятая песня посвящена описанию боев жениха Нюргуна Боотура с невестой Кыыс Нюргун, его победе над Алып Хара Аат Могойдооном, спасению Хаан Дьаргыстая, брата Кыыс Нюргун, изгнанию из Кыыс Нюргун колдовских чар и женитьбе на ней Нюргуна Боотура. В конце олонхо молодожены помогают Ого Тулаайаху в борьбе против богатыря абаасы и женитьбе.

Восьмикрайняя, на восьми ободах — см. примеч. 45. *Рогатая шапка* — старинная якутская шапка; воины прилаживали на шапку иногда настоящие рога, обычно же на верхней части шапки нашивали рога из какого-нибудь меха. *К исполину Алыпу Хара, за спину его западу.* Здесь Кыыс Нюргун прибегает к часто встречающемуся в олонхо приему уничтожения сильного врага (в данном случае *Алып Хара*) рукою могущественного жениха. Для этого она пробует его силу, а затем подзадоривает простодушного и вспыльчивого жениха преследовать ее до встречи с врагом. Ей нужно уничтожить Алып Хара, чтобы спасти брата, попавшего в его волшебные сети. Но тем не менее считают необходимым подобных невест освободить от чар, так как предполагается, что они общались с абаасы и к ним перешла их нечисть. *Отломились, видать, головы девяти журавлей* — см. примеч. 45.

СЛОВАРЬ

Аан Алахчын Манган Мангалыын Хотун (Первозданная Благословляющая Светлая Пресветлая Госпожа) — богиня Земли, родной страны, дочь Юрюнг Аар Тойона.

Аан Дархан Тойон (Первозданный Важный Господин) — бог огня; глава племени верхних абаасы.

Аар Дуур Мас (Аар Лууп Мас, Великое Дуб Дерево) — родовое священное дерево, символ природы и благополучия людей; из ветвей его сочится сок, исцеляющий и придающий человеку волшебную силу; в нем обитает Аан Алахчын Манган Мангалыын Хотун.

А-ар-дьаалы! А-арт-татай! — возглас или запев песен богатырей абаасы, выражающий, в зависимости от обстановки, удивление, пренебрежение, досаду. В том же смысле употребляется и в обычной разговорной речи.

А-арт-татай! Алаатыгар! — то же, что и А-ар-дьаалы! А-арт-татай! *Алаатыгар* усиливает выражение удивления, досады.

Аат Могойдоон — см. Алып Хара Аат Могойдоон.

Абаасы — племя одноруких, одноногих и одноглазых чудовищ, врагов героев олонхо.

Абытай — междометие, возглас при острой боли, ожоге; вместе с халахай обычно произносится в запеве песен людей абаасы.

Адьарай — другое название абаасы.

Айбалдьын Удаган (Щедрая Шаманка) — дочь звезды Арагас Сулус, одна из шести небесных шаманок, удаливших колдовские чары Кыыс Нюргун.

Айталыын Куо (Лунная Красавица) — сестра Нюргуна Боотура Стремительного, одна из наиболее популярных героинь якутских олонхо.

Айхал — торжественное приветствие, пожелание блага, счастья (см. также уруй-айхал).

Айынга Сиэр Тойон (Божественный Светлый Господин) — младший брат Юрюнг Аар Тойона, отец Нюргуна Боотура Стремительного.

Айынга (Адьынга) Сиэр Хотун (Божественная Светлая Госпожа) — жена Юрюнг Аар Тойона.

Айыы, айыылар — божество, божества.

Айыы-аймага (родственники божества) — человеческое племя, откуда происходят добрые герои олонхо.

Айыы Куо (Божественная Красавица) — персонаж «Красного Шамана», дочь Орос Бая.

Айыы Намысын (Божественные Добрые) — небесные шаманки, родственницы верховного божества, покровительницы людей.

Айыы Нуоральдьын Хотун (Божественная Нежная Госпожа) — мать Нюргуна Боотура Стремительного.

Айыы Умсуур Удаган (Божественная Наставляющая Шаманка) — небесная шаманка, старшая сестра, покровительница и чудесная помощница Нюргуна Боотура Стремительного.

Айыысыт (Вызывающая Добро), или *Нэлбэр (Нэлбэнг) Айыысыт* (Широко Вызывающая Добро) — богиня плодородия, чадородия, способствующая зачатию и размножению людей и животных.

Алаатанг, улаатанг! — запев, обычно поется в песне рабыни старухи Симэхсин, а также в запеве женщин абаасы, передавая их суетливость, сумбурность.

Алаатыгар! Алаата! — запев богатырей абаасы, имеет тот же смысл, что и а-арт-татай! с усилением оттенка удивления, досады.

Ала Буурай (Нагло Грубая) — жена Арсан Дуолая, главы нижних абаасы.

Алас — долина с озером, окруженная лесистыми горами; долина, окруженная лесом.

Алып Ньахсаат (Волшебница Болтливая) — местность в Нижнем мире, где живет Арсан Дуолай.

Алып Хара Аат Могойдоон (Черный Волшебник Именитый Змей) — богатырь-волшебник нижних абаасы, противник Кыыс Нюргун.

Амга — приток Алдана; вместе с другим притоком Алдана, рекой Таттой, упоминается в фольклоре как жизненный центр якутского народа.

Анньаса-анньаса! — звукоподражание ржанию коня, встречается как запев в начале его песни.

Ап Салбаныкы (Облизывающийся Волшебник) — страна богатыря абаасы Уота Усутаакы; племя, обитающее в этой стране.

Ап Чарай (Волшебная Слизь) — волшебная веревка богатыря Алып Хара Аат Могойдоона.

Араат — море на западе Среднего мира, на краю земли; возможно, имеется в виду Аральское море.

Арагас Сулус (Желтая Звезда) — созвездие Большой Медведицы.

Арангас — лабаз, кладовая на столбе; в олонхо — помост на столбах, куда садятся прибывшие для сватовства богатыри-чудовища абаасы, которые не могут быть введены в дом в качестве гостей.

Ардьамаан Дьардьамаан (Оскаленный Редкозубый) — тунгусский богатырь, отец Бохсоголлой Боотура, во многих олонхо выступает как один из противников героя.

Арсан Дуолай (от арсай — выставлять, скалить зубы; дуолан (дуолай) — большой ростом, громадный) — глава нижних абаасы.

Атара — острога.

Бай — богач.

Байкал (байгал) — океан, море.

Бар Дьагыл (от бар — барс, тигр; дьагыл — большие коричневые пятна на шкуре лошади) — огромная мифическая птица, двух-трехголовый орел.

Басах-тасах! Бабат-татат! — вскрикивание, приписываемое богатырям абаасы.

Биис — племя, род.

Бо-бо! Дьээ-бо-о! (Буо-буо! Дьээ-буо!) — запев песни людей айыы.

Боотур — богатырь.

Борогонская земля — Борогонский улус (ныне — часть Усть-Алданского района).

Бохсоголлой Боотур (Мешающий Богатырь) — тунгусский богатырь, сын Ардьамаана Дьардьамаана, один из противников Нюргуна Боотура Стремительного.

Буйа-буйа-буйакам! Дайа-дайа-дайакам! — запев в песнях богатырей абаасы.

Булат (болот) — древний короткий меч.

Буор Мангалай (Землистое Брюхо) — отец Мёдьюйэр Ертюкэ (в «Туйаарыме Куо»), Мёдьюйэр Ертюкэ Мёгюрююр Бёгё (в «Нюргуне Боотуре Стремительном»).

Былаайах — колотушка к шаманскому бубну.

Быта — корень черноголовника.

Быыра — стрела с двойным острием.

Бэкийэ Суорун — см. Юс Кюлюк Бэкийэ Суорун.

Верхнее небо — см. Ярусы неба.

Верхний, Средний, Нижний мир — по якутской мифологии, Вселенная состоит из трех миров: Верхнего (неба), где живут божества, а по краям на юге, западе и севере также и верхние абаасы, Среднего (земли), где живут люди человеческого племени айыы-аймага, и Нижнего, ущербного, где обитают абаасы. См. также Ярусы неба.

Доом-эрэ-доом! — припев шаманского заклинания, представляющий звукоподражание ударам бубна.

Дьаргыстай — см. Хаан Дьаргыстай.

Дьесегей (Дьёсёгёй), или Уордаах Дьёсёгёй (Грозный Дьёсёгёй) — одно из древнейших божеств якутской мифологии, иногда считается главным божеством; создатель и покровитель лошадей, дарует людям богатство (скот и лошадей).

Дьиэрэнкэй (приплясывание) — якутский национальный танец, иногда сопровождаемый пением.

Дьылга Тойон (Господин Судьбы) — главное божество судьбы.

Дьэс Чуонах (Медный Крюк) — шаманка, дух возмездия за несправедливые дела, ложь.

Дьэс Эмэгэт (Медная Идолица) — девка абаасы, один из духов преисподней.

Дьээ-буо! Муо-муо! — запев песен богатырей айыы; при пении гласные обычно растягивают, создавая впечатление торжественности.

Дюнгюр — шаманский бубен.

Ексёкю — мифическая птица, в которую превращаются богатыри для полета.

Еркён Боотур (Богатырь Солнечные Лучи) — трехлетний богатырь, прикованный за бедро к вращающейся железной горе за то, что хотел «изменить жизнь». См. также *Кулут Туйгун.*

Есёх (Есюктэй) Суодуйа (Кровавый Верзила) — один из богатырей абаасы — слуг Алып Хара Аат Могойдоона; он же один из женихов Кыс Кыскыйдаан.

Есёх Харбыыр Юс Кюлюк Тимир Дьигистэй (Хватающий Сгусток Крови Имеющий Три Тени Железный Содрогающийся) — полное имя младшего брата Уота Усутаакы; в полном тексте олонхо один из главных противников Нюргуна Боотура Стремительного, похитивший его сестру Айталын Куо.

Есюктэй Суодуйа — см. Есёх Суодуйа.

Илбис — кровожадность, склонность к кровопролитию; война.

Илбис Кыыса — дочь Илбис Хаана, богиня («дочь») войны, кровопролития; изображается в виде отвратительного трехгорбого ворона с железным клювом. Богатыри боятся ее и приносят ей в жертву останки побежденного врага.

Илбис Хаан — отец Илбис Кыыса.

Ирбэлдьин Удаган (Ирбэлдьин Шаманка) — дочь Сулус, одна из шести небесных шаманок, удаливших колдовские чары Кыыс Нюргун.

Исиллигим-тасыллыгым! (Коловращение мое!) — запев женщины абаасы, выражает бахвальство или недовольство; запев дает и звуковую характеристику женщины абаасы как необузданного, суматошного существа.

Иэйэхсит — см. *Эдьэн Иэйэхсит.*

Камлать — совершать шаманский магический обряд, впадая в неистовство.

Камысы — шкура с оленьих ног; обувь из такой шкуры.

Кёёр-даа-бу-у! (Смотри-ка!) — запев богатырей *айыы,* то же, что и дьээ-буо!

Кимээн Имээн — см. Томоон Имээн.

Кочай кэрэх — см. Куочай кэрэх.

Куктуй Хотун — якутское название Куктуйского горного перевала. По якутским легендам, на этом перевале шаманы воюют между собой и совершают камлание; богатыри абаасы переходят по нему из Нижнего мира в Средний.

Кулун куллурусуу (жеребячья вереница) — элемент танца и игра: двое, подняв сцепленные руки, изображают «ворота», через которые, взявшись за руки, быстро проходят остальные.

Кулут Туйгун (Отличный Раб) — богатырь-мятежник, прикованный за буйный нрав к железной вращающейся горе, находящейся на склоне западного неба, не связанной ни с небом, ни с землей и охраняемой тремя стражами (вариант: прикован распоряжением отца, верховного божества, к железному столбу, находящемуся во вращающемся железном амбаре, не связанном ни с небом, ни с землей).

Куохтуйа Хотун (Госпожа Пожирательница) — жена Улуу Суорун Тойона.

Куочай кэрэх (кочай кэрэх) — кровавое жертвоприношение, приносимое шаманом в лесу для умилостивления злых духов; при этом шкуру убитого животного с головой, рогами и копытами вешали на дерево, к которому прикрепляли длинную заостренную палку (куочай), изображающую «дорогу»: по ней шаман и жертвенное животное должны были отправиться на небо.

Кутурган Куо (Скорбная Красавица) — дух человеческого раздумья, выступающий в финале «Красного Шамана»; в якутской мифологии, дошедшей до нашего времени, такой дух неизвестен.

Кыладыкы — местность в Среднем мире, куда боги спускают на жительство Нюргуна Боотура Стремительного, его брата и сестру; прародина людей айыы.

Кылар Бэргэн (Косоглазый Стрелок) — предок Юс Кюлюк Бэкийэ Суоруна.

Кырбыйа Боотур (Драчливый Богатырь) — один из богатырей абаасы — слуг Алып Хара Аат Могойдоона; он же один из женихов Кыыс Кыскыйдаан.

Кыыбылаан (кыыбылаан батас) — секира, боевой топор.

Кыырар — то же, что камлание.

Кыыс Кыскыйдаан (Девушка Визгливая) — сестра Уота Усутаакы, пытавшаяся выйти замуж за Юрюнг Уолана и убитая им.

Кыыс Нюргун (Девушка Отличная) — богатырка айыы, вышедшая замуж за Нюргуна Боотура Стремительного после длительной борьбы с ним, представлявшей испытание боем.

Кэкэ Суорун — отец Юс Кюлюк Бэкийэ Суоруна.

Кээхтийэ Хаан — горный перевал, ведущий из страны верхних абаасы в Средний мир. Автор связывает его с «Кяхтинской дорогой» (т. е. с Кяхтинским перевалом).

Кюёгэлдьин Удаган (Нежная Шаманка) — дочь Солнца, одна из шести небесных шаманок, удаливших колдовские чары Кыыс Нюргун.

Кюёгэл-нусхал — см. Кюлюм-мичик, кюёгэл-нусхал.

Кюёттээни — одно из имен мифического кузнеца Кытай Бахсы (Кытай Бахсылааны).

Кюксэ Хаадыат, Кюкэ Хахат — племена небесных абаасы, уничтоженные Уотом Усуму.

Кюлюм-мичик, кюёгэл-нусхал (сверкающая улыбка, нежная плавность) — здравица, пожелание радости, покоя.

Кюн Дьёллют шаманы — небесные «солнечные» шаманы, вылечивающие от болезней и сообщающие судьбы людские.

Кюн Дьирибинэ (Солнечный Блик) — богатырь айыы, старший брат Туйаарымы Куо Светлолицей.

Кюн Эрбийэ (Солнечный Младший) — посыльный богов, небесный гонец.

Кюнгэсэ — круглая блестящая пластинка на спине шаманского костюма, подвешенная на коротком ремешке и изображающая землю. Считалось, что шаман через вырез на этой пластинке спускается в Нижний мир и возвращается из него. Выпадение пластинки закрывало этот путь и означало гибель шамана; отсюда фраза «обрыв кюнгэсэ», означающая гибель того, к кому это относится.

Кюрюё Дьагыл Уорда Могол (Бело-буланый Грозный Великий) — отец Кыыс Нюргун.

Кюсэнгэ Дьагыл Кус Хангыл (Бело-буланая Птица Необузданная) — мать Кыыс Нюргун.

Ледяной Хотун (Муус Кюнгкюйэ Хотун Аартык — Ледяной Вонючий Госпожа Проход) — горный проход, по которому из Нижнего мира выходят в Средний.

Луогайар Луо Хаан (Грузное Чудовище Великое) — другое имя Арсан Дуолая.

Мёдьюйэр Ертюкэ Мёгюрююр Бёгё (Могучее Бедро Ревущий Силач) — один из богатырей абаасы — слуг Алып Хара Аат Могойдоона; он же один из женихов Кыыс Кыскыйдаан.

Мунаах Суналыкы (Блудливо Скулящая) — мать Мёдьюйэра Ертюкэ Мёгюрююр Бёгё.

Муус Кудулу (Ледяная Обжора) — море абаасы, находящееся «под нижним ярусом ледяных западных желтых небес», родина богатыря Уота Усутаакы.

Мюлдьюн (Калека) *Могучий* — брат Нюргуна Боотура Стремительного.

Нарын наскыл (изящный нежный) — здравица, пожелание благополучия, произносится как дополнение к основной здравице (уруйайхал) для особого пожелания мира, покоя.

Наслег — мелкая административная единица в Якутии.

Небо Девятое — см. Ярусы неба.

Нижний мир — см. Верхний, Средний, Нижний мир.

Но-о! — подбадривание, поддерживание певца слушателями во время исполнения олонхо. Обычно добавляют: «Хайтах этэй?!» — «Как было дальше?!»

Нойон-богдо (Господин Невзрачный) — оскорбительный возглас, смысл которого раскрывается ироническим противопоставлением двух взаимоисключающих слов: нойон — господин и богдо — обидный эпитет ничтожества.

Нуолур Удаган (Мягкая Шаманка) — дочь звезды Чолбон, одна из шести небесных шаманок, удаливших колдовские чары Кыыс Нюргун.

Нэлбэр Айыысыт — см. Айыысыт.

Нюёрэлдьин (Сумрачная) — мать Бэкийэ Суоруна.

Нюкэн — преисподняя, бездна в подземном мире.

Нюкэн Буурай, Хапса Буурай (Бездны Грубиян, Хватающая Грубиянка) — родоначальники одного из племен абаасы, людей которых убил Уот Усутаакы для угощения на свадьбе.

Нюргун — лучший, отличный.

Нюргун Боотур (Лучший Богатырь) — герой одноименного олонхо, старший брат Юрюнг Уолана и Айталыын Куо.

Одун Биис — то же, что Одун Хаан.

Одун (Вышний) — мировой океан, служащий ложем земли.

Одун Хаан (Одун Биис) — одно из трех божеств судьбы; часто злой рок.

Олонхо — общее название якутского героического эпоса, состоящего из многочисленных отдельных сказаний, связанных сюжетом, стилем и образами.

Олонхолоон — мифический предок олонхосутов.

Олонхосут — певец, сказитель олонхо.

Омоллоон — один из героев якутских исторических преданий, прототипом которого было историческое лицо, жившее в начале XVII в., имя «Омоллоон» в якутском фольклоре символизирует жизнь в полном довольстве, веселье и счастье.

Орон — нары.

Орос (Оруос) Бай — персонаж «Красного Шамана», богач, угнетатель народа, против которого борется герой этого произведения.

Орулос (Орулуос) Дохсун (Ревущий Буян) — в олонхо один из второстепенных богатырей айыы. В «Красном Шамане» — один из представителей небесных злых сил.

Осол Уола (Беды Сын) — дух раздоров, брани. Функция его сходна с функцией Илбис Кыыса.

Осохай (осуохай) — якутский национальный танец, сопровождаемый хоровым пением с запевалой, исполняется во время ысыаха.

Пороз-бык — по легенде, шаманы для борьбы между собой выступали в образе быка-производителя.

Саабылаан (саабылаан батас) — меч, сабля.

Сабыдал — см. Хаан Сабыдал.

Сата — камень, находимый в желудке или печени некоторых животных или птиц; по поверью, он обладает магическим свойством, изменяет погоду, вызывая бурю, ненастье, стужу.

Саха — современное самоназвание якутов.

Саха Саарын Тойон (Якутский Именитый Господин), *Сабыйа Баай Хотун* (Несметно Богатая Госпожа) — родители Туйаарымы Куо и Кюн Дьирибинэ, первые люди на земле, первопредки якутов.

Симэхсин (от симэх — украшение) — рабыня-коровница, старуха в грязной изодранной одежде.

Сихта — обозначение далекой страны; исследователи связывают с островом Ситка, о котором якуты могли знать понаслышке.

Сиэги — небесный горный перевал, по которому люди айыы спускаются на землю.

Солуур — котел.

Сортол (Растопыренный) — один из эпитетов Бохсоголлой Боотура.

Средний мир — земля людей; см. Верхний мир.

Стерх — белый журавль.

Сулус — звезда.

Суналыкы (Скулящая) — см. Мунаах Суналыкы.

Сыагай (бабка) — в старину соревновались в стрельбе из лука по бабке; отсюда трудная задача: душу Туйаарымы Куо заключают в золотую бабку и подвешивают к небесам; на ней может жениться только тот, кто разобьет бабку.

Сырр! — звукоподражание шипению воды, попадающей на огонь.

Сэймэлдьин Удаган (Плавная Шаманка) — дочь звезды Юргэл, одна из шести шаманок, удаливших колдовские чары Кыыс Нюргун.

Сэлэ — веревочное ограждение места пира, ысыаха.

Сэргэ — коновязь, украшенный резьбой столб или группа в три, шесть, девять столбов для привязывания коней перед юртой.

Сюнг (Грозное) — другое название моря Одун.

Сюнг Дьаасын (Грозный Сверкающий) — бог грома; в некоторых олонхо так же называют и богатыря айыы, героя.

Сюнг Хаан (Грозный Хаан) — другое имя бога грома Сюнг Дьаасына.

Та-тат! — возглас удивления, нервное вскрикивание (обычно у абаасы).

Тар юёрэ (тар — прокисшее молоко, юёрэ — похлебка) — похлебка из потрохов и сосновой заболони (подкоркового слоя), замешанных в прокисшем молоке, собранном летом в больших бочках в подполье; обычная еда дореволюционных якутов, бедняки ели без потрохов.

Татта — река, приток Алдана, пересекает родной улус Ойунского.

Тимир Дьыгистэй — см. Есёх Харбыыр Юс Кюлюк Тимир Дьыгистэй.

Тобурах Бай (Град-Богач) — мифический богач, муж Тогуоруйа Хотун, с его конями сравниваются горы, окружающие страну героя.

Тогуоруйа Хотун — жена Тобурах Бая.

Тойон — господин.

Томоон Имээн (Большая Прекрасная) — страна, где добывается материал для лука и стрел богатырей; дополняется еще и названиями других стран, в которых добываются другие части этого

материала: Кимээн Имээн страна, Хамаан Имээн страна; в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» эти эпитеты-названия привлекаются для создания образа прекрасной родины Кыс Нюргун.

Торбаса — мягкая обувь (сапоги) из шкур шерстью наружу.

Тордуя — берестяной сосуд.

Туйаарыма Куо (Жаворонок Красавица) *Светлолицая* — героиня олонхо о Нюргуне Боотуре Стремительном, сестра Кюн Дьирибинэ.

Турсук — небольшое кожаное ведро (подойник) для кумыса.

Тусахта (туосахта) — круглая серебряная бляшка, нашиваемая для украшения на шапку женщин спереди.

Тэйэр (Взлетающая) — гора на среднем течении реки Амги, на границе современных Алексеевского и Чурапчинского районов.

Тюктюйя — берестяной сосуд, в котором запирается душа покойника, причиняющая людям несчастья и болезни; сосуд снаружи имеет человеческое изображение.

Тюсюлгэ — место для проведения ысыаха; пир, угощение.

Удаган — шаманка.

Улус — административная территориальная единица в Якутии до районирования; в олонхо употребляется и в значении «племя».

Улутуяр (Надменный) — см. Улуутуйар Улуу Тойон.

Улуу Суорун Тойон (Великий Непреклонный Господин) — глава небесных абаасы.

Улуутуйар Улуу Тойон (Великий Надменный Господин) — то же, что Улуу Суорун Тойон.

Уот Кутаалай Удаган (Огнем Пламенеющая Шаманка) — сестра Уот Усуму Тонг Дуурая.

Уот Кындыалана — жена кузнеца Кюёттээни.

Уот Усуму Тонг Дуурай (Огнедышущий Мерзлый Великан) — богатырь абаасы, один из главных врагов Нюргуна Боотура Стремительного, похитивший Туйаарыму Куо.

Уот Усутаакы (Огнеизвергающий) — богатырь абаасы, один из главных врагов Нюргуна Боотура Стремительного, похитивший Туйаарыму Куо.

Уранхай — древнее самоназвание якутов.

Уранхай-саха — другое название племени айыы-аймага.

Ураса — старинное якутское жилище в виде конического шалаша из наклонно поставленных длинных жердей, обтянутых оленьей шкурой или обложенных берестой.

Уруй, уруй-айхал, уруй-туску — здравица, пожелание счастья, выражение радости, восторга.

Хаан — кровь, кровавый; великий, важный, почтенный — эпитет многих богатырей, показатель их значительности.

Хаан Дьаасын (Кровавый Сверкающий) — бог грома, в некоторых других олонхо так же называют богатыря айыы, героя.

Хаан Дьаралык (Кровавый Блеск) — один из горных проходов, по которому из Нижнего мира выходят в Средний.

Хаан Дьаргыстай (Кровавый Звонкоголосый) — богатырь айыы, спасенный Нюргуном Боотуром Стремительным; брат Кыыс Нюргун.

Хаан Сабыдал (Кровавый Удвоенный) — богатырь айыы, пригвожденный к вращающейся железной горе; см. также Кулут Туйгун, Еркён Боотур.

Хаан Чабыргий (Кровавый Висок) — один из богатырей-слуг Алып Хара Аат Могойдоона; он же один из женихов Кыыс Кыскыйдаан.

Халахай — восклицание, встречается в запеве песен абаасы вместе сабытай.

Халбас Хара (Черная Вертушка) — протянутая над Огненным морем или бездной волшебная вертящаяся веревка, на которую в последнюю стадию боя садятся борющиеся богатыри (если силы оказываются равными). Обычно героя спасает небесная шаманка, а богатырь абаасы погибает.

Хамаан Имээн — см. Томоон Имээн.

Хамначит — бедняк, батрак.

Харанга Нюёрэлдьин — см. Нюёрэлдьин.

Харбыыр (Хватающий) — часть имени богатыря абаасы Есёх Харбыыр Юс Кюлюк Тимир Дьигистэй.

Хатан Тэмерия (Каленый Отлетающий) — бог огня.

Холбонньой Куо (Скоробившаяся Красавица) — один из иронических эпитетов богини войны Илбис Кыыса.

Хомогой (Поспешный) — дух жадности, который облизывает губы только что поевшего человека, образуя мелкие язвы, прыщи.

Хомус — музыкальный инструмент.

Хонгкурутта (Лязгающий) — местность в стране верхних абаасы, где находится море Энгсэли Кулахай.

Хоро — злой дух, обладает щербатым бубном, звук которого предвещает смерть важного лица.

Хоромнью Хаан (Ущербный Кровавый) — иногда называется как глава нижних абаасы, заменяя Арсан Дуолая.

Хоронг Айыы — богиня любви, страсти.

Хоруу! Хоруу! — крик, которым подзывают лошадей.

Хотой Хомпоруун (Орел Горбоносый) — бог, покровитель птиц, предок орла, мстящий человеку, убившему его.

Хотун — госпожа, почтительное обращение к женщине.

Чембур — длинный повод.

Чолбон — звезда (Венера); отец Нуолур Удаган.

Чомпо — колотушка, род молота, который, судя по олонхо, в старину употребляли в бою.

Чорон — деревянный, украшенный орнаментальной резьбой кубок для кумыса.

Чохчоохой (приседание) — танец девушек, подражающий движениям доильщиц кобыл.

Чуо-чуо-чууп! — звукоподражание всасыванию. Этим звуком небесные шаманки демонстрируют высасывание из Кыыс Нюргун колдовских чар.

Чурапча — центр улуса, ныне районный центр.

Чуур-чаар — звукоподражание трению железного предмета о камень.
Чынгыс Хаан — один из трех богов судьбы, упоминаемых обычно одновременно. Упоминая Чынгыс Хаана отдельно от двух других богов, его характеризуют как бога злой неумолимой судьбы.
Чэчир (зеленые ветки) — молодые березки, воткнутые вокруг поляны, где должен происходить ы с ы а х.

Шаман — колдун, жрец, исполняющий шаманские магические культовые обряды.
Шаман Лиса — персонаж «Красного Шамана», прислужник О р о с Б а я.
Шаманизм — форма религии, основанная на культе духов, вере в могущество магии, магических приемов, которые, по суеверным представлениям, способны колдовским путем воздействовать на людей и природу.

Ыарт-татай! Алаатыгар! — то же, что А - а р т - т а т а й! А л а а т ы г а р!
Ыйбалдьын Удаган (Радостная Шаманка) — дочь Месяца, одна из шести небесных ш а м а н о к, удаливших колдовские чары К ы с Н ю р г у н.
Ый Тойон (Месяц Господин) — отец Ы й б а л д ь ы н У д а г а н.
Ысыах (от ыс — брызгать, кропить, ыах — подоим) — старинный весенний и летний праздник якутов, сопровождавшийся религиозными обрядами, играми, хороводными танцами, пением. В о л о н х о ысыахи не носят календарного характера и устраиваются по поводу всех важных событий: победы героя, женитьбы его и т. д. Ысыахи постепенно исчезали из быта, и до революции якуты их уже не устраивали. В советское время они вновь возродились, но уже на новой основе. Сейчас ысыах — это всенародный праздник, посвященный окончанию весенних полевых работ, а также важнейшим общественным событиям.
Ытык Иэрэгэй Удаган (Мутовкой Вертящаяся Шаманка) — хозяйка Э н г с э л и К у л а х а й.
Ыый-ыыйбын! Аай-аайбын! — звукоподражание плачу.

Эбэ Хотун (Госпожа Бабушка) — другое имя богини земли А а н А л а х ч ы н М а н г а н М а н г а л ы н Х о т у н.
Эдьэн Иэйэхсит (Почтенная Добродетельница) — богиня-покровительница человеческого рода, охранительница домашних животных.
Эминэ-туомуй! — дополнительный запев в начале песен а б а а с ы, усиливающий отрицание, порицание чего-нибудь с элементом сетования.
Энгсэли Кулахай (Бурлящий-Крутящий) — огненное море, над которым протягивается волшебная веревка Х а л б а с Х а р а.

Юргэл — созвездие Плеяды.
Юрюнг Аар Тойон (Белый Великий Господин) — верховное божество.

Юрюнг Уолан (Белый Юноша) — богатырь айыы, брат Нюргуна Боотура Стремительного и Айталыын Куо.

Юс Кюлюк Бэкийэ Суорун (Имеющий Три Тени Поджарый Упрямец) — один из богатырей слуг Алып Хара Аат Могойдоона; он же и один из женихов Кыыс Кыскыйдаан.

Ярусы неба — по мифологии якутов, небо состоит из отдельных ярусов (по разным версиям: трех, семи, восьми, девяти), расположенных друг над другом; каждый из ярусов представляется отдельным небом. В центре верхнего яруса живут Юрюнг Аар Тойон и его окружение, жизнь их похожа на жизнь людей. По представлениям шаманизма, на самом верхнем ярусе неба живут нечистые духи — покровители шаманов, что противоречит мифологии олонхо, по которой в центре верхнего яруса неба живут добрые божества. О жизни на других ярусах неба рассказов не сохранилось. См. также Верхний, Средний, Нижний мир.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* П. А. Ойунский — депутат Верховного Совета СССР. 1937.
2. *Между с. 160 и 161.* П. А. Ойунский и М. К. Аммосов. 1925.
3. *На обороте.* П. А. Ойунский с женой Акулиной Николаевной и дочерьми. 1930-е годы.
4. *Между с. 192 и 193.* П. А. Ойунский в рабочем кабинете. 1935.
5. *На обороте.* Бюст П. А. Ойунского в с. Ытык-Кель.

СОДЕРЖАНИЕ [1]

---

[1] Звездочкой отмечены стихотворения, публикуемые на русском языке впервые.

II

Платон Алексеевич Ойунский
СТИХОТВОРЕНИЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1978, 416 стр. План выпуска 1978 г. № 385

Редактор *Д. М. Климова*
Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *Ф. Н. Аврунина*

ИБ № 1218

Сдано в набор 02.02.78. Подписано к печати 06.05.78. М 18583. Формат 84×108[1]/32. Бумага типогр. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 22,14. Уч.-изд. л. 22,22. Тираж 25 000 экз. Заказ № 122. Цена 2 р. 50 коп.

Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Невский пр., 28.
Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.

2р. 50к.